НАЯ ГЕЯРОВА

Тропа ведьм

СЛЕЗЫ НАВИЙ

Annotation

Отправившись за город отмечать начало учебного года, две подруги, Аглая и Ника, даже не подозревали, какие испытания их ожидают. Странная изба, возникшая из ниоткуда. И новый, далеко не дружелюбный мир, в котором расплата за любую ошибку — смерть. И есть только один шанс выбраться — дойти до Обители Ведьм. И не такой уж трудный путь, если только вы сами не ведьмы и за одной из вас не объявили охоту. А впереди предательство, измены, нечеловеческая верность и новая любовь.

- Ная Геярова
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

Ная Геярова
Тропа Ведьм. Слёзы навий

Глава 1

…Все уйдет в дым, в прах
и все придет из праха.
Все найдут стыд и страх,
кто даже жил без страха…
Муз. группа Кукрыниксы «Страх»

Мокрые ветви били в лицо, оставляя на коже тонкие жгучие следы. Грязь комьями забивалась в неприспособленные для плохой погоды кроссовки. Толстые корни дубов — исполинов цеплялись за ноги. Темное небо разрывалось молниями. Над кронами раскачивающихся деревьев грохотала небывалая гроза. Острые капли тянулись вниз, к земле.

Аглая устало опустилась на мокрую почву, прислонилась к шумевшей на ветру сосне. В воздухе витал запах озона с примесью прелой хвои. От него спирало дыхание. В голове стояла муть. Кололо под ребрами и стучало в висках от бега. Ноги дрожали в щиколотках, а тело сотрясала дрожь. Настолько сильная, что стучали зубы. Ветровка, заботливо накинутая Игнатом, не помогала. Мокрая насквозь, стылая на ветру, она промораживала сильнее.

Игнат опустился рядом с Аглаей и прижал к себе.

У соседнего дерева сел, вытянув ноги, Стас.

— Я говорила, не стоит в эту хату лезть! — едва переводя дыхание, забормотала срывающимся голосом Рита, опускаясь рядом с Аглаей. — Так нет же, пойдем, посмотрим! Посмотрели? — Она зло покосилась в сторону Ники. Молния в очередной раз озарила темные кроны ночного леса.

— А то ты сама не полезла! — огрызнулась Ника, опускаясь рядом со Стасом.

— Я? — вскочила Рита. — А кто всех подбивал: «Испугались, маменькины детки?» — На лице отобразился кривой прищур.

— А у тебя своей головы нет? — Ника тоже поднялась. — Да откуда тебе, ты же блондинка! — Голос заглушил громыхнувший раскат. И в глубине ночи полыхнула ярко — багряная зарница, озарившая двух девушек, стоящих друг против друга. Крупный дождь хлестал по лицам, скатывался струйками с обвисших паклей волос.

— Успокойтесь, — встал между ними Игнат. — Какая разница, кто решил в хату залезть. Сейчас главное — выбраться.

Он оглянулся. От проливного дождя в ночи можно было разглядеть разве что рядом стоящее дерево. Игнат рукой стер катящиеся по лицу капли.

— Кто — нибудь может хоть примерно предположить, где мы?

Молния озарила устремленные на него встревоженные лица.

— Я так и думал! А у кого — нибудь работает мобильник? У меня ни сеть, ни спутник не ловит.

— Та же беда, — поднялся Стас, выжимая на себе одежду. — Долго бежим. Лес — то километра два на два будет, не лес, так, рощица. А мы уж часа три как здесь бредем и никуда не вышли.

— Может, кругами ходим? Темень — то какая! — робко, отстукивая зубами чечетку, предположила Аглая, зябко кутаясь в промокшую насквозь ветровку.

Игнат глянул на циферблат наручных часов.

— И здесь то же шапито, что и на мобильнике. Время не показывает. Намокло все к чертям!

— А мне интересно, что это вообще за хата такая? — сунул руки в подмышки Стас и начал подпрыгивать, пытаясь хоть как — то согреться. — Я с отцом здесь чуть ли не каждый сезон бываю. Что — то мы на хату эту ни разу не натыкались.

— Натыкались… не натыкались. Ты мне скажи, Сусанин, если так хорошо эти места знаешь, дальше нам куда двигаться?

Стас перестал прыгать, растерянно потер лоб.

— Ну — у…

— Вам не кажется, что слышится звук воды? — поднялась со своего места Аглая.

— Неудивительно! — ухмыльнулась Ника сквозь продирающую ее дрожь. — Погода шепчет.

— Аглая права. Это не звук дождя! — кивнул Стас, прислушиваясь. — Река. Это шумит река. Я точно помню, здешняя речка выходит к трассе!

— Значит, идем к речке! Может, хоть там нас найдут, — потерла холодный нос Ника. — А может, и обогреют.

Небо, в очередной раз сотрясая верхушки деревьев, раскатисто громыхнуло, сверкнуло, разрезая тьму. В секундном отсвете отобразился черный призрак. Все одновременно повернулись. В наступившей темноте виделся темный силуэт всадника. Он поднял руку в широком рукаве и громко, перекрывая вой стихии, приказал вынырнувшим из — за спины песьим мордам:

— Взять!

* * *

Первое сентября. Встречу после каникул весь факультет филологии отмечал бурно. Сначала в студенческом кафе, а после решили продлить празднества в небольшой загородной рощице. Наскоро собравшись, все сорок человек расселись в имеющиеся машины и унеслись навстречу природе.

Костер быстро соорудили из веток, водрузили на него прихваченный котелок. Прямо на земле раскинули покрывала. Девушки расставляли купленные по дороге салаты. Парни играли на гитаре, пели веселые песни.

— Я пока хворост собирал, такой домина видел недалеко — хоромы! — Кто именно произнес судьбоносную фразу, Аглая так больше никогда вспомнить не смогла. Хмельное сознание крутило и вертело цветной мозаикой в голове последние события того дня.

— Откуда здесь хоромы? Вроде ж говорили, что парковая зона, под продажу недвижухи не пойдет!

— А ты всему, что тебе говорят, веришь? — гоготнули рядом. — Тады иди ко мне. Я ща тебе такие байки намастрячу!

— Да говорю тебе! Забором таким обнесли, как будто секретная обитель ЦРУ.

— Прям ЦРУ? А может, тайная инопланетная лаборатория? — И снова хохот.

— Врешь! Я здешние места как свои пять пальцев знаю. Нет здесь ничего: ни хором, ни секретных баз, — голос Стаса.

— Да ну вас! Я всерьез! Фоток сделать. Скандал! Еще бы знать, чья хатка, так вообще раскрутить можно! Любая газетенка с руками и ногами оторвет такую новость!

В компании оживились.

— Далеко?

— Минут десять отсюда по прямой.

— А если нет там никакой тайной обители?

— А если есть?

— Вот и проверим. Кто со мной?

* * *

Обитель была. И ограда из двойной кладки, за которой виднелась красная черепица крыши, увитая высоким плющом. У самой ограды высокий валежник.

— Такое за пару месяцев не соорудишь, — проходясь вдоль забора, присвистнул Игнат. — Интересно, и кто рискнул сии хоромы в заповедной зоне раскинуть?

— Кто тебя не боится. — Девичий голос принадлежал Нике, девице взбалмошной и яркой. Игнат зыркнул на нее из — под бровей и в очередной раз засмотрелся. Хороша. Ох, не была бы девчонкой Стаса, увел бы в ближайшие кусты. Хотя, чего в кусты — то? Такую и в законные супруги можно. Ноги от ушей, грудь такая, аж дыхание спирает, талия — мечта, не девка — загляденье! Он покосился на идущую рядом Аглаю. Неплоха, русые волосы чуть ниже плеч собраны в хвост, глаза яркие, зеленые, так и манят. Но рядом с вызывающей Никой явно проигрывает. А последняя, очевидно, знает, как вид ее очаровывает противоположный пол — на лице легкая усмешка и стреляет из — под черных длинных ресниц карими глазищами. Небрежным жестом поправляет короткие чернильные волосы. А во взгляде смешок: «Что, хочется, да не можется? Аглайка рядом?» Смотри, вот — вот прямо в лицо захохочет. Стас идет, будто и не замечает, ну да у него всегда придурь в голове важнее девок была. И что те в нем находят? Невысок, светло — русые волосы вечно растрепаны, что и заслуг — байки сказывает да песни поет. Будто и не замечает взглядов Ники на Игната. Да ему и не до того, он с Риткой разговаривает. И чего та привязалась? Надоедливая девка. Смотрит на Стаса глазами преданной шавки. Тьфу, терпеть Игнат не может, когда бабы перед мужиком ковриком расстилаются. А эта чуть не в рот Стасу заглядывает. Не понимает, дуреха, не тягаться ей с Никой. Бледная, веснушки по щекам, волосы цвета прелой соломы и глаз мутно — синих со Стаса не сводит. Разве ж ей стоять рядом… Взгляд снова вернулся на Нику. Улыбается ведьма, чуть приоткрыв рот, так, что видно белоснежные зубы. Каждый шаг, что у кошки, грациозен, а спортивные шорты и облегающая футболка только подчеркивают природную красоту.

Высокие деревянные ворота были чуть приоткрыты. Стас стоял, довольно щерясь и настраивая непрофессиональную камеру мобильного.

— Что можем, нафотаем, а там разберемся, чье и кому принадлежит.

— А вот и вход в горницу!

— Ты же не собираешься заходить туда? А если там охрана? И вообще это чужая собственность! — Рита вцепилась в рукав Стаса.

— А маленькие ребятишки могут не идти на дело! — проворковала насмешливо Ника и, качнув бедрами, скользнула в приоткрытые ворота.

«Хороша!» — снова воротившись к мыслям о «ведьме», подумал Игнат и уверенно пошел следом. Аглая обеспокоенно посмотрела на Риту. Стас стоял, не обращая внимания, роясь в настройках мобильного телефона.

— Готово! — и кинулся следом за Никой и Игнатом.

Рита осталась у ворот, провожая Стаса тоскливым взглядом. Аглая налетела на этот взгляд и отвернулась. Нехорошо. И жалко. Не обратит Стас на Риту никакого внимания. Зачем ему такая, если есть Ника, рядом с которой даже симпатичная Аглая выглядела мышью серой. А девчонка надеется. Жалко ее. Да, Ника взбалмошная, капризная. А еще вызывающе красивая.

Аглая направилась мимо Риты, входя в ворота.

Игнат ушел далеко вперед по широкой вымощенной плиткой дорожке. Перед ним, извиваясь кошкой, ступала Ника. Аглаю передернуло. И куда Стас смотрит? Игнат еще тот кобель. Наиграется в гляделки — назад, под крылышко Аглаи вернется. Не впервой, проходили. А вот Стас? И почему терпит? Или правда не видит вызывающего поведения любимой? Или настолько занят съемкой неучтенного домика? Стас не выпускал камеру из рук, на каждом шаге делая новый снимок. И как только не спотыкается, ведь не смотрит под ноги?

Позади хлопнули ворота. Аглая быстро оглянулась. Рита стояла, смотря извиняющимся взглядом. Пожала плечами.

— Нечаянно!

Игнат и Ника разом презрительно оглянулись на нее. Игнат шикнул и пошел к дому, увлекая за собой Нику. Стас махнул рукой, призывая к тишине. И только Аглая ничего не сделала и не сказала. Пока ребята направлялись к дому, она осталась стоять на дорожке, прислушиваясь. Почудилось ей, что, как только ворота закрылись, стало заметно темнее, будто пелена опустилась. И ели за двором зашумели верхами. А край подернутого чернотой неба осветила зарница. Гулко хлопнули резные ставни на высоченных окнах шикарного по всему виду особняка.

— Гроза надвигается, — неуверенно проговорила Аглая, обращаясь к ребятам. Но ее никто не слышал. Все уже стояли у двери. Та была необычна. С витиеватой ручкой, деревянной резьбой на всей поверхности, покрыта темным лаком. К двери вела высокая лестница с широкими перилами. Аглая такие видела только на картинках в старых домах дворян да бояр. Ну да чего только сейчас не сделают, были бы деньги, и любую

фантазию воплотят в жизнь. Аглая поспешила к ступеням и остановилась. Негромко, но зло залаяли собаки. Все стоявшие у двери замерли.

— Охрана? — вопросительно посмотрела Аглая на Игната. Тот молча кивнул. Стас в это время быстро фотографировал дом.

«Такими снимками любая желтая газетенка заинтересуется!»

Отскочил на несколько ступеней вниз, сделал пару снимков. И замер, медленно опуская руку с зажатым в ней телефоном.

Аглая проследила за его взглядом. По зеленеющей площадке в их сторону двигались трое. В длинных балахонистых одеяниях. Со скрытыми под капюшонами лицами. На черных конях, роющих нежную траву тупыми копытами, нетерпеливо кусающих удила. Глаза иноходцев прикрыты черной повязкой. Кони крутили гривастыми головами, громко сопя нервно трепещущими ноздрями. Рядом с ними шли пять огромных псов. Аглая ощутила, как по спине прошел озноб. Она никогда за всю свою жизнь не видела таких псов. Собственно, и людей таких она тоже не видела. Для охраны они выглядели очень необычно. Но кого только не развелось нынче. И приверженцы новых верований, и поклонники дьявола, и сектанты всякие. Но псы!

Выше иноходцев, с ощерившимися черными пастями, из которых вываливались до жути длинные раздвоенные языки. С желтых клыков свисала кровавая слюна. Загривки подняты, на толстых шеях металлические ошейники с шипами, от них тянулись поводки, теряющиеся в широких рукавах просторных одежд охранников. Псы смотрели перед собой белыми глазами без каких — либо зрачков.

— Мама! — Рита первая подала голос и бросилась назад к воротам. Следом завизжала и рванула со ступеней Ника. Стаса сдернул с места утекающий Игнат. Аглая стояла, не в состоянии отвести взгляда от жутких морд псов. Те щерились и рычали.

— Аля! — долетел издалека голос, донесшийся с порывом ветра.

Тонкие костлявые пальцы выскользнули из темных рукавов, щелкнули карабины ошейников. Спущенные с поводков псы тряхнули чудовищными головами.

До Аглаи донесся чавкающий звук облизываемых пастей.

— Аля!

Испуганный, истошный крик Ники подстегнул. Аглая очнулась, бросилась к воротам.

А в небесах в этот момент прогремел первый грозный раскат.

* * *

Гонка. Дикая. С завыванием. Злобная свора позади. С пугающим гиканьем охранников. Меж темных деревьев, только изредка освещаемых разрывами молний.

Хрип подстегиваемых жеребцов. Чудилось, как от их топота содрогается земля. Аглая бежала, не разбирая дороги. Мчалась, ориентируясь только на зов Стаса.

— Сюда! Сюда!

Река показалась внезапно. Тянулась черной простыней, в которой не отражались ни деревья, ни огненные молнии, выбрасываемые разъяренным Зевсом.

— Стой! Это не та река! — Стас озадаченно смотрел на черную неподвижную воду.

— Что значит — не та? — тяжело выдохнул Игнат.

— Та даже не река, так, речушка. Откуда у нас такие широкие реки?

— Значит, мы не попадем к трассе? — плаксиво шепнула Ника, прячась за Стаса.

Ответить ей никто не успел. Собаки завыли совсем рядом. Игнат схватил Аглаю за руку и рванул по берегу. Крикнув на бегу:

— Куда — нибудь да выведет!

— Знать бы, куда! — обгоняя его, прокричал Стас, не выпуская руки Ники.

Пугающе громко разносился за спиной крик погонщиков и вой жутких псов.

Кони разбивали копытами береговую гладь черной реки.

— Помогите! — Рита появилась внезапно, вынырнув из пелены дождя, пронеслась мимо и, обогнав всех, пропала во тьме. И почти сразу раздался вскрик. — Мост!

— Стой! Здесь не должно быть моста! — успел выкрикнуть Стас, мельком подумав: «Как и этой реки, и странного дома, и слишком необъятного леса!»

Мост и правда был, возник из темноты ночи черным перешейком. Рита бежала к нему. Звонко в ночи застучали твердые подошвы ботинок по деревянному настилу.

Аглая крепко сжимала руку Игната. Рита впереди. Ника едва поспевала следом за Стасом, спешащим за Ритой.

Другой берег вынырнул из полосы неожиданно окончившегося дождя

и тут же расплылся в мутной пелене тумана. Звуки погони затихли, пропал лай собак и тяжелое сопение бешеных иноходцев за спиной. Сосны стали гуще и темнее. Под ногами зачавкало, по воздуху пронесся тяжелый торфяной запах.

— Черт! В болото забрели! Ритка, стой, говорю! — выкрикнул Стас.

Его одернула обозленная, тяжело дышавшая Ника.

— Ты чего за ней бегаешь? Меня мало?

— Ты не так поняла! — останавливаясь, нахмурился Стас. Рита замерла у сосен, в испуге смотря на остальных.

— А как мне тебя понимать? Ты вместо того, чтобы меня спасать, бегаешь за этой дурой.

— Слушай, Ника, тебе не кажется, сейчас не время и не место устраивать ссоры? — мягко начал подошедший Игнат.

— А когда будет время и место? Когда я их в койке застукаю? — в сощуренных глазах Ники сверкнули молнии ничуть не меньшие, чем разрывали небо.

— Ника, ты, как всегда, зазря устраиваешь сцены, — поддержала трясущаяся от озноба Аглая. — А Стас прав, не место…

Ника поджала задрожавшие от обиды губы.

— Значит, все против меня!

Резко рванула в сторону и бросилась между деревьев.

— Ника! — донесся вслед ей крик Стаса и тут же был проглочен громким бульканьем.

— А — а — а!

— Чтоб ее! — не сдержался Стас и кинулся следом.

Ника стояла наполовину в темно — зеленой жиже. Ноги и тело по пояс уходили в вязкую трясину.

— Не двигайся, — напряженно прошептал Стас.

Игнат притащил толстую корягу. Вместе со Стасом они легли на животы, протягивая палку Нике.

— Не торопись, чем сильнее будешь бултыхаться, тем быстрее засосет вниз.

Ника всхлипнула.

— Ну — у, сейчас мы тебя вытащим, — Стас осторожно тянулся к Нике.

Аглая не выдержала.

— Я легче. — Легла рядом и, перехватив корягу, протянула ее Нике. Пальцы девушки достали самый конец палки, она начала аккуратно, медленно подтягиваться. И у нее почти получилось ухватить корягу рукой,

когда позади Аглаи послышалось тихое шуршание и робкое, потерянное:

— Мамочки!

Коряга выскользнула из рук Ники.

Напротив, между двух сосен, стояла тяжело дышащая тварь. Длинные клыки доставали до земли, толстые черные лапы копали землю под собой. Морда вытянутая, с короткими мохнатыми ушами. Под шкурой тяжело вздымались толстые ребра. А на хищной морде застыло отнюдь не звериное любопытство. Тварь задрала морду и завыла.

Игнат и Стас отступали к бледнеющей Рите.

Ника всхлипнула, в голосе зазвенели слезы.

— Аля, не бросай меня! Аленька, пожалуйста, не бросай!

Раздалось чавканье, тварь начала приближаться.

— Она сожрет меня! — заголосила Ника. Ее вопль заставил очнуться Аглаю. Она схватила уходящую в болото корягу и потянула к себе.

— Всего один шажок, — зашептала. И в этот момент послышался вой псов, а следом ржание безумных иноходцев.

— Аглая, беги! — Голос Игната прозвучал издалека, осекся.

Аглая оглянулась.

Рита, вцепившись в Стаса, отступала в глушь, вместе с ними уходил Игнат.

— Ни ее, ни себя не спасешь, — проговорил он приглушенно, бледнея от ужаса.

— Не бросай! — тоскливо надрываясь, зарыдала Ника.

— Не брошу! — прошептала Аглая и потянулась всем телом вперед, ощущая, как руки увязают в топи, а в спину задышала жуткая тварь.

— Не двигайся! — смотря прямо на Аглаю, одними губами проговорила Ника и сама попыталась подтянуться ближе. Тварь повела носом, навострила уши. Аглая, боясь дышать, удобнее перехватила корягу. Тварь ступила в топь, и, как ни странно, крупные лапы не проваливались. Она приблизила морду к Нике, несколько раз громко вдохнула. Минуту они смотрели друг на друга. Тварь опустила морду и взялась зубами за корягу, но тут же отпустила, навострила уши, нервно переступила с лапы на лапу. Совсем близко залаяли собаки. Зло залаяли, с подвыванием и хрипом.

Тварь заерзала, закрутила головой. Внюхалась в воздух и кинулась в деревья. Аглая выдохнула и начала вытягивать Нику.

Последний рывок, и подруга легла рядом, тяжело дыша, сопя и пытаясь вытереть с себя тину. Та не оттиралась. Все лицо в грязи, одни глаза сверкают обидой. Меж деревьев мелькнули быстрые силуэты. Аглая схватила Нику за руку, но та выдернула ее.

— Лежи, лицо спрячь!

Девушки прижались к вонючей жиже.

Псы остановились в шаге. Один повел носом, прислушался.

Аглая не дышала, но казалось, что сейчас они услышат бешеное биение ее сердца. Главарь стаи шагнул вперед, покосился на две вытянутые кочки в тине. Из одной, ему показалось, видны грязные подошвы. Но запах… Смрад и разложение, удушающее зловоние. Он ненавидел эти болота, они пугали. Слишком близко здесь стояло воняющее гнилью упокоение. У главаря шерсть встала дыбом.

— Ату! — Хрипящие иноходцы пронеслись меж деревьев. Тонкий конец хлыста резанул бок главаря. Он рыкнул, бросил недоверчивый взгляд на две кочки и рванул вперед, срываясь на вой. Иноходцы пронеслись следом, взрывая могильную жижу черными копытами.

Сердце Аглаи почти остановилось. Если она не вздохнет, то и правда помрет здесь, прямо в этой вонючей болотной гадости. Аглая приподняла голову и судорожно вдохнула. Ника выглядывала из — под ладони. Вой унесся далеко и стал почти неслышным. А потом послышался душераздирающий визг Риты. И разом стало тихо. Зловеще тихо, так, что шелест листьев казался одуряюще громким.

Ника подползла ближе к Аглае, поднялась, растерла по лицу грязь. Сплюнула в болото, со злостью смотря туда, где скрылись «верные» друзья и дикая свора наряду со страшными всадниками.

— Идем! — дернула за руку Аглаю.

— Но они там!

— Хочешь к ним?

Аглая сомневалась.

— Сама подумай, что может произойти? Ну накажут за то, что в чужие владения зашли. И вообще, это не мы их бросили. — Ника потянула в сторону.

Аглая все еще сомневалась. Слишком страшным и диким был крик Риты. Слишком много в нем было ужаса. Ужаса… Того самого, от которого Аглаю и саму начинало трясти, или от холода, от вони мокрой одежды, пропитавшейся болотом. И в голове странный нарастающий шум. Снова послышался вой псов. Всадники возвращались.

— Бежим! — взвизгнула Ника.

По небу разнесся гром. И вниз потянулись тяжелые капли.

Больно хлестали ветви. Гроза насмехалась над убегавшими, небо взрывалось чаще огненными всполохами. И уже не капли вовсе, а сплошная пелена тонких длинных струй била листья, землю, бегущих по

лесу девушек.

— Черт — те что! А Стас у меня попляшет вместе со своей с Риткой!

Аглая молчала, вытирала с лица струи воды, то и дело заволакивающие взгляд. Отвечать Нике было нечего. У самой кошки на душе скребли. На что уж только не закрывала глаза. Но такой подлости от Игната не ожидала! В голове гулко стучали молоточки, не то от бушевавшей в груди обиды, не то от бешеного бега. Перед глазами плясали цветные блики. Деревья, чудилось, становились все выше и гуще. И словно стонали, шептали непонятное.

— Все! Стоп!

Аглая с размаху села на усыпанную темными листьями кочку. Тряхнула мокрыми волосами. Порезы на руках и лице горели так, словно рассеченные раскаленным ножом. Пузырились остатки болотной жижи на коже. Аглая пыталась стереть, но не выходило. Даже тугие струи не могли смыть напоминание близкой смерти. Земля под ногами раскачивалась. В голове шум и гул. И уже непонятно, то ли дождь так шумит, то ли говорящие деревья, а может, просто нет больше сил, вот и давит виски. А гул… Он точно под ногами. Живой, и оттого пугающий. Как будто сотни голосов разом пытаются заговорить. Теперь она слышит, это не деревья. Это исходит из — под толстых корней. И мерещится, что те шевелятся, пытаются вырваться из земли. Жутко и страшно, вот только сил нет двигаться дальше.

— Ника, куда мы бежим? Мне одной кажется, что рощица слишком большая? Мы уже тысячу раз должны были выйти, если не на трассу, то на стоянку!

Ника, остановившаяся у древней ели, потрогала мох на рыжей коре, шмыгнула носом. В полосе ливня девушка выглядела темным размытым силуэтом.

— Алька, ты серьезно? — крикливый до истерики голос. Ника цеплялась обломанными ногтями за ствол, и душащий хрип вырывался из легких, выпуская тонкие струйки холодного пара, тут же сбиваемого струей дождя. — Ты вокруг посмотри! Это не похоже на нашу милую, добрую рощицу! Там же три сосны в два ряда. Да и болот вокруг нет! Это не наша роща, как пить дать!

— А что это? — едва выдохнула из палящего огнем горла Аглая.

— Черт его знает. Главное, выход найти. А там разберемся, куда и как попали!

Ника сползла по дереву на мокрую землю. Глаза закрывались сами собой. В висках стучало. И раны… Как же они горели, внутри словно

пульсировали живые нити. Обжигающие, зловонные, разъедавшиеся едкой жижей болота и острыми сучьями вековых деревьев.

Вой донесся внезапно и совсем близко, заставив Нику разомкнуть веки.

— Алька!

Та не отвечала. Тоскливо склонился ее силуэт у соседнего дерева.

— Алька! — Ника испугалась. Не хватало в такой ситуации одной остаться. Пересилив усталость и пронзившую тело боль, она встала на четвереньки. Качаясь, доползла до подруги. Опустилась рядом, начала толкать.

— Давай приходи в себя.

Аглая застонала. Нехотя открыла глаза и посмотрела на Нику. Мутный, нездоровый взгляд.

— Тварь вернулась, — выдавила Ника. — Слышишь?

В подтверждение вой раздался ближе.

— Вставай, Алька! — Ника, морщась, поднялась. Аглая вставать не хотела. Покачала головой и снова закрыла глаза.

— Не смей меня бросать! — перешла на хрипящий шепот Ника. И, вцепившись в плечо Аглаи, потянула вверх. Зашептала судорожно, еле сдерживая колотящую от страха и холода дрожь.

— Ты зубы твари видела? Если двигаться не будем — сожрет. Ты, главное, шевелись, может, и побоится напасть. Главное — идти. Алька! Ты ногами передвигай, через силу, но передвигай! Слышишь меня? — Голос Ники доносился обрывками и доходил с трудом.

Она переставляла ноги. С болью во всем теле. Слушала и почти не понимала, что говорит подруга. Но через муть сознания доходило одно — нужно идти.

Вой то несся позади, расползался вокруг, то догонял и звучал совсем близко, в паре шагов. Аглая различала красные глаза, мелькающие меж деревьев. То вдруг отставал и переливался раскатисто, ударяя тьму липким страхом. Несколько раз возникала расплывчатая мысль: куда они идут? Но тут же пропадала, стоило увидеть рядом красный взгляд глаз животных. А Ника шла, не разбирая брода. Покачиваясь, придерживаясь за каждое дерево, иногда оглядываясь назад, и снова спешила вперед.

Шаг, еще шаг, неимоверно тяжелый, ватными не слушающимися ногами.

Двигаться! Двигаться!

Аглая не заметила яму, неглубокую, может, норка мелкого звереныша. Нога провалилась, выгнулась и тут же отрапортовала дикой болью. От

крика свело горло, да так, что эхом отдало в голову, в глазах потемнело. Хрипя, Аглая осела на мокрую землю.

— Все по закону жанра! — в сердцах воскликнула останавливаясь Ника. Рукой вытерла лицо. Бросила тоскливый взгляд назад, туда, где слышался вой.

«Бросить!» — мелькнуло молниеносно на лице.

Аглая с трудом сдержала всхлип, оглянувшись на взгляд Ники. Обидно и больно вдвойне, еще и за ногу. Силы тотчас пропали. Захотелось разреветься и просто умереть. Прямо здесь и сейчас, просто чтобы не мучиться. Слезы вроде начали застилать глаза, иначе нельзя было объяснить, что позади показался просвет, как будто что — то светлое блеснуло, тонким лучиком пробилось. Солнце?

— Правильно, брось меня! Я больше не хочу никуда идти. Не могу идти.

— Дура совсем. — Ника подошла и села рядом. — Ты, значит, за мной в болото, а я тебя на съедение твари лесной! Я, конечно, та еще сволочь…

И осеклась, навсегда оставив Аглаю в догадках, насколько она сволочь. Из — за дерева вышла крупная тень. Огненные глаза свернули потусторонним светом, злобная пасть оскалилась.

— Поднимайся! — вопль Ники звоном завис в ухе. — Зубами за воздух цепляйся, ногти ломай, но вставай! — Она тянула Аглаю за руку, звонко била по щекам. — Вставай! Думаешь, она будет ждать, пока ты сдохнешь! Фиг! Живой жрать будет, по кусочкам откусывать!

До Аглаи медленно доходило сказанное. Она, сжимая зубы от боли, поднялась и посмотрела на Нику. Слезы. В красных воспаленных глазах стояли слезы, сбегали по щекам, сплетаясь с дождевыми струями, капали с подбородка. Слезы от страха, творящегося вокруг, оттого, что Алька может сейчас прямо здесь умереть, тогда Ника останется одна. И страх этот заставляет ее трясти Алю, орать как сумасшедшую.

— Тварь! Прочь! — Ника схватила с земли палку и швырнула в горящие глаза. — Давай, Алька. Нам осталось чуть — чуть. Я уверена. Где — то это все заканчивается. А я обещаю, вот выберемся, первое, что сделаем — яйца нашим кавалерам оторвем, а потом в кабак пойдем. Ты чего пить любишь?

— Я вообще не пью, — слабым голосом простонала Аглая.

— Ничего, я научу! — рыдая, пообещала Ника и рывком, с возникшей невесть откуда силой подхватила подругу за плечи. — Идем, Алька, вперед. Смотри, ты встала, и эта тварь посторонилась. Боится живого. Знает, в горло вгрызусь, не сдамся, — хрипела, таща на себе Аглаю. Та очень хотела

сказать, что идут они неправильно — там, позади, светлее. Она это точно видела. Робкий свет сквозь тучи скользил по вершинам деревьев. Им нужно к свету! Но голос не слушался, связки ломило, и вместо слов выходил тоскливый хрип.

«Если и скажу! Позади тварь! Даст ли вернуться? Почему она идет следом? Не нападает, не бежит, идет медленно следом. Ждет, что жертвы выбьются из сил, и тогда… — Аглая сглотнула комок, вставший в горле от ужаса. — Нет. Тварь вон какая! Ей двух девчат завалить, как нечего делать. Но она идет следом. Даже не воет больше. Молча идет. Как будто провожает. Совсем уж бред. А тварь смотрит и щурится. Морда задумчивая…» Мысли разрозненные, сбивчивые. Аглая украдкой поглядывала на скользящую меж деревьев тварь. Идет позади, хрипит в спину. Тяжелое, несущее смрадом дыхание. Гонит. Гонит вперед, в глушь — черную, страшную, с тугими цепкими ветвями, с шепотом из — под кореньев. В голове от страха стучат бешеные молоточки. Они шли туда, откуда тонкими лапами выползал страх, еще больший, чем ужас перед крадущейся следом тварью. И чем дальше, тем чаще деревья, тем сильнее тьма вокруг. Ника двигалась рывками, то и дело проклиная всех, кого знала, Аглая просто едва перебирала одной ногой, вторую волочила следом. И от второй тело пронзала боль. Хотелось умереть, только чтобы все закончилось, и первым делом боль. Рядом сияли, уже не пропадая, красные глаза. Дышала тварь громко, выпуская из ноздрей белый пар в холодящую ночь. И чем дальше, тем холодней становилось. Или это Аглаю начало знобить? Даже здоровая нога отказывалась слушаться, казалось, что и не идут они, а ползут неимоверно долго.

— Куда — нибудь да выйдем! — шептала разгоряченно Ника, то и дело всхлипывала. Вытирала лицо грязной ладонью и двигалась вперед сквозь леденящий ливень. Едва различая, куда двигаться в мимолетных отсветах молнии.

Тварь шла рядом.

«Господи, или убей, или закончи уже эту вакханалию!» — в тоске подумала Аглая. И то ли божество, смотрящее сверху, сжалилось, то ли попросту путь пришел к неожиданному финишу, но лес неожиданно расступился, открывая вид на высокий частокол. Ника остановилась, схватилась за толстые древа рукой. Затряслась от рыданий.

— Вот так вот! Куда — то да пришли! Слышишь, Алька! Мы дошли. Неясно куда, но дошли! Нас здесь накормят и напоят. Мы домой позвоним, и нас заберут! Алька, ты, главное, не отключайся. Мы дошли!

Она не стирала слезы. Опустила Аглаю на землю и, прижимаясь к

стене, пошла дальше в поисках ворот. И те нашлись в сотне метров. Широкие деревянные ворота, запертые изнутри. Ника шмыгнула носом, забарабанила кулаками:

— Эй! Откройте!

Послышались крики. Топот. Стук отпираемых ворот.

Аглая отрешенно смотрела в гущу деревьев. Красные глаза твари там, у деревьев, смотрели на Аглаю спокойно, выжидающе. Взгляд их был довольным. Тварь чуть выглянула из тени ветвей, и теперь Аглая увидела вытянутую черную морду. Она понюхала воздух и сделала шаг ближе. Аглаю затрясло. Когда — то давно она слышала байки об оборотнях и монстрах в далеких лесах, а сейчас она готова была поверить. Потому что по — другому назвать стоящее напротив существо она не могла. Пугающая тварь с хищным оскалом, в жутких глазах безумный дикий блеск. Монстр подошел к Аглае, присел на корточки, понюхал волосы и погладил по голове огромной лапой. У Аглаи сперло дыхание, упасть бы в обморок, чтобы не видеть, как он сейчас растерзает ее. Но убивать ее тварь не торопилась.

— Воу — у — у — у! — морда задралась вверх. Встряхнулись сидящие на ветвях вороны. Темное небо разрезала яркая молния. Тварь смолкла, ткнулась в Аглаю носом, жадно вбирая воздух. В жутких глазах появился интерес. Она отступила в деревья и уже оттуда смотрела на девушку.

«Не собиралась она нас жрать! — отчетливо поняла Аглая. — Загнала, тварь! Сюда именно гнала!» Мысль была обжигающей, от нее стало трудно дышать.

«Ника!» — в зловещем предчувствии попыталась крикнуть Аглая. Но скованное болью горло не позволило выдавить ни звука.

Ворота открылись, из них вышли двое — высокие, худые, в черных саванах. Ника запричитала, указывая на Аглаю, на себя. Губы шевелились, кричали. Аглая не слышала звуков, и даже если бы слышала, серые клетки внутри отказывались понимать. И только глаза Ники, огромные, испуганные, с дрожащими в уголках слезами она видела отчетливо.

Вышедшие закричали вглубь частокола, замахали руками. И показались еще двое, женщины в строгих черных платьях.

«Монастырь? Странный. И монахи, и монашки…»

Аглая видела, как Ника устало рухнула на руки одному из вышедших. В голове стало пусто и тяжело, земля накренилась, и в наступающей тьме сверкнули и пропали вовсе в лесной чаще красные глаза. И только вороны продолжали оглашать округу граем.

Глава 2

Ночь слишком душная, чтобы лежать под одеялом. Оно давит, не дает дышать. Слишком горячо. Аглая скинула его с себя, но жар не отступил, зато по телу скользнул сквозняк, и начало трясти. Кожу знобило. Внутри все пылало. Ломило ногу, и казалось, сейчас совсем вывернет кость, оттого лихорадило сильнее.

— Оно как тебя, мила — я! — Голос далекий, хороший, заботливый. Руки мягкие, пахнущие травами, укрыли одеялом, закутали трясущуюся Аглаю.

Снова нечем дышать от жара, от сковывающей внутри духоты, бешено, пульсом стучит в висках.

Губ коснулась прохладная чаша.

— Пей, пей, мила — я! — Аглая едва тронула пылающими губами край, сделала всего один глоток, закашлялась и откинулась назад, на взмокшую подушку, проваливаясь в небытие.

В тяжелых видениях то и дело мерещились дышащие огнем черные иноходцы и красноглазая тварь. Псы, хрипящие от злобы. Игнат, уходящий в темноту высоких вековых сосен.

— Прощай, Алька!

— Игнат! — От крика резануло в горле, Аглая села и тут же чуть не взвыла от ломоты в ноге. Упала обратно на подушки, от боли из закрытых глаз потекли слезы.

Несколько минут она просто лежала, ловя воздух ртом. Слезы сбегали за шиворот. Аглая их не вытирала, боялась сделать еще хоть одно движение.

И только когда боль чуть отступила, она провела по лицу рукой, обтирая его рукавом, открыла веки.

Полутьма комнаты.

Темный силуэт в самом углу.

Кто — то здесь был. Аглая слышала дыхание в тишине. Но не могла разглядеть. В темное окно пробивался слабый лунный свет. Но и он резал пылающие жаром глаза. Смотреть больно.

И душно так, что дышать нечем. Аглая схватилась за горло.

— Пить! — Не услышала сама себя, только хрип.

Но тот, кто был в комнате, расслышал. Тень поднялась, высокая, черная, подошла к Аглае. Сумеречный свет луны скользнул по длинной

темной косе, перевешивающейся через плечо. В губы сунулась чаша. Аглая сделала пару судорожных глотков и чуть не выплюнула содержимое обратно.

— Пей! — приказывающий голос. И тут же расплылся во тьме силуэт, а на месте его появилась женщина, на худом лице отражено сочувствие.

— Нет — нет! — Мягкие, пахнущие травами руки приподнимают Аглае голову, не давая выплюнуть. — Проглотить нужно, иначе горячка не пройдет! Подруга — то твоя покрепче будет! Уже и во двор выходит, а ты четвертый день мечешься. Глотай. Легче станет. Глотай, мила — я.

Аглая проглотила.

— А где темный, высокий?

Женщина развела руками, головой покачала.

— Почудилось тебе, девонька. Здесь только я. Бред это. Вот и мерещится всякое.

«Бред», — с тоской вспыхнуло в воспаленном мозгу.

А в губы снова ткнулась чаша.

— Пей.

Аглая послушно глотнула приторно — горькую воду.

Комната поплыла, в виски ударило желанным холодком, глаза против воли закрылись. Но Морфей был неумолим. Снова темное болото и красные глаза страшной твари. Аглая дрожит и мечется по постели, смотря в ухмыляющуюся черную морду. Загнала! И тогда к ней выходит высокий темный силуэт, гладит по голове.

— Тихо! — Сквозь пальцы его льется тьма. Но вспыхивает на горизонте яркая обжигающая зарница, рассеивает тьму и шепчет голосом живого человека.

— Тш — ш, мила — я! Тш — ш. Сколь скоро сон проходит, так и горячка твоя уходит. Тш — ш, мила — я! — И пульсирующие венки на висках успокаиваются. Дыхание становится ровным, проходит боль, только иногда в комнате слышен тихий вскрик от пугающего сна.

* * *

Аглая проснулась и несколько минут лежала, не открывая век. Прислушивалась к себе. К учащенному биению сердца.

Виски не давит. Боль отступила, как и жар. Нога шевелится без страданий. В голове пустота, как и бывает после мучительной болезни.

В глубине комнаты тихо, меланхолично отстукивают часы. Тик, так,

тик — так.

Глаза Аглая открыла. Солнечный свет, проникающий в распахнутое окно, играл зайчиками по стенам. Прыг, и он на стене старорусской печи, находящейся в центре комнаты. Прыг — прыг — на деревянные балки под потолком. Прыг по полатям. И на божницу с иконами и лампадой. К широкому столу и вниз на скамью, на которой, сложив руки под голову, спит Ника.

— Ника!

Та приподняла голову, широко зевая и отмахиваясь от игривого солнечного света. Протерла заспанные глаза, уставилась на Аглаю и вскочила. Бросилась к кровати.

— Наконец! В себя пришла! Я уж думала, все!

Что «все», она не пояснила, лишь провела ладонью по красным заплаканным глазам.

— Ника, — Аглая сама испугалась собственного голоса. Тихий, шипящий.

— Голосок что надо! — пыталась шутить Ника. — Ты, когда из этого дурдома выберемся, обязательно сходи на киностудию. Там озвучивать будешь упырей и вурдалаков.

Аглая хотела улыбнуться, не смогла. Показала на пальцах: «Мне бы привстать». Ника оживилась, схватила за плечи, подоткнула подушки, усаживая подругу.

— Тебе идет, — прошипела Аглая, указывая на черное платье на худощавой фигуре. Глухой воротник, скрывающий шею, рукава слишком длинные, не видно ладоней. Подол ниже щиколотки слегка раскачивался, когда Ника направилась к столу. Аглая засмотрелась, Ника выглядела… завораживающе. И как ей удавалось? Даже короткие волосы зачесаны к затылку и прикрыты замысловатой деревянной заколкой. Разве что портила вид несвойственная бледность.

Девушка взяла со стола чашу с питьем и вернулась к Аглае, присела на край.

— Сказали, тебе нужно это пить. — Ника поморщилась. — Жуткая гадость.

— Пробовали, знаем.

Аглая взяла чашу, переводя взгляд с безжизненного лица Ники на бледные руки. Та заметила взгляд, спрятала пальцы в длинные рукава.

— Сколько? — Питье, приторно — горькое, прошло по пищеводу, заставляя его сжаться в рвотном позыве.

— Я три дня, ты с сегодняшним — пять.

Пять! Пять дней! А Ника три. Вот откуда этот тусклый оттенок лица. Отчетливо выделенные скулы, темные глаза, утонувшие во впавших глазницах, украшенных серыми разводами. Навряд ли Аглая выглядела лучше.

— Помоги встать!

— Вставать пока рано. — Ника приняла чашу из рук Аглаи. — Сказали до завтра не подниматься. Мне самой позволили только к тебе зайти. Ты сиди, я тебе еды принесла.

Она сходила к столу, и на колени Аглаи встал деревянный поднос, на нем плошка с похлебкой. Помня о горькой жиже, Аглая очень осторожно поднесла ложку с похлебкой к лицу, попробовала языком, потом губами, а после сунула ложку в рот. Похлебка была вкусной.

— Ты пробовала позвонить нашим? Узнала, где мы?

Ника сцепила руки, отвернулась.

— Не пробовала, у меня сотовый канул в топяных болотах. Но мы не дома. Не в нашем городе. Не в нашей стране. — Она поднялась слишком порывисто, не глядя на Аглаю. — Ты ешь. Мы потом обо всем поговорим.

Аглая есть перестала. Нехорошо, тоскливо застонали разом и душа, и сердце. Ника стояла к ней спиной, теребила пальцы и не оборачивалась.

— Ника, что происходит? Где мы? Здесь что, связи нет? Когда мы сможем вернуться домой?

Ника молчала так горестно, что Аглае захотелось вскочить и начать ее трясти. Но едва хватило сил даже на то, чтобы повысить голос.

— Посмотри вокруг. Что ты видишь? — Голос Ники резанул установившуюся ненадолго тишину.

— Дом, — хрипнула Аглая. А у самой в горле засвербело. Зачесались глаза. — У бабушки такой был. Она была старообрядкой. Мы попали в общину? Староверы? Кто там еще? Монахи дикие?

Ника глянула через плечо, скользнула глазами по деревянным стенам, остановилась на божнице. Подняла руку в крестном знамении, да так и не перекрестилась.

— Это не старообрядцы, Алька, — выдохнула судорожно, и даже лицо перекосилось в неприятной гримасе. — Нет у нас больше дома. Некуда возвращаться.

Она вскользь глянула на Аглаю, тяжело выдохнула и, не произнеся больше ни слова, вышла из избы.

Аглая сидела, сжимая в руках чашу с едва тронутой похлебкой. Солнечный зайчик прыгнул в угол и пропал. Желтый диск скрылся за стеной. Из угла, с божницы, на Аглаю смотрела деревянная икона,

прикрытая поверх белым полотенцем. С койки образ не разобрать. Да ей и не нужно было, все равно молитв не знала. Но шептала. Глухо, с грудным надрывом, пытаясь не заплакать.

— Господи, спаси и сохрани, помоги нам вернуться домой. — И отчего ей так тоскливо? От странного поведения Ники. От бледности подруги. От диковатого вида избы. Да мало ли. Бабуля в такой же жила. Весь поселок из сруба был. Одевались в льняные рубахи, в косоворотки, молились древними молитвами. Травы собирали. Бабуля умела теми травами людей лечить. И молитвами. Много молитв знала. Аглая не записывала и не запоминала, да и зачем ей было. Теперь бы вспомнить хоть одну. Такую, чтобы сердце щемить перестало, чтобы страх отодвинуть. Аглая сложила ладони. Кончики пальцев подрагивали. Такие же бледные, как и у Ники.

«Что значит — дома нет? Не может он пропасть, исчезнуть! Дом есть. Мой. Никин. Мы вернемся».

В углу засопели. Послушалось тихое ворчание.

Топ. Топ. Топ.

Аглая перестала шептать и уставилась в угол. Никого видно не было. Она протерла и без того красные глаза. И ощутила, как медленно, тонкими иголочками, начало покалывать в области затылка.

— Ишь чего вздумали! Девок молодых загонять! Ага, так и отдал! Глаза отвел, тропы запутал. Ищи — свищи своих девиц! — бубнил голос и приближался к Аглае.

Она схватила одеяло за край и потянула к себе.

— …А глазища — то, глазища! Ух, так и повылазили бы у них от злобы. А хорош хранитель — то. Стражей тропы в глушь увести трудновато. Да они сюды уж и не сунутся. А вот кабы соглядатаи не нагрянули. Ну да будем надеяться. Так ему ведомо, он же из своих мыслей — то стражей уводил, заводил, тропу запутывал. Видел, ох, видел, потому и вел. И я вижу. Да только глаза у него мутные, стареет, вот и видел только тьму, а я другое вижу — светлое, задорное. «Може и обернусь, и вернусь, и солнце ворочу», — во как говорили… Ишь солнышко! Давно солнышка в Велимире не было. А ведь как бывало: со всех миров православных и далее, со всех миров иноземных, все сюда в станицу ведовскую тянулись…

Скрипнули половицы. Аля прижалась к спинке кровати.

Топ. Топ. Стукнул приставляемый к кровати стул.

«Мама!» — прохрипела Аглая, меряя, сколько шагов до заветной двери. В это время на табуретке появился старичок. Именно появился, образовался из воздуха.

«Так. Я еще не пришла в себя. Я сплю», — твердо решила Аглая, не

сводя перепуганного взгляда со старика. Маленький, с длинными патлами седых волос, кудлатая борода путается в ногах.

— А я что говорил? — Старик сверкнул на Аглаю огромными глазами из — под густых белесых бровей. — Пришла в себя девка — то, и вторая пришла. Но второй досталось больше. Тьмы наглоталась, силой черной дышала. Ведь в сумрачную вязь своими ногами ушла. А ты, значит, подругу свою из лап ее вырвала? Силушкой, значит, владеешь. Эк все выворачивается. Почитай, со Времен Ухода никто ведовской силушки в наших краях не видал. А тут тропа сама к грани вывела. Или не сама? Вот горемычные — то! Откуда ж ты будешь, девонька? — говорил он скороговоркой. И до Аглаи никак не доходило, о чем толкует старик.

— Из другого мира? — Старичок положил маленькие пухлые руки на кровать. — Точно! Видал я таких. Давно, правда. Почитай, как стражи на грани встали, ни мы, ни к нам, — покачал головой. — Молчишь! Никак голос потеряла? — Карлик прищурился, всматриваясь в Аглаю. — Как есть потеряла. Вот горюшко. Силушка — то вся в душе, а в голове нет ее. Топь да болото, тянула, видать.

Аглая смотрела на старика, на длинную бороду и все больше приходила к мысли: бред это. А он продолжал:

— Тьма к тьме тянется. Ничего бы с подругой твоей не случилось. А теперь ишь как, и она ни там, ни здесь… Голос — то вернется. А она как? Но смотрю, глаза у тебя ясные, тьмой не поволочены, не то что у второй. — Он тяжко вздохнул. — И как вас вдвоем сплело?

Аглая вслушивалась в невнятное бормотание старика. Сумасшедший карлик!

А он косился на нее и тяжко вздыхал.

— Давай ручку белу, поглядеть надо бы!

Аглая сильнее вжалась в стену.

— Не боись, не откушу.

Старик юрко вспрыгнул на кровать, закинул путаную бороду за плечо и схватил Аглаю за руку, повернул к себе ладонью.

— Так и думал. Силушка у тебя по кровушке. Давняя сила. Эх, вот же судьбинушка. И нет бы рядом опора да подмога, а то… — Он замер вслушиваясь. За дверью послышался шум. — Тш — ш, обо мне ни слова, — сверкнул глазищами. — Негоже девкам в уме и здравии со мной говорить.

Аглая хотела возразить, что она и не разговаривала, а говорил только карлик. Но он уже проворно схватил чашу с колен Аглаи, сунулся в нее носом, удовлетворенно причмокнул.

— Это я приберу. — Спрыгнул с кровати, подхватив второй рукой путающуюся бороду. Послышалось негромкое топ, топ к углу, и тишина. В комнате никого не оказалось. Как возник из воздуха, так и пропал.

Дверь со скрипом приотворилась. Аля выдохнула, ожидая входящего. Но никто не вошел.

«Черт — те что!» — успело мелькнуть в голове, прежде чем девушка завизжала от неожиданности. На кровать запрыгнул пушистый зверек с меленькими черными глазками. Аглая подтянула к себе ноги. Зверек насторожился. Поводил коричневым носом, внюхиваясь. Аглая облегченно выдохнула, выправляя ноги — это всего лишь хорек. Милый коричневый хорек. Она видела таких у бабушки, в лесу. Не тронь его, и он тебя не тронет. Хорек пробежал по одеялу, ткнулся влажным носом в лицо Аглае.

«Я все еще сплю». — Аглая протянула руку и осторожно погладила зверька. Он тихо пискнул, юркнул с кровати, бросился бегом по дощатому полу и скрылся в щели приоткрытой двери. И тут же она снова открылась. В комнату вошла женщина. На моложавом лице дугами залегли черные брови, карие глаза по — доброму смотрели из — под густых черных ресниц. Тугая русая коса венцом лежала на голове. Женщина прошуршала темными юбками, подходя к Аглае. Черная кофта глухо застегнута до последней пуговицы. В руках глубокая чаша.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовалась вошедшая.

Аглая кивнула. Женщина поставила чашу на стол, прошла к божнице.

Затрещала тонкая лучина, по комнате поплыл сизый дымок.

Женщина подошла к кровати. Села рядом.

— Меня зовут Тала, я хозяйка дома, давшего тебе приют, — прикоснулась ладонью ко лбу больной. Мягкая рука, пахнущая травами.

— Аглая.

Тала вернулась к столу, достала из стола мешочек, сыпанула пригоршню в чашу.

— Подруга твоя говорит, из лесу вы пришли.

— Из лесу, — слабо подтвердила Аглая.

— За северными воротами дурной лес. Не лес, глушь сумрачная. Невидаль, чтобы две дивчины, не обладая силами, через нее прошли.

Она не смотрела на Аглаю, толкла в чаше травяное зелье. Аглая, наоборот, глаз с хозяйки не сводила. Та то и дело подбрасывала трав из холщовых мешочков, то доставала с полки шкатулки, рылась, выуживала коренья и добавляла в чашу. Снова толкла, хмурилась, вглядываясь в чашу, бегала глазами по шкатулкам и разложенным на столе мешочкам. Брала один, второй, добавляла, мешала, вздыхала.

— Как же вам удалось?

— Тварь жуткая гнала. — Аглая закашляла, горло нестерпимо саднило. — С самого болота.

— Тварь? — Хозяйка мешать травы перестала, брови ее взметнулись вверх, вырисовывая на белом лице домики удивления. Чаша была отставлена в сторону. Тала поднялась и подошла к Аглае. Заглянула в глаза. Пристально. Пальцами потянула веки, всматриваясь в белок.

— Чисто! — сказала удовлетворенно и вернулась к столу, за работу. И как бы самой себе проговорила негромко:

— Может, показалось, почудилось…

— И как Нику из болота вытаскивала, тоже показалось?

Чаша с глухим звуком треснула от удара ступы. Тала охнула и начала собирать со стола мешанку. Махнула рукой.

— Ну ее, все равно не выходит… — И повернулась к Аглае. — Из сумрачной вязи вытаскивала?

— Сумрачная она или как, а то, что вытаскивала, точно. В тине и дерьме по уши обе. — Голос Аглаи хрипел, натянутый от злости.

Тала поднялась, прошла через комнату, остановилась, смотря на божницу. Не оглядываясь, через плечо спросила:

— И хранителя вязи видели?

— Да кто его знает, но тварь жуткая с клыками огромными к нам подходила.

— И чего?

— Понюхала и ушла. Потом она нас к деревне и выгнала. А еще всадники на черных конях гнались с псами огромными…

Тала икнула. Схватилась за сердце. Оглянулась так резко, что всколыхнулся огонек лучины, воротилась к кровати. Присела рядом с Аглаей.

— Ты не серчай, я не из праздного любопытства расспросы веду. К нам со Времен Ухода чужаки не заглядывали. Это раньше, бывало, со всех миров тянулись на смотрины ведовские, на посвящение, на празднества. — Она смолкла. Тяжело вздохнув, поднялась, снова прошла к иконке, теперь рука ее поднялась, сотворяя крест. И Тала начала шептать. Слова были тихие, тоскливые. Аглая поежилась. Как будто об усопших молитва лилась из уст хозяйки. Имена говорились, на бледном лице скорбь. Так и есть, заупокойная. После снова сотворила крест. Аглая механически подняла руку и тоже перекрестилась.

— Упокой, господи… — И сама испугалась. — Свят, свят…

Тала оглянулась, посмотрела с усталостью.

— Святых молю, знаю, не слышат, а рука тянется. А то как же, когда даже веточку положить некуда, только вера и остается. Вот я молюсь и верю, что уйдут в царствие небесное. Может, хоть о ком — то да услышат, хоть кого — то проклятие отпустит, и вспорхнет душа покаянная. Не станет люд живой тревожить, песни замогильные вести да в мор скотину вгонять. Иной раз смотрю с надеждою, говорю, как будто рядом стою. А что они? Разве ж можно мне живой с ними беседы вести? Не слышат. А коли и слышат, отвечать не торопятся. Обида глубокая на живых, проклятием черным разъеденная. — Знахарка тяжело вздохнула. — Знаю, что души отпустит упокоение. Да только нет его ни мертвым, ни живым.

Аглая моргнула.

Что значит — беседы вести? С кем вести? Кому упокоение? Мертвым или живым?

Сумасшествие. Или нет, не она. Тала сумасшедшая? «Не старообрядцы», — Ника сказала. Аглая и сама теперь это видит. Уж ей — то не знать. Бабушка жила в глубинке, в тайге. И Аглая даже ездила к ней летом на каникулы. Хорошая была бабушка. А какие песни пела:

«То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит,

То мое сердечко стонет, как осенний лист дрожит…»

Хорошо пела. Даже сейчас, через столько лет, едва вспомнила, донесся в воспоминания ее чудный, слегка подрагивающий в грустном напеве голос. Долго Аглая приходила в себя, узнав о смерти бабушки. Но и в последний путь ушла та с чистой душой и светлым разумом.

А что здесь творится?

Пугающий старик — карлик несет чушь. Тала говорит словами вроде и понятными, а вызывающими страх. Аглая не хотела ее понимать. Перед глазами вставала Ника с глубокой тоской в глазах. «Нет больше дома. Некуда возвращаться!» От всего этого хотелось спрятаться, убежать. И все равно, что не знает, в какой они стороне. Где — то да есть дорога. Найдут тропу! Вернутся домой!

— Тала, — осторожно начала Аглая. — Мне бы выйти.

Тала вернулась к столу, опустилась на скамью. Собрала осколки чаши.

— Выйдешь, погодь немного. Позже не захочешь, а уходить придется. Глава вас в поселении не оставит. Опасно. Стражи не сунутся, слишком далеко ушли от грани, а вот соглядатаи коли узнают… Отдохни, силы тебе понадобятся.

— Да я вроде и так наотдыхалась. — Аглая резко поднялась, скинула ноги с кровати и встала. Ступни тут же запутались в длинной рубахе. Голова пошла кругом, комната пошатнулась, в горле встал тошнотворный

комок. Аглая ухватилась дрожащей рукой за спинку кровати и села обратно. Тело бросило в жар, лоб и щеки заблестели от выступившего пота.

Тала участливо покачала головой.

— Обожди малехо, там и сил поболя будет.

Она посмотрела в разбитую чащу. Отставила ее на подоконник, сама полезла в полку на стене. Достала широкую кружку, кинула травок из разных мешочков и вышла.

Вернулась быстро, кружка парила.

— Выпей! — протянула хозяйка варево. Аглая с сомнением глянула на густую зеленую жидкость.

— Надо. — Тала сунула кружку под самые губы. Носа достиг неприятный запах прогорклой прелости.

«Не хочу!» — завопил желудок и болезненно сжался.

Но силы Аглае нужны были. Она заткнула нос и сделала несколько больших глотков. Гадость. Редкостная. Аглая с усилием сделала еще глоток и с удивлением посмотрела на хозяйку. Дрожь, как и жар, отступили. Круговорот в голове прекратился, сменившись сонным отупением.

— Вот видишь, хорошо, — проворковала Тала и улыбнулась. Хотя в последнем Аглая не была уверена. В сознании, неумолимо завлекаемом в дремоту, все поплыло. — Отдохни, мила — я!

— Отдохну и пойду. Домой мне нужно, — вяло пробормотала Аглая, закрывая отяжелевшие веки. Теплые руки, пахнущие травами, аккуратно положили ее в кровать, укрыли одеялом.

— Пойдешь, обязательно пойдешь, — с горечью прошептала Тала, отходя от кровати. Взяла с подоконника осколки чаши с остатками зелья, глянула в них: темный путь, светлый путь, путаная дорога, все сплелось, размылось, осколками покрылось. Долгая у тебя дорога, мила — я! А уж тяжелая…

Глава 3

Громко, испуганно кудахтали куры. Возмущенно кричал петух. И где — то на разрыв брехал пес. Весь этот гвалт перекрывался вороньим карканьем.

В открытое окно тянуло вечерней прохладцей.

Аглая поднялась. Сил от отвратительного на вкус варева и правда прибавилось. Немного кружилась голова. Но ноги ступали твердо. Да и руки не дрожали, не покрывалось испариной тело от малейшего усилия.

Аглая прошла к окну.

Зеленый дворик, за деревцами невысокий штакетник. Деревянные домики под соломенными крышами. На изгороди тройка кур и петух, голосивший на всю округу.

— Пустоголовы! — беззлобно прокомментировала Аглая, переводя взгляд к калитке. К ней вела вытоптанная тропинка. В паре шагов от нее коричневый пес с толстой цепью на плешивой шее. Он хрипло потявкивал, задрав голову в небо. Аглая проследила за поднятой мордой. Синее небо с легкой краснотой уходящего солнца разбавлялось кружащими силуэтами ворон. Воронья было много. Очень много. Они сидели на верхушках далеких елей. И на ближних штакетниках. На соломенных крышах.

— Кар — р — р! — гулко, злобно разносилось по округе.

— Ау — у — у! — затягивал в унисон старый пес.

Тревожно хлопали крыльями взъерошенные куры. И только петух тряс гребнем, семенил лапами по изгороди, и голос его звонко разбавлял карканье. Он будто пытался разогнать воронье. Выворачивал голову, посматривал глазом вверх, настукивал шпорами. В ответ ему звонко разносилось пение другого поселкового петуха. И они вторили друг другу. И еще один голос вплетался, совсем издалека. Да куда там паре — тройке петухов против такой стаи. Воронье даже не смотрело в их сторону.

— Кар — р — р!

Аглая отступила от окна. Жутко. Не то от собачьего воя, не то от вороньего крика. А может, от всего разом. И маетно как — то.

Помнится, у бабули в деревне хорошо было. Тепло. От людей, от того, что из ближайшего леска травой и ягодой тянуло. Дождик. Летний, слепой. По сенцам. Крап — крап. Аглая лежит на свежевыкошенном и смотрит в щели толстых балок, прикрывающих крышу амбара. А потом босиком, по влажной траве, до дома. Там уже бабуля крынку с молоком на стол

поставила и хлеба свежего. Запа — ах!

Аглая проглотила слюну. Бросила быстрый взгляд на стол. Краюха хлеба и кружка с варевом. От вида варева стало муторно. Она взяла краюху, жадно откусила, озираясь, нет ли ведра с водой.

От еды ее отвлек хлопок калитки. Аглая икнула, покосилась на неаппетитную кружку и все же взяла. Нехорошо при хозяйке икать. Сделала глоток. Цыкнула сама на себя. В кружке оказался компот. Невесть из каких ягод, в них Аглая никогда не разбиралась, не сладкий, но в меру кислый, сбивающий сухоту в горле.

Именно с кружкой и куском хлеба в руке ее застал входящий.

Аглая икнула сильнее от неожиданности.

«И отчего решила, что Тала пришла? Мало ли кто может зайти, калитка — то, поди, даже не запирается».

Вошедший от вида Аглаи усмехнулся. Высокий крепкий парень в черной косоворотке, опоясанной черным же плетеным ремнем. Черные штаны заправлены в высокие кожаные сапоги. Пожалуй, вид его, учитывая события последних дней, навряд ли мог заставить Аглаю удивиться. Но брови ее все же взметнулись вверх. Поверх рубахи лежала толстая черная коса, тянувшаяся почти до пояса. Глаза на слишком белом лице казались серыми воронками под темными дугами бровей.

Аглая громко сглотнула вставший в горле последний компот. Отставила кружку, хлеб так и остался в руках.

— День добры — й! — Она снова икнула.

Вошедший нехорошо усмехнулся, оценивающе всматриваясь в девушку.

— Слышал, издалека прибыли, — сказал не здороваясь, не сводя глаз. А те то темнели, становясь черными, как угольки, то снова образовывали серую дымку, которая сверлила Аглаю.

Она растерянно кивнула. И тут же разозлилась на саму себя. И чего такого? Ну сидит, а вернее, стоит, ест, никого не трогает. Вваливается этот…

— Оно и видно, — сказал «этот» хмуро. — У нас не принято девкам в ночных рубахах перед мужиком являться.

«Девкам!» — резануло слух.

— У нас не принято без приглашения вваливаться! — Смерила вошедшего пренебрежительным взглядом и поднялась из — за стола. Принято у них здесь! Хм — м! Пусть смотрит, не голая, поди.

А он смотрел. Нагло и цинично.

— Хороша! — кивнул. Аглаю обдало жаром, да так, что щеки

запылали. — Подруга, пожалуй, лучше будет. — Из жара бросило в озноб.

— А я вроде в невесты не набиваюсь, чтобы смотрины устраивать. А ты, коли «у вас» негоже на девчат в нижней рубахе смотреть, отвернулся бы.

Он продолжал смотреть и лыбиться насмешливо.

— Я разве говорил, что смотреть не принято, я сказал, что девицам негоже в рубахе перед мужиком. А коли сама показывается, отчего же не смотреть.

От возмущения затрясся желудок.

— Вон пошел!

— С чего это? — искренне удивился парень.

— С того, что это не твоя хата, нечего здесь делать.

— Ишь ты какая гонористая. — Он облокотился о косяк. — А ежели моя хата, тогда что?

— Тогда… тогда я пойду… — Аглая уверенно направилась к двери. Он не сдвинулся с места.

— В нижней одеже пойдешь?

Аглая отчего — то с надеждой глянула на божницу. Иконка смотрела укорительно — назидательным взглядом.

«Чтоб те с громом провалиться!» — подумала Аглая, переводя взгляд на непрошеного гостя.

— И что? Мне здесь не жить и детей с вашими мужиками не крестить. — Она сделала очередной, но уже не столь уверенный шаг.

— Нельзя, — сурово посмотрел гость, сложив руки на груди. Ухмылка стянулась в тонкую полосу губ. Он сощурил глаза. Аглая отступила. Нехороший у него был взгляд — темный. «С таким в глухой чаще повстречаешься, там, пожалуй, и останешься», — испуганно подумала.

— Чего на входе встал? — провозгласила голосом Талы открывающаяся за его спиной дверь.

Гость посторонился, но глаз с Аглаи не сводил.

Хозяйка вошла в избу, в руках таз, полотенце на локте. Поставила таз на стол, перевела дух и обернулась к парню.

— Так и будешь стоять? Выйди, кувшин да узел в сенях. Принеси, — закинула полотенце на плечо.

Он скривился, косо глянул на Талу.

— Не прислужка я тебе. Коли надо, так ее и направь, — кивнул на Аглаю, откинул косу назад. Взгляд так и сверлил. — Глава чуждых видеть хочет. Поутру у себя ждать будет.

— Не прислужка? Так и нечего здесь хвостом крутить. Передал? —

поставила руки в боки Тала. — И на выход. Нечего почем зря отираться. Видишь, не в себе девонька, а ты и рад глазенки почесать.

Аглая, чувствуя поддержку, встряхнула головой, резко глянула в лицо обидчику. Он усмехнулся. Нехорошо. В темных глазах отразился отблеск заходящего солнца и тут же погас, поглощенный тьмой, разраставшейся в глубине зрачка.

— Давай отсель! — вскинула руки Тала. Гость скользнул в дверь. Тала направилась следом и тут же вошла обратно с кувшином. И только тогда облегченно выдохнула:

— Принес неладный. Хуже воронья. Никогда доброго слова не скажет.

— Кто это? — Аглая поежилась от вечернего сквозняка и воспоминания взгляда гостя. Странное чувство, будто видела уже. Да только где она могла видеть его? Здешние края уж точно ей не знакомы. Аглая задумчиво смотрела в раскрытое окно. Гулко хлопнула калитка, пес проводил непрошеного гостя гавканьем, петух прокричал, вытянув вслед шею, и тряхнул гребнем.

— Аглая!

Та оглянулась. Тала указала ей на таз с водой, положила полотенце на скамью, из кармана выудила кусок коричневого мыла.

— Тимир, найденка. Глава его в детстве в дебрях восточных нашла. То ли родителям в тягость стал, то ли… Ты голову ниже наклони. — Тала смолкла, с тоской смотря в открытое окно, намыливая Аглае волосы. Пес во дворе завыл. Тала начала поливать из кувшина. Вода стекала пенными ручейками, от травяного запаха мыла стало горько в носу. Аглая жмурила глаза, но их все равно щипало.

— Темный он. Сила в нем, да не ведовская. Ведовской — то уж нет у нашенских. Всю Гаяна стерла начисто. А силушка вот вдруг объявилась, уж и не ждали. Да только темная. В былое время отправился бы в Обитель. Ведьмы провели бы ритуалы нужные, стал бы наш Тимирка жрецом. А теперь жрет его это изнутри. Щерится. Иногда так глянет, что душа готова вон выпростаться. Того и гляди, сила сама свое возьмет. Неподчиненная, как такой силой повелевать да в какое русло направлять? Бывало, в давние времена не успевали в Обитель носители и становились сумеречными не справившись. Не люди, не жрецы, не мертвые, не живые. Так в то время знающие еще были, да и то без ведьм приходских не обходились, а тут мальчишка да совсем один. Ох, возьмет чернь свое. Застонет поселок. Сила темная в неподчинении! Вся округа содрогнется, завоет в мучениях. Да только ненадолго. Соглядатаи разнюхают, несдобровать Тимиру.

— Так, может, и лучше, чтобы его того… Ну, если опасен. — Аглая

запрокинула голову, кутая в полотенце, вытерла ладонью мокрое лицо.

Тала посмотрела на нее вопрошающе. Отошла к рукомойнику, вытерла ладони о рушник.

— Холода сколько в словах твоих. Никак обидел кто? Мужчина?

Аглая не ответила. Тала нахмурилась, указала на узелок.

— Здесь одежа твоя, перекинься.

Аглая была уверена, что одежа — то самое черное в пол платье.

Взяла куль, размотала. Не ошиблась. Наскоро переоделась.

Тала ушла на улицу, вылила воду и накрыла на стол. После еды милостиво кивнула.

— Пошла бы прогуляться. Ишь вся серая стала.

У двери висело круглое зеркало. Аглая глянула в отражение. Лицо худое, впавшие от жара и болезни щеки, да так, что скулы выпирают. Зелень в глазах поблекла, став больше похожей на муть болотную. Аглаю аж передернуло. Темные круги под глазами.

— Иди, иди во двор. Воздух тебе нужен. Живого мира почитай пять дней не видела. Там у ворот подруга твоя, вся изнемогла. Вам небось потолковать нужно.

Аглая, услышав про Нику, на ходу обула стоявшие у порога кожаные сандалии и выскочила наружу.

— Ника!

Подруга махнула рукой.

— Алька!

Ника полезла обниматься. Шарахнулась в сторону проходящая мимо женщина с ребенком на руках. Тот от резкого шага заголосил. Ника кинула на них неприязненный взгляд и потянула Аглаю прочь мимо низких изб по узкой улочке. Махнула стоящему у открытых ворот пареньку. Вывела за околицу в поле. И только здесь остановилась.

— Смотри, Алька!

Зеленые, кое — где подернутые осенней желтизной травы тянулись почти до горизонта, где их проглатывали высокие исполины деревьев. Вороны зло граяли в выси. Аглая ошарашенно осмотрелась.

— Где мы, Ника?

— Хороший вопрос. Ответить некому. Поселковые шарахаются от меня, как от прокаженной. Девки креститься начинают, мужики — и те волками смотрят. Тетка, у которой в хате живу, лишнего слова не скажет. Вечером придет только для того, чтобы еды принести, и тут же за дверь. Дикие. А говорят как — с вензелями и присказками.

Аглая задумчиво села на пригорок. Из поселка тянуло разномастным

варевом, доносились крики детворы, лай собак. И все перекрывало карканье воронья.

— Странная местность. И люди странные.

Ника опустилась рядом, подняла с земли соломинку, сунула в рот, пожевала и выплюнула.

— Алька, мы не дома… не в нашем мире.

Аглая посмотрела на Нику недоверчиво.

— Неужели сама не видишь?

— Ты звонить домой пыталась? — Аглае совсем не нравился разговор.

Ника нервно усмехнулась.

— Так я уже говорила, мой телефон в болоте покоится. А здешние жители про сотовую связь слыхом не слыхивали.

— А мой, пока бежали, потерялся, — призналась Аглая.

— Да если бы даже остался, толку мало. Ты вокруг посмотри. Хоть один столб видишь? Ни высоковольток, куда ни глянь, ни простых опор. За все дни ни одной машины в деревню не заезжало. Зато парнокопытные в каждом дворе. А вчера вечером… — Она задумчиво всмотрелась вдаль. — Алька, ты меня можешь за сумасшедшую считать… В поселке четверо ворот, и все на ночь запираются. Не ходит здесь люд по ночам. Тихо, как в гробу. Выйти за ворота после того, как солнце село, невозможно: стоят, охраняют. Я уж было подумала, всяко бывает, может, банды какие лихачат, места — то дикие… — Помолчала. — Не банды. Пока солнце не село, вышла за ворота, думаю, окрестности огляжу, может, где и на трассу выйду, или встречу кого, позвонить попрошу…

Шла Ника не сворачивая, помня, что именно так и можно заблудиться, шаг влево, шаг вправо, и закрутит, завертит тропа узкая. Отошла вроде недалеко, да только оглянулась и поселка не увидела, будто не было. Поле сорное да кусты ежевики дикой, можжевельник испуганно трясет ветками на ветру, дереза за подол колючками хватает. Отчего стало страшно? Оттого ли, что внезапно поняла, что потерялась, или от чувства одиночества, так же внезапно обрушившегося на неуемную головушку? Развернулась и обратно направилась. А сердце гулко стучит да трепетно. Уж не километр, все пять прошла. Выдохлась, но не видно ни высокого забора, ни ворот бревенчатых. Тропа выворачивала, крутилась под ногами, забредала за кусты, хотя Ника точно помнила, что никуда не сворачивала. От страха завыла в голос.

— Никак заблудилась, заплутала, девица красна?..

Ей даже оглядываться было страшно, так жутко прозвучал невесть откуда возникший хриплый, дрожащий голосок.

— Что это ты не отвечаешь, девица? — елейным тоном. Топает, ногами по земле чавкает, будто по болоту их тянет.

«Не оглядываться, только не оглядываться», — уперто твердила себе Ника и шла вперед, с ужасом понимая, что тропа уводит в лес. Тот самый, откуда с Аглаей вышли. Тот, где болото, тварь и черные иноходцы с гикающими наездниками. А позади хриплый не отстает, Ника его спиной чует.

— Обернись, краса девица! Я ничего молодец! — Хихикает мерзостно, а по коже у Ники мороз. — В дом свой приведи, с родителями познакомь, я мужем хорошим буду.

Ника остановилась у первого дерева. Куда далее? Вперед, в чащу жуткую. Оглянуться еще страшнее — встретится нос к носу с хриплым и отчего — то твердо знает — нельзя. А хриплый уж в спину дышит, и чует Ника, как пальцы рук ее касаются. Холодные, влажные. От ужаса у самой ладони вспотели, в жар кинуло. Стоит и трясется.

Откуда внезапно вышел огромный черный волк, не заметила. Только остановился и щерится. Руки тут же от Ники отдернулись. Волк прижал уши и, не произнеся ни звука, прыгнул. Нервы не выдержали, Ника зажмурилась и завизжала.

— Ты чего тут после захода шастаешь? — сказали прямо в ухо, прерывая визг.

Ника распахнула глаза. Перед ней стоял высокий крепкий парень. Ни волка, ни хриплого за спиной не было. Солнце, по всему, уж давно зашло. Вокруг тьма. И забор бревенчатый, вот он, рядом, в шаге от нее, высится темным ребристым полотном. Ника кинулась на шею спасителю, не рыдала, тряслась всем телом, не в состоянии успокоиться.

— Говорили тебе не выходить одной за ворота. Чего на ночь глядя поперлась? — волок ее спаситель к створкам. Рука крепко сжимала запястье, Нике было больно, но от пережитого страха она не могла сказать ни слова. И только когда парень впихнул ее в калитку собственного дома, выдавила приглушенное:

— Спасибо!

Он сверкнул темными глазами, на секунду отразившими блеклый свет луны. И совсем близко завыли соседские собаки. Протяжно и дико, будто восстала в них кровь древняя, волчья. Ника не могла сдвинуться с места, пока не пропал спаситель во тьме. Собаки еще долго выли, а позже скулили, испуганно прижимаясь к косым будкам и забиваясь под сени.

— Странный, — подвела итог Ника, выдрала из земли соломину и начала ее жевать. — Парень вроде, а коса по пояс.

— Черная?

Ника кивнула.

— Тимир его зовут, — вздохнула Аглая.

— Ты успела познакомиться?

— Пришлось.

И обе замолчали. Смотрели в зеленые травы, в затухающую синеву неба и прощающиеся с днем солнечные переливы, на воронов, кружащих над поселком. Тоскливо и муторно, и воронье вроде не в небе грает, а в душе царапается, кричит сотней голосов.

— Алька, тот хриплый… Я ведь уверена была, что неживой. Не знаю, кожей чувствовала, если оглянусь, тут мне и конец… И по ночам они вокруг ворот ходят, я слышала, как зовут. По именам, к себе. Стену когтями царапают, ногами землю ворочают, чавкают, а только рассвет скользнет — пропадают. Я к сторожам ходила, спрашивала. У виска крутят, говорят, совсем на голову пришибленная, ну, мол, чего взять, считай, полуживая пришла, вот в уме и мутится. А я слышу их… Алька, я не сумасшедшая. Я голоса их от живых различаю. Страшно! — Ника нервно теребила в зубах соломинку. Вроде как и закончила рассказ, только побоялась сказать о том, как руки чернели, когда спаситель, крепко сжимая ее запястье, тянул к воротам. Как в глазах потемнело и казалось, что вот сейчас вырвется из нее нечто злое, жуткое, и как оно тянулось по пальцам к спасителю, а едва коснулось, как тот задрожал. Лицо серое стало, когда в калитку втолкнул. Уходил шатаясь. И видела Ника за спиной уходящего Тимира черную пелену тьмы. И скользящие тени дымчатые по сторонам. Оттого и собаки выли, чуяли. Оттого и ей не просто страшно, а жутко было, да так, что сама готова была завыть. Да только в тот момент будто внутри что — то лопнуло и зашептало: «Выпусти! Не бойся, я с тобой!» У Ники от голоса того волосы дыбом встали. А после она всю ночь сидела на кровати, поджав под себя ноги, дрожала и прислушивалась, уснула лишь под утро.

Зеленые травы чуть волновались на слабом ветру. Бледное задумчивое лицо Аглаи было повернуто к лесу на горизонте. Глаза цепко всматривались вдаль, пытаясь увидеть хоть что — то знакомое. И не видели.

— Может, мы умерли и попали в мир мертвых?

Ника ткнула в Аглаю соломинкой.

— Ты чего? — взвилась Аглая.

— Чувствуешь? То — то и оно. Мертвым уж, наверное, боль нипочем.

Аглая смотрела на ладонь. Крохотная красная точка от тычка. Потерла. Больно.

— Смотрю, вы наконец соизволили одеться! — раздалось за спиной.

Ника обернулась. Аглая вспыхнула, узнав голос подходящего к ним парня. Он остановился за ее спиной.

— Буду предельно вежлив. Доброго вечера. Однако до вас не только слова, но и приключившееся не доходит, — последнее он адресовал Нике. Та побледнела.

— Волки съедят? — Аглая не желала разговаривать, но от рассказанной Никой истории на теле выступили мурашки.

— Если повезет, то волки, — согласно кивнул неожиданный собеседник. — Только они к поселку не пойдут. А вот кто пострашнее… Солнце садится.

Ника хотела вставить, что видела совсем рядом и волка. Но не успела.

— Здесь есть кто — то страшнее тебя? — вставила, поднимаясь и оборачиваясь к собеседнику, Аглая. Как раз чтобы увидеть, как насмешка на лице его меняется на гримасу неприязни. Ника покосилась на качающий ветвями исполинов горизонт.

— А отстреливать не пытались?

Молодой человек нехотя перевел на нее взгляд.

— Не срабатывают против нежити пульки не заговоренные. А заговаривать в нынешние времена некому. Перевелись ведьмы.

Аглае послышался тихий звон в ушах, успела заметить, как Ника совсем побледнела, дыхание стало редким, прерывистым.

— Какие ведьмы? — тихий шепот перешел в хрип.

— Все! Все перевелись. Вернее, перевели. Изжили уходящей властью, — без тени смешка ответил собеседник, и зрачки его стали темнеть.

Ника схватила Аглаю за руку. Муторно и нехорошо стало от взгляда Тимира.

— Мы пойдем.

— Вот так сразу? А мне казалось некоторое время назад, вы очень желали узнать о происходящем здесь. Кто — то даже не побоялся выйти за ворота в ночь.

Ника глянула на Аглаю. Бледность сошла с лица, заменившись желанием уйти, сбежать от неприятного собеседника.

— Я шарахаться от вас не стану. — Он пристально смотрел на Нику. И от этого взгляда было не по себе не только Нике, но и Аглае. Она разозлилась уже не только за свой страх, но и за Нику, внезапно занервничавшую.

— Чего же так? Не боитесь нас?

На бледном лице юноши растянулась тонкая улыбка презрения.

— Я? Вас? — Казалось, он сейчас засмеется. Не засмеялся. Улыбка сползла. Он протянул руку Нике. — Тимир. Мы вроде забыли познакомиться.

Ника снова покосилась на Аглаю. Что ей ответить? Аглае он был неприятен.

— Не бойтесь, я хороший.

— Тала так не думает, — осторожно шепнула Аглая.

— Тала! — Тимир кивнул. — Тала умная. Ее нужно слушать.

— Значит, мы пошли. — Ника потянула Аглаю за рукав. Но ее тут же перехватил Тимир. Пальцы крепко вцепились в тонкое запястье. Ника охнула.

— Мы не закончили…

Аглая ухватила парня за вторую руку.

— Не смей!

— Чего не сметь? Я пока ничего не сделал. А вот она сделала. — В потемневших глазах заплясали воронкой черные вороны. Они затягивали, увлекали. Воронье в небе поддерживало их криком. Аглае почудилось, что все вокруг стало заметно темнее. Разом посерело заходящее солнце. Пожухли травы. И лицо Ники стало темным, безликим. Будто жизнь оставила ее, и только в глазах плескался ужас, словно видела она перед собой не Тимира, а нечто страшное.

— Сила темная если свое возьмет, будет в неподчинении. Застонет округа, завоет от муки. Да ненадолго. Соглядатаи разнюхают, не жилец ты тогда, — звенящим шепотом в ухо парня повторила Аглая мрачное предзнаменование Талы. И сама содрогнулась, когда посмотрел на нее Тимир. Под потемневшими глазами залегли глубокие черные круги, не было ни радужки, ни век, только черные глазницы на бледном лице.

— Не то ты видишь. Ее не от меня спасать нужно… — он не договорил.

— Пусти! — отчаянно, зло прохрипела Аглая.

Тьма из глаз Тимира метнулась наружу. Аглая крепче вцепилась в удерживающую Нику руку. Заломило пальцы. — Пусти! — Тьма остановилась. Крутанулась воронкой. — Изыди! — захолодев от ужаса, хрипом выдавила Аглая первое, что пришло в голову. Тьма замерла. Посерела. Отхлынула от лица Тимира мертвенная бледность. Вокруг Аглаи снова заиграли краски. Окрасился багрянцем закат. Изумрудной зеленью поднялись вершины исполинов. И только трава так и осталась жухлой, словно выжгло ее солнце досуха. Рука Тимира, державшая Нику, ослабла.

Аглая рванула ее в сторону. Тимир отшатнулся и безмолвно упал на колени.

— Бежим! — разнесся голос пришедшей в себя Ники. Она схватила растерянную Аглаю за руку и потянула. Аглая рванула следом. Пробежала сотню метров и остановилась. Оглянулась. Тимир продолжал стоять на коленях у поля. Его сотрясала крупная дрожь.

— Стой, Ника!

Та споткнулась от резкого вскрика, глянула непонимающе. В расширенных зрачках еще стояло то жуткое потустороннее, что видела она в Тимире.

— Только не говори, что собираешься ему помогать! Он же… он… — Ника задыхалась от ярости и страха.

— Тала сказала — нельзя, чтобы им сила овладела. Потому что темная. Всем плохо будет.

— Ты не видишь! Если есть в нем темная сила, то она им явно уже овладела!

Аглая нахмурилась.

— Он все же отпустил тебя.

— Повезло, — согласилась Ника и тут же покачала головой. — Второго раза может не быть.

Аглая была согласна с Никой. Только… Не в ее правилах бросать слабых. А Тимир сейчас был слабым. Аглая видела это, чувствовала на расстоянии. Она уверенно пошла к парню. Остановилась за спиной.

— Тим… Тимир, — боязливо прикоснулась к дрожащим плечам.

— Помоги мне! — едва слышное бормотание.

Аглая обошла его. Тимир с трудом приподнял голову. Лицо серое от напряжения. По лбу стекали капли пота. Он обнимал себя руками. Коса растрепалась.

— Помоги!

— Даже не думай! — перехватила ее руку Ника. Аглая холодно отстранила ее.

— Я могла бы не думать и там, у болота.

Ника закусила губу.

Вместе они помогли Тимиру подняться.

— Где твой дом? — как можно громче спросила Аглая, превозмогая боль в горле.

— Домой нельзя, — прошептал он. — Там мать… Изгонит…

Аглая воззрилась на парня. Какая мать? Что значит — изгонит? Тала говорила…

— Приемная! Килла, — он едва шепнул и повалился на руки Аглае.

Ника успела подставить плечо.

— К нам точно нельзя. Меня хозяйка и так не сильно любит…

— Тала. Она не выгонит, — кивнула Аглая на бесчувственное тело Тимира. — Здесь его нельзя бросать.

Ника заглянула в лицо юноши.

— Алька, куда мы с тобой попали?

Аглая пожала плечами.

— Не знаю. Но нужно как можно скорее отсюда выбираться.

Глава 4

Тала намочила тряпку в глиняной чаше, наполненной вязкой жидкостью, и протянула Аглае.

— На сердце положи. А ты заставляй пить, — она кивнула Нике, держащей у губ юноши кружку с питьем. — Чернь на время выгонит. Вот же навеяло. Недаром воронье с утра кричало, беду зазывало. Чтоб их… — Она вздохнула. Наклонилась над Тимиром, приоткрыла одно веко, заглянула. — Закончилось спокойствие. — Знахарка отошла, накинула на плечи платок. — Вы пока присмотрите за ним. А я к главе.

— Он не хотел, чтобы Килла знала. — Аглая посмотрела на Талу. Та сокрушенно вздохнула.

— А что делать? Тьма вокруг него, в нем ужо сидит. Сейчас не скажу, а опосля вся округа от делов поляжет, кому каяться буду? — И воззрилась на Аглаю. С вызовом, с трепещущей надеждой, словно грех тот она на себя может взять. Брать на себя грех Аглая не хотела, как и каяться за судьбу округи. Ей бы свои горести разгрести. А хозяйка стояла, глядя выжидательно. И Аглая кивнула: иди.

Тала перекрестилась перед дверью и скользнула в ночь. Тявкнул, провожая хозяйку, пес, забормотал спросонья петух на плетне, заквохтал и тут же успокоился. За поселком завыли волки.

Аглая посмотрела на Тимира. Он глухо стонал, пальцы судорожно хватались за простынь, рвали ее и тут же отпускали в изнеможении. Иногда он поднимал руки, проводил ими по воздуху, словно дугу рисовал, тогда на кончиках пальцев появлялись темные пятна, и шла от них черная радуга. Он начинал биться в кровати, ронял ладони, мял в припадке одеяло. Открывал глаза — темные, сумрачные, водил ими по избе, ища что — то, но натыкался взглядом на Аглаю, вздрагивал и отключался. Дрожали закрытые веки, тонкие губы безмолвно шептали.

— Алька, как думаешь, помрет? — тихо спросила Ника и, насилу приоткрыв Тимиру сжатые зубы, влила в него несколько капель варева из кружки.

— Может, и помрет, — пожала плечами Аглая. Жалко не было. Было страшно. И маетно. Нехорошо на сердце. Вспоминалось серое Никино лицо и губы… Аглая была готова поклясться, та что — то шептала. Теперь же смотрела, и на лице ее, как и у Аглаи, не было жалости. Как же вышло, что вот так быстро они стали жестокими? А ведь Тимир ничего дурного им

не сделал. Даже наоборот, Нику спас… А может, не жестокость то, а страх?

Топ, топ — из угла. Аглая покосилась на звук. Ника, проследившая за ее взглядом, взвизгнула и выронила кружку. По одеялу расплылось грязно — желтое пятно.

— Руки — то крюки, — проворчал старичок — карлик, грозя Нике крючковатым пальцем.

— Алька!

— Он безобидный, — буркнула Аглая, пытаясь ладонью стереть с одеяла пятно.

— Еще как обидный! — старикан подставил к кровати табуретку, начал забираться на нее. Справился с нелегким делом, вытянул короткие ноги перед собой. — Меня просто нужно уметь обидеть, а там… Ух! — Он махнул рукой, та запуталась в бороде, старик покачнулся на табурете, стремясь слететь головой вниз. Ника успела подхватить его и посадить обратно. Карлик отряхнулся. Отвесил Нике поклон. — Благодарствую! — Полез на кровать. Встал на грудь Тимиру. — Чего у нас вышло — то? Ух ты! Как оно… Жрецом наречен, если повезет. — Карлик плюхнулся на живот и начал тянуть ноги к табурету. Ника подхватила старика, водрузила на плоскость. — Извольте снова отблагодарить, юная леди! — И тут же прислушался. С улицы доносился вой. Многоголосый, дикий, заставляющий ежиться и озираться в темное окно. А нет — нет и поглядывать на божницу, шепча одними губами: «Защити!»

— Воют бешеные. Воют ироды.

Старик схватил за руку мечущегося в горячке Тимира. Уставился во взмокшую ладонь. Задумчиво почесал бороду.

— Стерто… Начисто стерто… И какими, интересно мне знать, силами? — Недоверчиво посмотрел из — под густых бровей на Нику. Та нахмурилась. Старик почесал бороду и перевел взгляд на Аглаю. — Уходить вам нужно. Нехорошо здесь сладится. Глядишь, и вы под раздачу попадете. А оно как есть попадете.

Аглая было открыла рот, но карлик замахал на нее руками.

— Соглядатаи уже носом землю роют. Чуют жреца будущего. Силы — то вон сколько выплеснулось. Ох, нехорошо все складывается, — он горестно покачал головой.

— Куда нам идти? — Аглая смотрела на карлика.

— Ведомо куда, — хлопнул тот глазищами. — В Верховную Обитель ведьм.

Аглая нервно посмотрела на Нику. Та отвела взгляд, переведя его на Тимира.

— А больше некуда, — развел карлик руками. — Нигде вам рады не будут. Потому как всюду, куда вы придете, соглядатаи явятся. По ваши души.

— Что мы сделали? — Голос Аглаи стал совсем глухим, испуганным. Да и правда, что они могли сделать, почему им бежать нужно? Ладно Тимир, встала в нем сила темная, так пусть и бежит куда глаза глядят, а им — то зачем? Им бы узнать, как в свой мир вернуться.

— Вы через грань прошли, мимо стражей. Ты подругу свою из вязи сумрачной вытянула. — И, сощурившись, посмотрел на Нику. Та икнула и побледнела. — Не можно без ведовских сил такой путь пройти… живыми. А значит… — Старик помолчал и глубокомысленно добавил: — Кто — то из вас ведьма.

— Мы не ведьмы! — испуганно прошептала Аглая.

— Разбираться не станут. — Он задумался, забормотал, перебирая пальцами. — А потому в Обитель вам нужно. Если повезет, домой воротитесь. В Обители вещичек много интересных, книжек умных, авось какая и откроет вам путь домой.

— Так как же мы в Обитель попадем? Мы знать не знаем, где она, — выдохнула Аглая.

— Он знает! — Карлик кивнул на Тимира и покосился хмуро на Нику. — Силушка в нем темная.

— Он? — Ника вскочила, стул позади нее качнулся и грохнулся. — Да он же на всю голову!..

Карлик укоризненно посмотрел на девушку.

— У тебя самой и в голове, и в душе… — крутанулся на табурете, — мало хорошего да доброго. Пойдете, вам всем одна дорога. Только так. Иначе… — Он покачал головой и замер прислушиваясь. В сенях послышались голоса. Старикан ловко спрыгнул с табурета.

Топ, топ — пропал в углу избы.

Дверь отворилась. Вошла Тала, следом высокая женщина. На худом лице мрачная скорбь, обрисовывающая темным скулы и глаза. Она остановилась посреди избы, мельком глянула на метавшегося в бреду Тимира.

— Немного лун осталось, Килла, — покачала головой Тала. — Поглотится силой, бог весть, сумеречным станет. Ох, как начнет по местности ходить да люд губить.

— До следующей луны дотянет, и то хорошо, — заправила глава локон под серый платок. — Оставлять никак нельзя. Такая сила вышла, все южное поле загубил. Уходить ему надо, иначе поселку горе будет.

— Так куда ж ему идти, горемычному? — запричитала Тала. — Обитель, почитай, уж век как без ведьм, некому силу охолонить да вожжи на управу дать. Вона сколько сумеречных по пущам бродит. Ни одному упокоения нет.

Аглая и Ника быстро переглянулись. Килла пригвоздила их взглядом.

— Хватит нам ведьм, почитай, из — за них — то вся нечисть и появилась. Чернь повылазила. Мало тебе, знахарка?

— Окстись, родная! А до них злыдней мало было?

Килла резко поднялась, да так, что по избе пошел холод леденящий, дрогнул огонек лучины, затрепетал, вырисовывая на стенах неровные дрожащие тени. Тала смолкла, уставилась в пол.

— В поселке не останется. И девок спроваживай, чуждые они — от соглядатаев не отбрешемся, — холодно резала словом глава.

— Да куда ты клонишь, Килла? Посмотри, совсем еще девчонки. Как же они? Чуждые — одно слово, ничего о мире нашем не знают. На верную погибель отправляешь!

Килла сощурила темные глаза. Смерила взглядом чуждых.

— Они мимо стражей через грань прошли, Тала! Ведьмы, не иначе.

Знахарка всплеснула руками.

— О чем ты? Ведьм уж сколько нет в Велимире, то тропка завела нечаянная. Зверье дикое гнало, вот и прибились сюда. А в землю — то Велимировскую, упаси Господи, эти разве что и дойдут до ближайшей просеки, а там поминай как звали!

Килла не слушала знахарку, подошла к притихшей Аглае, взяла ее за подбородок и подняла, всматриваясь в лицо.

— Домой хочешь?

— Хочу! — сглотнула Аглая. От взгляда главы в висках застучали молоточки и сердце забилось учащенно.

— Что делать, знаешь?

— В Обитель идти. Книжки и вещички в ней искать, чтобы домой воротиться.

— Вот видишь, Тала, горемычные твои все знают, обо всем ведают. А коли вдруг и правда кто из них ведьма, то и Тимиру благом обернется. Будет кому силушку охолонить.

Тала судорожно выдохнула.

— Да что они знать могут? Может, наговорил им кто, а они, глупые, и поверили. Привела их дорога случая, всяко бывает…

Килла чуть нахмурилась, но тут же обернулась к знахарке.

— Не наговорили, а просветили. А в то, что нечаянно попали, не верю,

и ты не верь. Собери им сумы. К утру пусть уходят.

Тала всплеснула руками, бросилась в колени главы.

— Да не сгуби, матушка. Пропадут девоньки!

— А здесь не пропадут? — отстранилась глава. — Соглядатаи как придут, их первых сельчане и сдадут. Думаешь, станут своими ради чуждых рисковать? И их, и Тимира сдадут, как есть с потрохами. Припомнится и как он детвору от мавок увел, и как посевы от града уберег. Как оборотней отворотил. Добра люди не помнят, а за свой двор каждый петь так начнет, что не остановишь.

Тала уронила голову в ладони. Всхлипнула.

— Жалко!

— Жалко будет их с темными мешками на головах до околицы провожать, да горемычную воспевать вслед соглядатаям.

Тала вытерла лицо подолом.

— Соберу, все соберу, матушка.

— Вот и ладно. — Килла бросила недобрый взгляд на Нику. Пробормотала чуть слышно: — Авось и доберутся. — Развернулась и быстро вышла. Хлопнула следом дверь, громким карканьем проводили ночную гостью вороны, да пес пару раз тявкнул.

Знахарка тяжело поднялась, прошла до сундуков в углу. Откинула тяжелые крышки. С глубоким вздохом начала перебирать вещи, скидывая их в кучу.

— Не пойдет, и это… вот! — Она вытащила пару душегреек и теплые шерстяные штаны. — Не по — девичьи, да идти все поудобнее будет, чем юбками за колючки цепляться. — Она кинула одежонку на скамью. Следом полетели черные косоворотки и широкие ремни.

— Не сидите, девоньки, одежку переодевайте. Времени у вас мало, до рассвета совсем малехо.

— А может, мы сами?.. — Ника начала стягивать платье. Аглая переодевалась молча. — Вы нам дорогу объясните хоть до соседней деревеньки. А там язык до Киева доведет. С ним — то как, он же ни жив ни мертв, — кивнула на Тимира. — На себе тащить не буду! — она откинула платье в сторону и потянулась за рубахой.

Тала выпрямилась.

— Так кто его тащить заставляет. Сам пойдет, своими ноженьками. — Она подошла к Тимиру, оттянула веко, заглянула. — Зелье работает. И заря встать не успеет, придет в себя хлопец.

— Да, и если он вдруг силой поглотится? Сами же с главой говорили, осталось ему всего ничего. Чего с ним делать будем? — не унималась Ника.

Тала кивнула.

— И то, правда твоя. Обожди — ка… — Быстрым шагом, подобрав по дороге скинутые на пол платья, вышла из избы.

Ника прошлась до стола. Заглянула в шкафчики. Потом залезла в тумбу. Идти в ночь с пустыми руками ей совсем не хотелось. И верно, на одной из полок лежал кинжал в витиеватых ножнах. Завороженно провела по нему пальцами, ощущая холод стали. Тот от прикосновения вроде даже осветился и тут же померк. Ника застыла, рука так и тянулась к ножнам.

— Не ройся в чужих вещах, — цыкнула на нее Аглая, продолжая одеваться.

— Да ты только посмотри, какие! — восхищенно проговорила Ника. Аглая отмахнулась. Ника, не слушая подругу, вытащила кинжал из ножен. Витиеватая ручка удобно держалась в руке. Клинок тонкий, блестящий, огоньки, попадающие на лезвие, переливаются, режут глаза.

Послышались шаги. Ника торопливо вернула кинжал в ножны, не думая, спрятала клинок под телогрейку и захлопнула тумбу.

Вернулась Тала с двумя котомками, оставила их на скамье. А сама полезла в стол, вытащила небольшие мешочки. Посмотрела изучающе на отошедшую в угол Нику, перевела взгляд на Аглаю. Та стояла уже одевшись, с интересом рассматривая себя в зеркале.

— Ты!

Аглая вздрогнула от резкого голоса, обернулась.

— Да, точно ты! — Тала подошла к Аглае. — Вот это мешочек — тьмы отпускающей, вот это — успокоительный, а здесь от хвори — простуды. До следующей луны точно дотянете, — хозяйка трясла мешочками с травами. Аглая смотрела на них с усилием, пытаясь запомнить: «Тот, что с красной ниткой — от хвори, серый с заплаткой — успокоительный, а черной и белой нитью прошитый — от тьмы».

— Смешаешь успокоительного щепоть и две от тьмы отпускающего, водой чистой зальешь, холодной. — Хозяйка вздохнула, кинула мешочки в суму. — Молитесь, девчата. Какие в вашем мире боги есть, тем и молитесь, авось и дойдете. Коли услышите, кто зовет, не откликайтесь, это навьи к себе зазывают. Не слушайте их, обманут, душой и телом овладеют. Любят они на чувствах да эмоциях, на жалости человеческой играть. У рек не останавливайтесь надолго, если мавки почуют, выплывут, то там и останетесь. А уж вой человечий заслышите — так и знайте, оборотни. Тут уж только бежать. Вот от вурдалака нет предупреждений. Только осторожничать. Ветви заточите, с собой держите. А уж если увидите кусты потемневшие да землю черную, то поглощенный прошел… Ох… — Тала

опустилась на скамью. — Как же вы пойдете, горемычные? — По ее щекам побежали слезы. — И здесь оставаться вам нельзя!

Аглая смутилась. Подошла и присела поближе к хозяйке.

— Может, не все так страшно?

— Как же ж! — всхлипывала знахарка. — Вы ж небось упырей да мавок только на картинках видели? А тут вам не сказочка… Я о таких, как вы, слыхивала. Приходили в давние времена, чтобы знания в Обители получить. Из разных миров. Так вот, такие, как вы, бывало, и не доходили, совсем полоумными возвращались, тут уж тебе какие знания. До грани бы добрести. Так то они с силой ведовской шли. А вы?.. Ох и жалко мне вас… Сердце разрывается.

— А может, вы с нами? — аккуратно вставила Ника. — И вам спокойнее, и нам…

Знахарка перестала всхлипывать, минуту смотрела на Нику ошарашенно, потом всплеснула руками.

— Куда это — с вами? В Обитель? А хозяйство кому? Кто селян лечить будет? Я на пять поселков одна! Ишь чего удумала, дом, значит, бросай и с вами иди! — Она вытерла лицо широкой ладонью. — Ничего, не маленькие, дойдете. — И уверенно поднялась.

Аглая посмотрела на Нику, пожала плечами.

— Посмотри — ка, — продолжала возмущаться Тала. — Брось и беги! Шустрая нынче молодежь, все бы на других свалили! Тут идти — то… ну не близко, и чего? Одна, что ли, идет. Доберутся, ничего не случится, а коли и случится… — Она смолкла, закидывая в суму круглый каравай, вздохнула тяжко. — Значит, судьба.

— Что — то мне такая судьба… — приглушенно проговорила Ника и жестом чиркнула ладонью у горла.

— А есть выбор? — снизила голос Аглая.

— Вот разве что и выбора нет, — кивнула Ника и тут же смолкла. Тимир завошкался на кровати. Открыл глаза. Наткнулся взглядом на Нику и, чуть растягивая губы, усмехнулся.

— Воды дай, чумная, — голос прошелестел по избе. Тала кинула суму на стол.

— Еще вопрос, кто из нас чумной! — окрысилась Ника. — На койке не я валяюсь с вечера в горячке!

Тимир закашлялся.

— Экая ты злая, — шикнула на нее подошедшая Тала, поднося к губам Тимира воды. Тот сделал глоток, отстранился.

— Как себя чувствуешь? — Аглая посмотрела на бледного парня,

гадая, сможет ли тот вообще подняться. И даже если сможет, весь дрожит, руки трясутся. Глаза воспаленные. От прежнего Тимира вот разве что серые зрачки. Да усмешка. И та, словно неживая, а оскал посмертный. Далеко ли они с ним дойдут?

— И вторая тоже здесь! — слабо усмехнулся парень и поморщился, подтверждая сомнения.

— Ты на вопрос не ответил, — хмуро сообщила Аглая. — А нам, к сведению, уже через час отсюда уходить.

— Уходите, кто ж вас держит!

Аглая вспыхнула. Ника покрутила пальцем у виска.

— Вот же подкинул Бог попутчика!

— Ты тоже уходишь, — сдержанно объяснила Аглая.

Тимир вопросительно глянул на Талу. Та потупилась и отвернулась. Глаза Тимира недобро сощурились.

— Килла изгнала?

— Угу, — кивнула Аглая. — Мы в Обитель, будем искать, как из мира вашего доброго выбираться. Говорят, там в закромах вещички всякие, может, повезет, и домой вернемся. Ты знаешь, как к Обители пройти? Можешь идти с нами.

— С вами? В Обитель? — На губах Тимира заиграла глумливая ухмылка.

— Не хочешь — не иди, — вставила Ника, потуже затягивая ремень. Глянула на себя в круглое зеркало, удовлетворенно хмыкнула. — Амазонка! — Снова кивнула на Тимира. — Можешь дальше валяться. Нас твое общество тоже не особенно радует!

Тимир глухо засмеялся.

— А в Обители вы чего узнать хотите? Как домой вернуться, или не ведьма ли одна из вас?

— Как получится, — пожала плечами Аглая, сунула душегрейку в суму.

— Если ни одна из вас не ведьма, то никак не получится. — Голос Тимира пронзительно шипел. — Без силы ведовской вы даже войти не сможете. — Он обессиленно откинулся на подушки.

Аглая и Ника переглянулись. Вот даже как. Им никто не сказал.

— Ты, Тимка, пессимист! — перебила затянувшееся молчание Ника. — Война план покажет. Может, нам и до Обители не нужно будет идти. Может, мы по пути узнаем, как нам домой вернуться.

— Ага, — развеселился Тимир и даже засмеялся, но тут же закашлял. — Вот только чудится мне, что не своими тропами вы в Велимир

притопали. Завели вас. И навряд ли тот, кто заводил, делал это лишь для того, чтобы потом домой отправить. Ты, красна девица, сказочница!

— Ну — у! — Ника очередной раз улыбнулась себе в зеркале. Все — таки ее любая одежа красит. — Заводил не заводил, никто не знает. А Килла сказала, что без силы ведовской мы бы и так не прошли. Так что… — И тут же смолкла, поймав в зеркале взгляд Аглаи. Та покачала головой. А в глазах такая тоска, что и Ника побледнела. Прав Тимир. Если кто их в этот мир намеренно привел, значит, планы свои на них имеет.

И от мысли этой нехорошо тянуло — проблемами. Аглая стояла, в задумчивости глядя на Нику. Не верила она, что все легко и просто решится. И грань прошли, и в Обитель им дорога открыта должна быть. Где загвоздка? Где тот самый сыр в мышеловке? А вот он, в усмешке Тимира. В его брошенной в глаза правде.

Аглая глянула на парня. Он лежал тяжело дыша, прикрыв веки. Как разом все наворачивается, одно на другое. Мало своих проблем, так еще стоило прийти, и вот тебе, будущий жрец нарисовался. А если ни одна из них не ведьма, то быть ему сумеречным. Кто эти сумеречные, Аглая не знала, но, судя по всему, ничего хорошего собой не представляли. И ей было совсем наплевать, станет Тимир жрецом или сумеречным. Это потому, что всего слишком много и нигде логического конца не видать. Мало того, она счастливого окончания истории не видит. Только Тимир правде в глаза смотрит, а Аглая все пытается оправдания придумать. Не верит, а все же пойдет к Обители. И будет надеяться. А разве им остается что — то другое?

— Нам без тебя не дойти, ни дороги, ни мира вашего не знаем. — Голос все же предательски дрогнул.

— Совершенно пустая прогулка, — кивнул Тимир, не открывая глаз.

— Нам больше надеяться не на что.

Глаза он все — таки открыл, изучающе посмотрел на Аглаю.

— Ну хоть в этом мы солидарны. Я доведу вас, насколько смогу, а там… как выйдет.

— То есть мало того, что попутчик самодовольный индюк, так его еще и хранить придется как зеницу ока! — Ника зло развернулась на каблуках и вышла из хаты.

— Это еще кто кого охранять будет! — вслед ей болезненно засмеялся Тимир. Аглая продолжала стоять рядом и смотреть в его лицо. Ей не нравилось то, что они будут зависеть от него. Не нравился он сам. И страшно было: а если не дойдут? Как там Килла сказала, изольется!

Как сейчас, стояла перед ней картина вставшей в нем тьмы, глаза —

черные впадины. И голос едва слышный: «Помоги!» Сможет ли помочь в следующий раз? Мешочки, травки — все это когда — нибудь закончится, да и успеет ли она нужное зелье сделать? И что тогда? Убивать? Его? Или он их, скорее.

Он перестал смеяться.

— Не нравлюсь? — Глаза распахнулись, тут же сузились, черный огонек так и хлестал в зрачках, злой, яростный. — Так можете сами идти. Я за вас не держусь. Мне разницы, с кем помирать, нет. С вами али без вас.

Аглая пожала плечами.

— Ты слаб, еле говоришь. Путь, я так понимаю, неблизкий. Мы местность не знаем. Хотим не хотим, выбора у нас нет. Как, собственно, и у тебя.

Отвернулась и пошла помогать Тале собирать сумы.

* * *

Ника стояла на узкой ступени избы, дрожа от злости и обиды. До зубовного скрежета хотелось выть. И от собственной слабости тоже трясло. А еще перед глазами так и вставал образ уходящего в чащу Стаса, а рядом с ним Рита.

«Ненавидишь?» — вопрошало внутри чужим голосом.

— Ненавижу, — сквозь невыплаканные слезы глухо отвечала Ника, сжимая ладони в кулаки. И мыслями возвращалась к Аглае. Ей небось тоже гадко. Игнат — то ушел вместе со Стасом — предатели! Сволочи! А ведь Аглая и Ника могли там остаться! Навсегда, в мутной жиже болота. Трясти начинало сильнее, злость, поднимаясь из глубин сознания, стучала молоточками в висках. Внутри ворочалось нехорошее, недоброе чувство и становилось вполне живым и осязаемым. Как там, возле дома, а после рядом с Тимиром. Ника никак не могла вспомнить. Будто сама с собой говорила, или ей слышалось:

«Я с тобой! Откройся, выпусти, не бойся!»

Услышав голос второй раз, она уже не испугалась. А вот Тимир… Он как будто слышал, почернел весь. И невесть что произошло бы, не вмешайся Аглая.

— Ненавижу! — Ника прикрыла глаза.

От бешенства пульсировало в висках. Бесили все. Особенно малахольный. Хотя малахольным назвать могла его только Ника. Тимир, выросший в поселке, с детства привыкший к разной работе, был прекрасно

развит физически. С пронзительными серыми глазами, в которых трепетала тьма. Тонкими губами, растягивающимися в язвительной усмешке. И даже сейчас, обессиленный, бледный, он вполне мог бы понравиться Нике. Но нет. Она его боялась. Боялась с того самого мгновения, когда он ночью у поселка схватил ее за руку и тащил к дому. С того самого момента, когда в глаза его посмотрела и отразилась в зрачках, но только не та, которую видела Ника в отражении зеркал, а темная, с пугающим взглядом темных глаз, с копной длинных черных волос. Не она. И «не она» улыбалась ей — Нике. Страшная ухмылка, косая, с растрескавшимися губами.

И вечером в поле «не она» была. Шептала, говорила что — то Тимиру, в почерневшие глаза заглядывала. Ника все пыталась вспомнить слова — не могла. Тимир отвечал безмолвно. Тьма в нем стонала, извивалась, билась судорогами. И черная воронка была не только в его глазах. Ника посмотрела на ладонь. Крохотное пятно. Знак тьмы, оставленный на ней. Как же она ненавидела все вокруг: и мир, в который они попали, и то, как нехорошо все складывается.

— Ненавижу! — Накопленная внутри злость искала выход. Стучала и клокотала в черепной коробке. Как же хотелось, чтобы всем вокруг было так же больно, как и ей!

Всем!

На глаза попался сидящий на плетне петух. В предрассветном сумраке выделялся только силуэт. Он нервно заерзал. Ника не сводила с него взгляда. Петух встрепенулся, захрипел и свалился с насеста, заколотил лапами по воздуху. Ника зажала рот руками, чтобы не вскрикнуть. Бегом бросилась к изгороди. Петух лежал, закатив глаза, бился в предсмертных судорогах. Рука с черной точкой на ладони горела. На пальцах расцвели черные жилки. Ника схватила птицу и, воровато озираясь, бросилась за дом. Там кинула его в компостную кучу. И, боязливо оглядываясь, вернулась к крыльцу. В тот самый момент, когда из дверей выходила Тала, а за ней Аглая и шатавшийся Тимир.

Ника торопливо спрятала руку за спину. Чувствуя, как растворяются на коже темные разводы.

Тала искоса глянула на Нику, кивнула на Тимира.

— Часа два — три корежить будет, но нести не придется. — Перевела взгляд. — Аглаша, ты травку — то не забудь… Бог в помощь!

В воротах появилась Килла, слегка кивнула вышедшим, глаза ее на миг скользнули по Нике, стали задумчивыми. Потом брови удивленно взметнулись вверх, она замерла, крепко ухватившись за плетень. С усилием отвела взор от Ники.

— Я выйду с вами к околице, следы подчищу. — Голос прозвучал глухо, Килла торопливо отвернулась и вышла из калитки.

* * *

От свежего воздуха морозило. Воронье, встревоженное ранними путниками, громко, надрывисто кричало. Тимира лихорадило. Он с трудом сдерживался, чтобы не отстукивать зубами чечетку.

— …ориентируйся на восток. Да зачем говорю, сам знаешь. Дайте боги, может, и дойдете. И кто знает… Может, и правда кто из девчат — ведьма. Смотришь, и избежишь судьбы горестной. — Тала перекрестила Тимира. Обернулась к Аглае. — Все помнишь? Водицы много не лей, только травку прикроет, и хватит, — она погладила девушку по щеке. — Страшно за вас.

Стоящая рядом Ника хмыкнула.

Молчавшая всю дорогу Килла хмуро покосилась на нее и недобро усмехнулась.

— Если что, на подругу не надейтесь…

— Доброе пожелание!.. — отозвалась та.

— Я вообще бы с тобой идти в паре не советовала, — резко отреагировала Килла, а Тала добавила: — Недобрая ты… и помыслы у тебя недобрые…

— Угу, злыдень первостепенный, — кинула Ника, нащупала пальцами прихваченный в столе Талы кинжал. Холодная сталь, спрятанная под рубахой, холодила бок. Нехороший поступок. Кража в особо крупном размере, учитывая потертость ножен — раритета. А что делать? Идти в лес густой с пустыми руками — крайняя степень беспечности. А тут еще рассказы про нежить и оборотней.

В рассказы Ника не верила оттого, что сама не видела.

— Ну да долгие проводы — лишние слезы. — Килла сурово посмотрела, как Тала тайком смахнула слезу.

— Да пребудут с вами боги всемилостивые! Да услышат и защитят! — замахала знахарка. — А я уж здесь за вас свечку поставлю. Тимир, ты, ежели поймешь, что… — Она смолкла.

Тимир закашлял, угрюмо кивнул, кутаясь в теплый плащ, не прощаясь и не оглядываясь, зашагал навстречу рассвету.

— Малахольный! Ты так не спеши, а то упадешь, а поднимать тебя нам! — бросилась следом Ника.

Аглая обняла хозяйку.

— Спасибо тебе, Тала! Не знаю, прощаться ли?

— Не прощайся, — уже не сдерживаясь, всхлипывая, прогундосила знахарка. — Я сердцем чую, свидимся.

— Тогда до свидания! — Аглая расцеловала плачущую знахарку в щеки. Слегка склонила голову в расставании под неусыпным строгим взором Киллы.

На востоке загорался рассвет. Кроваво — красный, предвещающий жаркий день. Но Аглае отчего — то показалось, что это зловещее предзнаменование.

«Тьфу ты! Какое предзнаменование? Дойдем до Обители, найдем какой — нибудь путеводитель из чуждых миров и отправимся домой! Все будет хорошо! Хорошо? А если и правда даже войти не сможем? Сможем… — И тут же внутренне поежилась. Какая из нее ведьма? А из Ники? Только думать про это не хотелось совсем. — Мы обязательно попадем домой… — неуверенно, бросив прощальный взгляд на Талу. — Должны попасть домой».

Махнула рукой и бросилась бегом нагонять Тимира и Нику.

Вместе они вошли в лес. Густые ветви обступили, отрезая дорогу назад. Вершины, уходящие ввысь, закрыли небо. И путники не увидели, что солнце в тот день так и не вышло из — за горизонта, затянулось черными тучами, в которых громовым эхом грянули предвестники несчастья — вороны.

Глава 5

— Так мы с тобой, малахольный, далеко не уйдем! — Ника смотрела сверху вниз на сидевшего у сосны Тимира. Тот неторопливо заплетал косу.

— А ты не гони, чумная, некуда нам торопиться. Дай время, отсижусь, а там и далее двинемся.

— Тетка Тала говорила, чтобы подальше от мест этих ушли до полудня, — напомнила Аглая, привалившаяся спиной к дремучему дубу. Хотя у самой от непривычки болели ноги и сердце едва не выскакивало.

Утро в лесу казалось дивным. И даже страхи отступили. Никакой нежити, навий, оборотней. Обычный лес, такой же, как в обычном мире. Разве что животинки больше. Тала говорила, селяне побаивались в последние годы надолго в леса ходить, охотников совсем мало осталось, вот и расплодилась живность.

Проносились мимо, прячась под кустами, пугливые зайцы. Трещали неугомонные сороки, с ветвей смотрели с интересом сойки. Белки стрекотали возмущенно и трясли пушистыми рыжими хвостами. Последними трясли не только они, но и остановившаяся в паре шагов от путников парочка лис, сверкнувшая глазами. Всю дичь распугали! Махнули хвостами и были таковы. Но чем дальше, тем гуще становились кроны, сквозь ветви все меньше проступал солнечный свет. А из все более сгущающихся теней слышались пугливые выкрики лесных обитателей. Один раз Аглая чуть не наступила на спрятавшегося меж кореньев змея, Тимир вовремя успел оттолкнуть. Змей зашипел, затрещал хвостом. Гремучка. Тимир зашипел в ответ. Гад вытянулся и пополз к другим, более надежным корням. А еще позже, едва Ника вышла на небольшую поляну, как раздался вскрик.

Аглая кинулась на помощь подруге, но, приблизившись, увидела смеющегося Тимира и красную от негодования Нику. Та хлопала в ладоши, топала и тихо ругалась. Рядом находился притоптанный ею муравейник. Аглая и сама улыбнулась не сдержавшись. Рыжие муравьи — существа беззлобные, пока кто — нибудь не покусится на их жилище. Ника, судя по всему, покусилась и теперь прыгала вокруг него, скидывая с тела разозленных обитателей муравейника.

А после уж и не до смеха было. Аглая устала, едва волочила ноги. Ника ворчала под нос. Тимир заметил, опустился на кочку у дерева.

— Отдохнуть малость нужно!

Отдых, правда, вышел совсем недолгий.

Аглая потерла икры. Ноги гудели. Хотелось закрыть глаза, отключиться. Хотя бы на полчасика, на десять минут просто забыться в спасительном сне. И как хорошо, что Тимир все же остановился. И хотя Аглая помнила о словах Талы, что уйти им нужно в ближайший день как можно дальше, но она так устала!

Аглая закрыла глаза. Вот сейчас переутомление возьмет верх, и она отключится от мира, от жизни, от всего вокруг. Но ни сон, ни дремота не шли. Зато отчетливо стали слышны звуки. Слишком громкие. Пугающие. Как — то внезапно, порывом, разметая волосы, пронесся ветерок между ветвей. Зашелестели листья. Послышался тревожный гомон лесных птиц. Аглая прислушалась, открыла глаза. Показалось ли, что за соснами мелькнула тень? Чуть русый волос и джинсовая курточка. Аглая вскочила. Кто — то из их друзей? Стас! Да, он был в джинсовой курточке! Аглая сделала шаг, но все стихло. Пропала и тень. Аглая так и осталась стоять. Но не мелькнула больше тень, не появилась синяя ткань джинсы между деревьев.

«Почудилось», — подумала с горечью девушка.

Поднялся Тимир, опираясь на ствол.

— Права тетка Тала, и верно, сидеть некогда. Идем! — ткнул в бок отвернувшуюся от него Нику. Девушка подскочила, зло зыркнула на парня и, гордо вскинув голову, пошла меж деревьев.

— Ты куда, чумная? Нам в другую сторону, — насмешливо подметил Тимир. Но усмешка погасла, едва глянул на Аглаю. Она смотрела в гущу листвы.

— Что ты видишь? — спросил настороженно.

— Мне показалось, — прошептала она с грустью. — Человек… Из прошлого.

Тимир прошел, встал за ее спиной. Горячее дыхание коснулось шеи. Аглая вздрогнула, оглянулась и оказалась лицом к лицу с Тимиром.

— Не стой так близко… — Лицо вспыхнуло.

Он молча зажал ей рот рукой. Ника, стоявшая в паре шагов от них, нахмурилась и собралась уже сделать шаг на помощь подруге, но остановилась под предостерегающим взглядом Тимира: — Тш — ш.

Аглая так и стояла. Он дышал ей в волосы, теплая ладонь прикрывала рот, воздух между ними разгорячился. Сердечный стук бился в унисон его сердцу. Взмокли от бессильного негодования ладони, но тревога заставляла молчать.

— Страшно! — прошипел ей в ухо Тимир. За спиной затрепетала

листва.

Аглая ощутила дрожь собственного тела.

Из кустов выскочил заяц, испугано шарахнулся от Тимира с Аглаей и опрометью бросился в соседние кусты. От неожиданности вскрикнула Ника, Аглая вскрикнуть не могла, мешала ладонь Тимира. Зато широко распахнутые глаза со злостью смотрели на беззвучно смеющегося парня. В следующую секунду он охнул, зубы Аглаи вцепились в ладонь, но смеяться тихим, оттого казавшимся жутким смехом не перестал.

— Дурак! — выплюнула Аглая.

— Малахольный, чего с него взять! — покрутила у виска Ника, трясясь от заячьего страха.

Но Тимир вдруг перестал смеяться.

— В этот раз бурундук? — полюбопытствовала Ника.

Аглая тоже обернулась урезонить неуместные шутки, но осеклась. Глаза Тимира подернулись поволокой.

— Нежить! — сказал он чуть слышно, наклоняясь к Аглае. — За нами идет. По следу. Уходим тихо.

От напряженного голоса веяло тревогой. А у Аглаи защемило душу. Нежить? Ей не показалось? Но если так?.. От ужаса взмокли ладони. Она снова посмотрела туда, где видела мелькнувшую куртку Стаса. Громко зачирикали рядом невидимые птицы, вспорхнули и стайкой скрылись в гуще леса. Аглая проглотила вставшие в горле вопросы, бросилась к суме, начала засовывать руки под широкие ремни.

— Не шуми, — холодно и спокойно предостерег Тимир, накинул себе на плечи суму и начал продвигаться между деревьев.

Шел Тимир быстро. Под жуткое молчание едва поспевали за ним Аглая с Никой, изредка перебрасываясь короткими встревоженными взглядами. Гудел бор, проносились мимо зайцы и пугливые косули, лось поднял голову, посмотрел удрученно и принялся далее поедать мох. Лиса свернула с тропы, спугнутая торопливыми путниками. Лес шумел ветвями, трещал кронами и разражался голосами сотен птиц, стрекотом насекомых, непонятным разговором животных — лес жил. Пару раз Аглая чудом не споткнулась о выпирающие корни. Получала тонкими ветками по лицу, отчего алели щеки. Ника ругалась тихо, но яростно, включая в лексикон весь набор богатого русского.

Коричневый хорек высунул морду из ветвей сосны, глянул и шустро пропал. Аглая не выдержала и с размаху села на землю.

— Все! Отдых! Я не могу больше.

Тимир, не останавливаясь, уходил дальше.

— Вставай, Алька! — схватила за руку подругу тяжело дышавшая Ника. — Уйдет же! Нас ждать не будет. Останемся одни!

— Пусть идет, — отрешенно махнула Аглая. — У меня все дрожит. И сердце сейчас из груди выскочит. А еще, я вроде ступню вывихнула, ту же. Болит безбожно.

Ника рухнула рядом. Посмотрела вслед удаляющейся фигуре Тимира.

— Да и Бог с ним, действительно.

Тимир завернул за очередное дерево и пропал.

— Поминай как звали, — напутственно отдала ему честь Ника и прикрыла глаза. В веках пульсировало. Рядом вызывающе громко булькнуло, она открыла глаза. Аглая делала огромные глотки из пузатой фляжки. Ника молча протянула руку. Аглая вытерла губы и сунула ей флягу.

— Огонь разведите!

Охапка сухих веток рухнула рядом, заставив Нику и Аглаю вскочить. Последнюю еще и болезненно охнуть, когда наступила на вывихнутую ногу. Тимир стоял слегка покачиваясь. На бледном лице выделялись потемневшие глаза. Аглая и Ника переглянулись. Ни одна не увидела, как он подошел.

— Чего уставились? — грубо оборвал гляделки Тимир. — Раз идти не можете, огонь разжигайте. Хвороста больше нужно, этого на ночь не хватит. А с огнем все спокойнее будет. И… ты… — он кивнул на Аглаю. — Тала тебе травки дала?

Аглая кивнула.

— Сделай, — сказал, морщась, и рухнул у дерева. Трясясь всем телом, свернулся под плащом.

— Не дойдет! Вот чес — слово, не дойдет, — приговаривала Ника, чиркая неудобным огнивом в попытке поджечь костерок. Когда зарделся огонек, поднялась.

— Хвороста наберу, а то прав малахольный, замерзнуть, может, и не замерзнем, зато хоть зверье отпугнем.

— Не отходи далеко, — предостерегла Аглая.

Ника кивнула и скрылась за деревьями.

Аглая смешивала в деревянной кружке травы. Хоть Тимир и вызывал у нее неприязнь, но жалко его стало. Страшно было, когда видела подернутые тьмой глаза, мрак в его душе, проскальзывающий в голосе. Жалость была слабой — он один! Сейчас, здесь, бьющийся в ознобе на земле. Помочь некому. И Аглая бы с удовольствием не помогала. Но она знахарке Тале обещала. Жалко, и уже не понять, то ли Тимира, то ли себя.

Вот только другого провожатого у них нет. Потому нужно было, чтобы он дошел. А он вон лежит ни жив ни мертв.

— Так, серый с заплаткой — успокоительный, а черной нитью прошитый — от тьмы. От первого щепотку. Две от второго… Какой странный запах… — Аглая наклонила голову над мешочком, прошитым черной нитью. Принюхалась. — Вроде и знакомый, да кто его знает, что за трава собрана.

Тонкий писк заставил поднять голову. На ветке, смотря на Аглаю глазами — бусинами, сидел коричневый хорек.

— Тихо, не сбивай, — шикнула на него Аглая и вернулась к мешочкам.

Хорек спрыгнул на землю, сделал несколько уверенных шажков и остановился у стоящей на земле кружки с насыпанной в нее травой. Сунул нос и тут же отпрянул, громко чихнул.

— Это тебе, чтобы не любопытничал, — беззлобно погрозила пальцем Аглая.

Хорек обиженно поморщил нос, замер, повел им из стороны в сторону, внюхиваясь, крутанулся на месте и юркнул к открытой суме.

— Да ты голодный! — Аглая оторвала визжащего хорька от сумы. Сама достала хлеба и, отломив кусок, бросила зверьку. Тот хлеб понюхал, сел на задние лапы и громко возмущенно запищал. С недоверчивым прищуром посмотрел на Аглаю.

— Наглая морда! — улыбнулась она. Сунула руку в котомку, вынула кусок вяленого мяса. Хорек вожделенно воззрился на кусок. И даже лапки молитвенно сложил, чем заставил Аглаю удивиться. Но, тут же смахнув с себя наваждение и решив, что зверинка была некогда ручная, Аглая достала брошенный Талой в суму крохотный ножичек, отрезала небольшой кусок от мяса, бросила его хорьку. Зверек схватил лакомство и скрылся в кусках, откуда донеслось довольное чавканье.

— Шустряк, — вслед ему тихо засмеялась Аглая и тут же стихла.

Тимир резко распахнул плащ, открыл темные глаза, уставился на Аглаю. Она поежилась. Он пробормотал непонятное, по всему телу прошла судорога. Аглая схватила кружку, дрожащими руками залила травяной сбор водой из фляги, перемешала. Нужно подойти к Тимиру и дать выпить. Но она медлила. Ника долго не возвращается. Только хорек в кустах, громко урча, жует мясо. Аглая сидела и смотрела в черную бездну немигающих, словно мертвых глаз Тимира. В мертвенно — бледное лицо, на котором практически не виделось признаков жизни. И не могла заставить себя подойти к нему.

«Боязно?» — донесся от него голос. У Аглаи стали шире глаза. Тимир

не открывал рта. Лежал, глядя на нее, и даже как будто не дышал.

«Боязно?» — повторился голос. Аглая вскочила, оглянулась. Никого рядом. Голос Тимира. Крепко держа кружку, перекрестилась. Так и с ума сойти можно! В этот момент из кустов выскочил хорек. Аглая не сдержалась, вскрикнула. Хорек замер, смотря на нее испуганными глазами. И тут же вдруг заверещал, шустро взобрался по ноге, на руку и на плечо. Замер у самого лица, тыкаясь влажным носом в шею. Сразу стало спокойнее.

— У меня совсем крыша едет, — пожаловалась она зверьку. — Чудится, что он говорит.

Она кивнула на бездвижного Тимира.

Зверек показал застывшему парню кулак. Аглая в очередной раз удивилась. Но хорек уже просто сидел на плече и пищал возмущенно.

— Да, меня тоже напрягает. Глаза бы не видели. Но мы от него зависим… — Аглая погладила шельмеца по коричневой голове и неуверенно подошла к Тимиру. Наклонилась.

«А чего нас бояться, мертвых — то!»

Аглая завизжала.

Плечи Тимира затряслись, он хохотал.

— Ты придурок! — Из глаз хлынули слезы. — Ты полный придурок!

Он протянул руку и проговорил, глотая смех:

— Ты бы себя видела! Питье давай!

Как же хотелось выплеснуть зелье в лицо этому… этой… сволочи!

Спрыгнул с плеча и кинулся в атаку на обидчика хорек. Тимир удивленно посмотрел на него, замер, присматриваясь, неуверенно моргнул.

— Пш — ш!..

Зверек отскочил, от возмущения затряс хвостом, оскалил зубы.

— Пш — ш — ш — шла! — Тимир сверкнул на хорька темными зрачками. Зверек юркнул к Аглае, забрался на плечо и уже оттуда продолжал корчить рожицы.

— Алька, чего с тобой? — Ника остановилась у костра, отбросила собранный хворост к дереву и, вытирая руки о бедра, подошла к трясущейся подруге. Хорек юркнул под волосы. Аглая, не говоря ни слова, сунула Нике кружку с Тимировским питьем и ушла к костру. Села и начала ожесточенно ломать принесенный хворост.

— Ты чего ей сделал? — нахмурилась Ника, наступая на сдерживающего веселье Тимира.

Он только покачал головой, не в силах ответить.

И тут же содрогнулся. Глаза нехорошо сощурились. Он в молчании

прожигающе посмотрел на Нику. А она не сводила с него тяжелого взгляда.

Тимир рывком сел, протянул руку. Ника стояла не шевелясь.

— Еще раз… — сквозь зубы рыкнула она и сунула ему кружку, расплескивая содержимое. Развернулась и направилась к костру. Он не смотрел ей вслед, ссутулился, отпивая зелье и что — то бормоча.

— Алька, ты как?

Аглая пожала плечами. Шмыгнула носом.

— С дурака чего возьмешь?

Ника кивнула.

— Дай только дойти до Обители!

Ника обняла Аглаю за плечи.

— Обязательно дойдем!

Воинствующий писк был ей подтверждением. Ника отшатнулась, ошарашенно глянула на Аглаю. Та вытерла нос, по руке скользнула остроносая мордочка, моргнула черными глазами, скатываясь на колени Аглаи.

— Кто это?

— Хорь, — погладила зверушку Аглая. — Безобидный, вполне социальный тип. Мясо съел, Тимира обругал… Защита и опора в трудном деле…

— Даже так? — с сомнением посмотрела на мелкую зверушку Ника и тут же потрепала его по голове. — «Опора и защита» нам как нельзя кстати, особенно от малахольных.

Малахольный глухо засмеялся.

Ника и Аглая посмотрели в его сторону. Он поставил пустую кружку на землю, снова закутался в плащ и отвернулся. Только плечи продолжали подрагивать от смеха.

* * *

Ночь опустилась внезапно. Только что меж ветвей пробивались солнечные лучи, и вдруг наступили сумерки, следом все в округе затянуло тьмой. Звуки леса изменились, вместо радостного пения птиц раздавался тревожный шелест и низкое рычание ночного зверья. Ухала вдалеке сова или филин. Аглая не разбиралась. Ника, за вечер натаскавшая немалую кучу хвороста, ломала и подбрасывала в огонь сучья, попивала вскипяченную на костре воду, заедала хлебом с вяленым мясом. Закончив, достала сухофрукты. Аглая смотрела на нее и только диву давалась. А ведь

в институте такая фифа была, кто бы мог подумать, что будет в лесу поедать сырое мясо и пить нефильтрованную воду.

— Если бы не ситуация, хороший такой уик — энд получился бы. — Очередная порция хвороста полетела в костер.

— Мешает чувство, что мы здесь жертвы обстоятельств, — кивнула Аглая, подавая хорьку кусочек вяленого мяса. Хорь урчал от удовольствия и закатывал глазки.

Ника пошевелила костер длинной палкой. Горящие угли затрещали, выбрасывая в ночной воздух сноп искр.

— А я бы осталась здесь жить! Не, ну а чего? Природа. Чистота. Никаких тебе айфонов, айподов — благодать.

— Нежить, мавки, оборотни, — напомнила Аглая.

— Да брось ты, — отмахнулась Ника. — Мы целый день в лесу, ты хоть с кем — нибудь столкнулась?

— Но мы же слышали… Тимир сказал…

— Мало ли что Тимир сказал. Он и не такое придумать может. Ты на него посмотри. Неизвестно, что там было. Я лично никого не видела… — сказала и замолчала, напряженно вслушиваясь. Аглая перестала подкармливать хоря, да и тот весь встрепенулся, шерстка встала дыбом. Глазки уставились на близлежащие кусты.

Легкий шелест и глухое ворчание.

Ника поудобнее перехватила палку, второй рукой нащупала припрятанный на поясе ножичек.

— Тим… Тимир! — побледневшими губами зашептала Аглая. Тимир не шевелился. Лежал, закутавшись с головой. Аглае подумалось: то темное, что сидит в нем, сейчас бы как нельзя пригодилось. Ника медленно приподнялась. До Тимира два шага. Если что, так встряхнет его, всю черноту вытрясет. — Тимир!

Кусты затрещали.

Тимир даже не повернул головы. Из ветвей показалась тень, встряхнулась и кособоко пошла на девушек. Ника и Аглая разом завизжали.

Глава 6

— Вот она, суть бабская! — жаловался старик — карлик сосредоточенно внимавшему хорю. — Я секирой махал или выскочил из — за угла? Нет же, аккуратненько, осторожно… Понимаю, чай, баба — существо пугливое. А они чего? Визжать… Нервные вы. А все от еды неправильной. Жрете чего не попадя. Я в давние годы в миру у вас бывал, к свату в гости хаживал, видел, какую вы там дрянь потребляете. Там и здоровый нервным станет.

Хорь глубокомысленно кивал.

Старик поправил бороду, обмотал вокруг руки.

— То ли дело у нас, все натур продукт. От такого только поправляется здоровье. — Он подозрительно глянул на кусок мяса, сжатый в руках Аглаи. Та икнула и протянула кусок старику.

— Хлебца бы и водицы, всухомятку только желудок портить.

Ника протянула старику кружку с кипяченой водой и краюху. Тот отломил кусок, нарезал на него ломтями мясо, вытянул короткие ноги к костру и, привалившись поудобнее к пню, начал уплетать припасы. — Оно у костерка да в такую тихую ночь, дивно хорошо. Жаль только, речка рядом. Вы здесь остановиться собрались?

Ника вытаращила глаза.

— Куда ж на ночь глядя! Конечно здесь. Мы устали, а малахольный наш совсем, — она злобно посмотрела в сторону дерева, где лежал «малахольный», — в остром приступе неадеквата.

Старик перестал жевать, косо глянул на Тимира, сощурил глаза. Потом лицо расслабилось, он сунул очередной кусок в рот.

— Этот очухается, и рассвет не поднимется, как очухается. Молодой, сила есть…

— …ума не надо, — шепотом перебила Ника.

Старик чуть не подавился, покачал головой.

— И все — таки ты злая.

— Зато Тимир — доброта душевная! — Ника сломала ветку, кинула в костер. Тот полыхнул рыжими искрами, тут же проглоченными тьмой ночи.

— Душевная, не душевная, а парень он не злой. Это у него от силы темной крышу немного сносит, а так милейший человек.

Хорь в руках Аглаи несогласно фыркнул. Ника, солидарная со зверьком, кивнула, меряя старика взглядом: маленький, щупленький, как

только бороду волочит. А туда же — злая. Она им что, на мозоль больную наступила или последнюю краюху уволокла?

— Зря вы так, — вступилась Аглая. — Ника не злая. Ей обидно… — Она вздохнула. — Да и мне не весело.

Старик вытер руки о кафтан, поднялся. Напрочь игнорируя Нику, поклонился Аглае.

— Представиться — то я и забыл. Зовут меня Тихон. Я…

— Ты карлик! — догадливо в спину рявкнула Ника. Старик покрылся багровыми пятнами. Хорь чихнул. И даже Тимир пошевелился, плечи снова затряслись.

— Домовой я! — сверкая глазищами, прохрипел старик.

— О как! Это тот, который дом и жильцов от скверны всякой хранит? — присвистнула Ника.

— Он самый! — челюсть старика заходила ходуном.

— А к нам зачем пожаловали, господин хороший, домовой? — обламывая ветки с сука, спокойно поинтересовалась Ника. — Никак тоже помогать от скверны, пакостей и беды лихой?

— Вредная ты девка, — погрозил ей старик кулаком. — Я от беды лихой в лесу сберечь не могу. Я домовой, а не лесной! Вот в доме я силу имею, в своем доме. А в лесу я силу отколь возьму?

— А здесь зачем?

— Так девчата молодые, одни в глуши. Мало ли чего.

— Значит, с нами пойдешь? — сощурилась Ника.

— С вами. — Тихон смотрел на нее подозрительно, чувствуя подвох в вопросе.

Ника удовлетворенно кивнула, подняла с земли ножичек и бросила к ногам старика. Тот побледнел, догадываясь, подхватил бороду, закинул за плечо.

— Даже не думай!

— Так ты волосенками все листья и сучья соберешь! А если за пень какой зацепишься? Там мы тебя и оставим, будешь не домовой, а пеневой.

Тихон, покрепче прижимая бороду, бросился за куст. Хорь трясся в припадке, прикрывая лапами рот. Тимир смеялся в голос.

— А ведь права она, старик!

— И не думайте! — из — за куста провозгласил домовой.

— Значит, ты не с нами! — подвела итог Ника. — Думаешь, возиться будем? Не будем.

Аглая погрозила той пальцем.

— Хватит! — прикрикнула на Тимира. Поднялась, взяла нож в руки.

Как бы там ни было, а Ника и верно права.

— Брось нож! — взвизгнул домовой, выглядывая из — за ветвей.

Аглая развела руками, приближаясь. Старик всхлипнул.

— Ты хоть по локоть — то оставь, что ж я за домовой без бороды?

Аглая кивнула. Старик сокрушенно опустил голову, вышел и закатил глаза.

— Вот и все! А ты боялся. И даже лучше тебе так! — увещевала Аглая, направляясь с прядью бороды к костру. Тихон кинулся следом, смахивая со щек слезу, подпрыгнул, выхватил бороду и сунул ее в глубокий карман кафтана.

— Мое! — И тут же сел, отвернувшись от всех.

Ника подошла, похлопала Тихона по плечу.

— Борода не рука, отрастишь.

Он посмотрел на нее обиженно, хлюпнул носом, подобрал брошенный кусок хлеба, стряхнул с него землю и начал жевать.

— Тимиру еды отнеси, — толкнула Нику Аглая. Та кивнула, взяла нарезанный бутерброд и направилась к уже не смеющемуся Тимиру. От хлеба он отказался, съел мясо, запил кипятком и снова, закутавшись, отвернулся.

— Слышь, Тихон. — Ника вернулась к костру, присела рядом со стариком. — А домовые спят?

Он пожал плечами.

— Сколько помню, все бодрствую. — Погладив остриженную бороду, он тяжко вздохнул.

— Вот и хорошо, — тут же кивнула Ника. — Значит, сторожить будешь, да за костром смотри.

— Это мы можем. Костер, он что в лесу, что в печи, одно слово — огонь. — Старик взял ветку, дунул, та осыпалась ровными прутиками.

Глаза Ники расширились. Она быстро глянула на Аглаю, та только вздохнула. Чему уже удивляться? Здесь и хори кулаком погрозить могут, и старики домовыми оказываются.

— Вот видишь, и в лесу от тебя польза.

Старик зарделся. Посмотрел на Нику снисходительно. Может, и не такая плохая девка.

— А мы, пожалуй, спать, — демонстративно зевнула Ника. Достала из сумы плащ, отошла на пару шагов от костра, начала расстилать. — И как на сырую землю укладываться, — простонала, подкладывая под голову руки. Старик фыркнул. Аглая достала свой плащ, покрутилась, выбирая более удобное положение. Тихон подошел, щелкнул пальцами. Трава под Аглаей

стала мягкая, как перина.

— А Нике?

Старик насупился.

— Не злая она…

Тихон вздохнул и щелкнул пальцами.

— Ох, ты ж! Это как так? — Ника оглянулась, ее взгляд встретился со стариковским. Она хмыкнула. Потом улыбнулась, подмигнула:

— Спасибо… Тихон.

* * *

Крутилась Аглая долго, раскачивал над головой ветвями темный лес. Ни одной звезды сквозь сучья не видно. Только костерок трещит, да старик домовой разговаривает. Поначалу решила — сам с собой, но услышала в ответ тихий писк — с хорьком! Странный мир, дикий и… волшебный. Только волшебство жуткое. С мерцающими тьмой глазами. Со зловещими байками и пугающими напутствиями…

— Тихон! — тихо позвала Аглая, поняв, что уснуть ей не удастся. Старик и хорь смолкли. Домовой подковылял к Аглае.

— Не спится, девочка?

Она покачала головой.

— Деда, ты мне расскажи про мир ваш.

Старик вытер руки о кафтан, присел рядом.

— А что ты узнать хочешь?

— Об Обители, о том, как ведьмы пропали, и почему их в бедах ваших винят. О жрецах.

Старик задумался. Скользнул взглядом на хоря, и тот, почудилось Аглае, горестно вздохнув, кивнул. Потом метнулся, сунулся под плащ, прижался к груди Аглаи, согревая. После высунул мордочку и уставился на старика. Тихон помолчал, вычерчивая на земле знаки закопченной палкой, почесал густую бровь.

— История произошла…

— Какая история?

— Ясно какая. Любовная!

Аглая так и замерла.

— Ранее правили Велимиром три Верховных жреца. Миро — жрец света и солнца. Китар — жрец тьмы и мрака. Гаяна — жрица равновесия. Поклонялись богам своим, и те их слышали. Правили долго и справно.

Существовала тогда уж Обитель. В ней дела вершились великие, и хранила она тайны многие. За Обителью стояли ведьмы. К ним за советами и благословениями и сами жрецы приходили.

Великий огонь Трисвета горел в Верховной башне. Он оберегал все земли Велимира. Ведьмы грань меж мирами хранили.

Раз в год из всех миров через грань стражи пропускали одаренных, кто силу ведовскую имел. Провожал их хранитель вязи. Шли они, чтобы получить знания и умение силой ведовской владеть. Сильна была Обитель. А уж насколько огромна! Разом могли в ней пребывать до пяти тысяч учеников. Ведьмы не только знания там хранили, но и артефакты разные из множества миров.

— Много было ведьм? — Аглая села удобнее, поджала под себя ноги и, закутавшись в плащ, прижала хоря.

— Очень много!

— Как же так вышло, делись — то куда?

— Ты меня не перебивай, все услышишь. Уж не знаю, как началось, знаю, чем закончилось. Полюбил Китар — жрец темный Верховную ведьму Мерку. Ухаживал долго. Та на ухаживания отвечала. А вот как под венец позвал, возьми да и откажи. Вроде, мол, любит она Миро — жреца света. И Миро ей взаимностью отвечает. Великая обида возобладала над Китаром, ненависть затуманила голову. Пошел жрец тьмы войной на жреца света. Обратил тьму против, нежить себе подчинил. Миро тоже не лыком шитый, мертвых поднял. Закипела земля вокруг Обители от крови нелюдской. Забурлила тьма. Ведьмы взвыли. Начали помощи просить, обратились к Гаяне в слезах, чтобы утихомирила двух жрецов. Отвернулась от них жрица равновесия. Ведь весь Велимир знал, что она помолвлена с Миро была.

А когда вокруг Обители разлилось озеро крови, узрела жрица творимое, оплакивала павших и тела омывала изувеченных. По крови босыми ногами шла, и след ее до самой Обители так и остался. Взошла на пик самой высокой башни. Смотрела сквозь миры, искала Верховную ведьму, чтобы показать, что именем ее содеяно, да так и не нашла. И слезы кровавые лились из глаз ее. Не разрешить ненависти двух жрецов. Не распутать начавшуюся войну. И винила она Мерку, ненависть в ней так и клокотала. Обратила она озером кровь погибших в той войне, и обступило оно Обитель. А сама жрица пошла по Велимиру, неся с собой проклятие на всех, кто силой ведовской обладал. Кто из ведьм успел, за грань ушел, остальные погибли от того проклятия жуткого. Ходят слухи, так до сих пор и ходят, ни мертвые, ни живые. А еще поговаривают, что Верховная ведьма

успела за грань уйти, и жрица ушла за ней, чтобы там найти ее и отомстить.

— А жрецы? Что стало с ними?

Старик почесал бороду.

— Миро больше никто не видел, сразу после Ухода слухи по Велимиру шли, что подался в отшельники, вроде как снизошло озарение, и направился он в края дальние грех искупать. А Китар остался у власти. Только душа его злобой разъедена, совсем черная. Бродят его соглядатаи по землям, ведьм высматривают. А тех и след простыл.

— Зачем ему ведьмы?

Тихон пожал плечами.

— Кто его знает. Мстить? Али Мерку ищет? Оскорбленный в любви мужчина — гадкое зрелище, а уж оскорбленный жрец тьмы…

— Потому и нас Килла отправила подальше?

Тихон кивнул.

Аглая поежилась.

— Страшная история.

— Страшная. И все мы за нее крест несем.

— Неужели нельзя проклятие снять?

— Может, и можно. — Тихон пожал плечами. — Да разве нам, простым, это ведомо, когда сами жрецы между собой согласия не нашли, нам — то как? Бояре спорют, с холопов шапки летят… Осталось только ждать. Авось придет время, народятся новые жрецы. Спадет проклятие и бремя с народа Велимира. Упокоятся тогда мертвые, лягут обратно в могилы, навьи перестанут бродить. Мавки прекратят злобствовать.

Глаза Аглаи загорелись.

— Килла сказала, что Тимир жрец!

— Жрец? — домовой сокрушенно покачал головой и перешел на шепот. — Нет, он силой темной одарен. А до жреца ему надобно силу ту устаканить благословением. А благословение он только от ведьмы получить может. А иначе ходить ему сумеречным.

Аглая покосилась на Тимира.

— Значит, если и мы не ведьмы?..

— Не быть ему жрецом, — тихо проговорил Тихон и тут же вскочил. Начал поправлять на Аглае плащ. — Почитай, месяц уж верно в зените, а ты все сказки мои слушаешь. Глаз не сомкнула.

Соглашаясь, зевнул во всю мордочку хорек и начал тыкаться влажным носом в шею Аглаи. Она легла на бок, приноровила руку под голову.

— Тихон, а если найдется в нас сила ведовская, Тимир станет жрецом, он сможет снять проклятие?

Тихон вздохнул.

— Заклятие на крови, на смерти сотворенное, равновесием затворенное. Когда война между жрецами началась, потух Трисвет. Нечему стало оберегать земли. Потому и поглотило проклятие земли наши. — Тихон погладил Аглаю по волосам. — Да ты о том не думай, вам домой вернуться нужно, вот и грезь о доме. А о делах Велимировских не тебе сокрушаться.

«О доме. — Аглая крепче прижала к себе зверька, тот ткнулся мокрым носом в плечо. — Я буду думать о доме. Мы вернемся и забудем этот мир и его горести. А Велимир… останется с темным озлобленным жрецом во главе. И им будет все равно? Точно будет».

— Спи! — далекий, успокаивающий голос Тихона. Хорек вытянулся в руках. И через ночь, через лесные шорохи, послышался далекий, ласковый напев бабушки, уносящий в успокоительный морфеевский мир:

«То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит,

То мое сердечко стонет, как осенний лист дрожит…»

*** * ***

Ника изо всех сил делала вид, что спит. С трудом сдерживала переживания, слишком громкий стук сердца, чересчур частое дыхание. Вслушивалась в тихий разговор Аглаи с Тихоном и ничего не слышала. Не могла слышать, в ушах стоял звон. Яростно сжимала руки в кулаки, утыкалась в ставшую усилиями Тихона пушистую траву, кусала ее в бессилии, а грудь рвало безмолвное рыдание. «Бросил! — Кровь выступила на искусанных губах. — Сволочь, Стас, какая же ты сволочь!» И судорожный сдерживаемый выдох. Со страхом, не услышал ли кто. Пульсирующий стук в висках. Слеза, застывшая в уголке века. Дрожащая от боли собственной хозяйки, не выкатившаяся, но дерущая душу и сердце.

Ника сжималась под плащом. Дрожала, как от озноба. Завыть в голос так, чтобы глотку рвало. Чтобы душа лопнула и не скребла, не мутила.

Шорохи тревожные — зверье, подстегивали колотящееся сердце.

— Ника! — шепот донесся сквозь звон в ушах и шорохи, осел в голове и всколыхнулся в сердце новым болезненным ударом.

Почудилось?

Это ветер колышет ветви.

— Ника!

Она напряглась. Сердце, останови свой бой. Дай услышать. Голос…

близкий, дорогой ей. Из — за кустов, из темноты за деревьями, оттуда, где раскинулся можжевельник, испуганно трясущий лапами.

— Ника! — жалостливо.

Она приподнялась. Тень куста прикрывала ее. Стихли голоса позади.

«Спи», — донесся голос Тихона.

— Ника! — тоскливо.

«Стас!» — боем в сердце. Еле сдержалась, чтобы не закричать.

— Мне холодно!

— Стас! — не повышая враз осипшего голоса. Боясь, что услышат, Ника бросила взгляд к костру. Тихон сидел, обрезая мелкие ветви и бросая их в пламя. Остальные спали. Тихо дышала Аглая, попискивал в ее руках хорь. У соседнего дерева притулился Тимир. Не знала бы, что он там, так решила — просто куча вещей набросана.

Придерживая плащ, Ника осторожно отползла во тьму.

— Подожди, Стас, я сейчас. — Торчащий корень распорол руку. Ника поморщилась, но уверенно проползла несколько шагов. И только попав во тьму, поднялась, накинула плащ.

— Стас, — глухим шепотом.

— Мне холодно.

Ника вгляделась в темноту. Одинокий силуэт, облокотившийся о древо рядом с можжевельником. В лунном свете силуэт черный и безжизненный. Он не поднимал глаз, трясся всем телом. Но ей и не нужно было видеть его лица, она узнала фигуру, голос, русый волос отсвечивал серым в лунном свете.

— Стас! — рванула к силуэту. И тут же была откинута назад. Крепкие руки схватили за плечи, притянули к себе.

— Даже не смей! — прошипели в самое ухо.

Ника всхлипнула, начала вырываться из объятий Тимира. И откуда только взялся! Он не смотрел на нее, взгляд устремился на одинокий силуэт.

— Надоело жить?

— Это… это же Стас!

В ответ Тимир так сжал ей плечо, что Ника невольно вскрикнула.

— Стас? — продолжил шипение. — Тут уж как ни назови, суть одна — нежить…

— Нет, — остолбенела Ника, всматриваясь в силуэт. Чуть сутулые плечи. Сцепленные руки. — Ты врешь! Стас жив! Вот же он! Посмотри!

— Хочешь проверить? — Тимир рывком повернул ее к себе и заглянул в глаза. Пугающая усмешка исказила бледное лицо. Ника схватилась за его

руку, попыталась скинуть ее с плеча.

— Врешь! Врешь!

— Так и иди к нему! — с силой оттолкнул ее. Ника не удержалась и упала. Вскочила, бросилась навстречу одинокой фигуре… Та протянула ей навстречу руки.

Ника остановилась не добежав.

— Стас?

— Ника, — дыхнуло сорвавшимся невесть откуда ледяным ветерком.

— Почему ты стоишь в темноте? — Как же больно сердцу, и хочется закричать, зареветь оттого, что после слов Тимира нет веры тому, что видишь. И ветви можжевельника черные, осыпаются прахом от прикосновения стоящего рядом. И кора дерева темнеет.

— Стас, идем со мной. Там костер и еда… ты отогреешься…

— Холодно, — скупое согласие. Он не шевельнулся. — Иди ко мне! Пальцы нетерпеливо сжимаются в кулак. Слишком бледные, иссиня — серые.

Слезы побежали по щекам. Ника не вытирала. Глотала их, глядя на темный силуэт.

— Посмотри на меня, Стас! Скажи, что ты жив!

Он молчал. Опустил руку.

— Посмотри на меня, Стас! — она кричала, уже не боясь, что кто — то услышит. Улавливая по шороху листьев, как приближается Тимир. — Скажи мне!

Силуэт поднял голову. Ника зажала рот руками. Всхлип вышел булькающий, и шаг назад в объятия Тимира.

Стас смотрел мертвыми пустыми белками. Губы кривились.

— Идем со мной!

Тимир встал перед Никой, прикрывая, взметнулась бледная рука.

— Нет! — Ника вцепилась в его руку. — Не тронь! — глотая слезы, понимая, что не может видеть смерть… нежити… Стаса.

— Он уже мертв!

— Не тронь! — дрожащие губы шептали, а по венам вспыхнуло, и ладони запылали. И в голове зашептало, прося: «Выпусти! Не бойся! Я помогу!»

Тимир оттолкнул Нику. Бросил на нее быстрый взгляд, перевел на пылающие чернью руки. Усмехнулся нехорошо.

— Обладай ты сто раз любой из великих сил, ты не смогла бы сделать его живым. Он мертв! Он нежить, и ей останется…

Ника не слушала, не смотрела на Тимира, она смотрела на Стаса. Тот

облизнулся.

— Неужели не помнишь? Ты же в любви клялся! Ты же жениться обещал! Всю жизнь рядом! Стас! — От костра к ним уже приближались разбуженная Аглая и встревоженный Тихон. — Ты обещал навсегда рядом! — Голос срывался.

Лицо нежити исказилось. Мертвяк содрогнулся. На лице отразилась дикая мука.

— Ника! — Аглая бежала, натыкаясь во тьме на ветви.

Мертвый Стас отступил, запрокинул голову, взвыл горько, выплескивая небывалую боль. И рванул в лес, цепляясь остатками одежды за кусты.

— Ника! — Аглая подбежала в тот момент, когда Ника рухнула на колени, уронила лицо в руки и зарыдала.

— Ты ей не поможешь, — тихо сказал Тимир, подхватил Нику на руки и понес к костру.

Аглая осталась стоять в растерянности, смотря им вслед.

— Нежить была здесь! — указал в сторону умчавшегося Стаса Тихон.

Прижимаясь к груди, пищал хорек, показывая тьме кулак. Аглая оглянулась, всматриваясь в чащу. Далекие слова. Грустный напев бабушки, так внезапно прерванный, все еще стоял в ушах.

На ветке почерневшего дикого куста остался клочок материи, оставленный убежавшим упырем.

Аглая подошла и сняла его, всмотрелась. В лунном свете узнала клок выдранной джинсы. И так больно стало за Нику и за себя, за тех, кто тогда ушел с болота.

— Здесь был Стас! — со страхом проговорила она, а у самой екнуло сердце: «Игнат! Где ты?»

*** * ***

Аглая стояла по плечи в воде. Едва пробивающиеся из — за туч солнечные лучи не грели. Тонкая рябь реки тянула пронизывающим холодом. Но даже лежи она сейчас в теплом джакузи, не могла бы сдержать ту дрожь, что била тело. Но это и не нужно. Пусть вытрясет боль и страх. Пусть стылыми водами смоет всю ночь, горе Ники, увидевшей мертвого Стаса. Как же ей больно! Она уснула только под утро, убаюкиваемая Тимиром и Тихоном. Кто бы мог подумать. Тимир, насмешливый, даже грубый, в эту страшную ночь он нашел слова. А Ника все шептала и

всхлипывала, уткнувшись в его плечо. Аглая сидела у костра, но огонь не грел, ее трясло, словно в ознобе. Трясло от мыслей о Нике, о себе, от переживаний по Игнату. А если и он… Выйдет однажды к ней… неживой. Тихон вздыхал тяжело. Аглая сжимала в руках теплый пищащий шерстяной комок и безмолвно кричала в трещащий костер: «Игнат! Ты жив? Ты должен быть жив! Или ходишь нежитью по лесам, где — то рядом со Стасом?» Взлетали в ночь огненные искры, шелестели густые ветви дремучих деревьев, не было ответа. Только жгучая боль с придыханием. Слезы не бежали. Да и как, если дышать — и то невмочь.

Вода студеная, обжигает разгоряченную кожу. Болью в висках трещат птицы, и совсем не весел их гомон, теперь Аглая расслышала. Тоскливое чириканье, мрачное дыхание леса. Не слышать их, не слушать предвестников нерадостного грядущего. Смыть боль, забыть на полминуты, пока волны ласкают тело, успокаивают разгоряченную душевной болью плоть. Закрыть глаза и погрузиться в пучину. На секунду перестать жить, чтобы потом вынырнуть, выдохнуть и попытаться не думать, не вспоминать.

Как же, мысли гонишь, а сердце бьется, замирает в мучительных приступах: «Игнат, где ты? Жив ли?»

— Пусти… Пусти, горюшко. Дай дойти путь. Силы дай!

И как будто слышит река. Бьются волны, окатывают тело, плещутся в лицо, остужая, и в висках стучит эхом: «Дай силы, дай», — то шепчут ее собственные соленые губы. И не сразу приходит понимание, что не речная то соль, а слезы. Не сдержались, текут по щекам, заполоняя взор. И мысли затуманиваются. Скользят по телу капли. Или не капли? Нежное прикосновение, от которого хорошо, отпускает кручина. Остаться здесь, в хрустальных водах холодной реки, навечно, навсегда. Заморозить прошлое и будущее. Ничего не будет, ничего не станет, ни дома, ни Обители. Будет покой — безразличный, холодный, вечный.

«Навсегда», — шепчут волны, заманивая глубже. И Аглая идет на шепот. Так хорошо, что слезы застывают. Отступают горести.

«В пучину, в тишину и покой, навсегда».

— Аля! — окрик. И будто хлестанули по щеке. Аглая остановилась, она стояла по самую шею в воде. Что за наваждение? Когда она успела зайти так глубоко? Еще шага два — и правда в пучину, навсегда.

— Аглая!

Она обернулась. На берегу стоял Тимир, подвернув штаны, по колено в воде. Уставшее, чересчур бледное лицо.

— Опасно так глубоко заходить, места здесь не тихие. Или ночь

ничему не научила?

В горле встал ком. Аглая пошла к берегу, на ходу выжимая волосы.

— Отвернись!

— Что я в девках не видал! — нагло, но без похоти. — Да и не интересна ты мне. Куда как краше то, что у тебя за спиной.

— Снова твои шуточки? — Аглая прибавила шагу, уже не смущаясь собственной наготы. Было что — то в голосе Тимира, заставляющее испугаться. Он продолжал стоять, даже руку протянул встречая. От дружеской помощи Аглая отказалась, прошла мимо, кинулась к вещам, схватила их и только тогда осмелилась посмотреть на реку.

«Хорошо, что сразу не оглянулась», — первая мысль, скользнувшая в голове.

Из воды на Аглаю с интересом, на Тимира со страхом взирала тройка девиц. Со спутанными тиной волосами. Бледная зеленоватая кожа, мутные водянистые взгляды, волосы длинные, прикрывают упругие груди. Они были бы хороши, если бы не были пугающе страшны в своем посмертии.

— Это… — икнула Аглая.

— Мавки! Дурные девицы.

— Они могли… — с ужасом прошептала Аглая.

— Они меня испугались.

Аглая с трудом оторвала взгляд от девиц только для того, чтобы увидеть лицо Тимира. Отрешенное, темное.

— Тимир!

Он отступил от воды. Девицы фыркнули, начали строить гримасы.

— Брысь! — гаркнул Тимир. Мавки испуганно вскрикнули и пропали. Аглая начала торопливо натягивать одежду.

— В следующий раз, если приспичит поутру купаться, одна не ходи.

— Тебя возьму! — кивнула, подпоясываясь, Аглая, хотя голос дрогнул. Навряд ли рискнет в следующий раз.

Тимир развернулся слишком резко. Коса хлестанула по воздуху.

— Я не шучу, вы мне живые нужны!

Аглая так и застыла, смотря ему в лицо. Тьма отступала, оставляя только черноту в глазах.

— Страшно одному помирать? — И тут же прикусила язык. Тимир стремительно побледнел, напряглись скулы.

— Совсем не хотелось бы… — прошипел. — Жалко, это от вас зависит… Иначе…

— Мавок бы не отпугивал.

Он развернулся, подошел к ней вплотную. Аглая внутренне сжалась.

Тимир протянул руку, коснулся ее щеки, пристально вглядываясь в глаза. Провел по скуле, внезапно весь напрягся, губы сжались в тонкую полосу. Он отдернул руку и, резко развернувшись, пошел к деревьям, оставив Аглаю в растерянности. Сердце стучало в груди, и в висках бешено стучали молоточки. Аглая судорожно выдохнула, пытаясь успокоить отяжелевшее дыхание.

Из — за позеленевшего камня выглянула молоденькая мавка, сочувственно покачала головой.

— Брысь, — дрожащим голосом прикрикнула Аглая, девка улыбнулась и спряталась за камень.

— Чудное утро!

Ника появилась, едва скрылся Тимир. Широко зевнула и, на ходу скидывая одежду, подбежала к реке. Аглая проводила ее взглядом. Слишком просто и обыденно говорила Ника.

— Алька, ты чего такая? Как будто это не у меня, а у тебя парень нежитью стал.

Аглае стало не по себе. Словно и не было страшной ночи. Не рыдала подруга на плече Тимира, не тряслась в ознобе от мучившей сердце и душу боли.

— Хорошо здесь, — продолжила Ника, вступая в реку. — Моя бы воля, жить бы осталась. Никуда бы не пошла…

— Здесь не стоит купаться, — чуть запоздало кинулась к той Аглая.

Ника оглянулась, смерила ее взглядом, остановила его на мокрых волосах, хмыкнула.

— Мавки здесь. — Аглая нахмурилась. — Тимир спугнул, утащить хотели…

Ника присмирела, посмотрела на реку боязливо, выскочила из воды, схватила рубаху и начала натягивать обратно.

— Хоть лицо ополоснуть можно?

Аглая пожала плечами.

— Так близко, наверное, не подплывают.

Ника с опаской посмотрела на водную рябь, присела, плеснула в лицо водой. Вытерла прихваченной холстиной и вернулась к Аглае. Но уходить не торопилась, присела на землю.

— Алька, как думаешь, нежить думать может, или мозг у них разлагается первым?

Аглая, собиравшаяся уже идти к стоянке, остановилась, ошарашенно глянула на подругу. В своем ли та уме? Ника смотрела на водную гладь. Без каких — либо эмоций на лице. Разве что глаза поблескивали. А уж не

двинулась ли она и правда разумом? У Аглаи ком в горле встал. Она опустилась рядом с Никой.

— Кто ж его знает… — начала осторожно.

— Алька, он меня услышал, клянусь, услышал… — перебила Ника. Голос сорвался, став глухим. И Аглая отчетливо поняла, каких усилий стоило той не рыдать в голос, не выть побитым жизнью псом в серое небо.

— Я впервые с нежитью встретилась. Может, и правда слышал. — Спорить с подругой, у которой в глазах мелькали безумные огоньки, точно не стоило.

Ника вздохнула.

— Я не знаю, смогу ли понять и… бросить… Смогу ли в следующий раз оттолкнуть и не пойти следом.

Аглая всмотрелась в Нику. Пустота в глазах. Совершенная отрешенность, еще более страшная, чем тьма в Тимире. Аглая вцепилась в плечи подруги.

— Даже не смей думать!

— Как не думать? — Ника осторожно высвободилась из рук Аглаи. — Может, к лучшему… Это же больно. — Лицо стало напряженным. — Как я без него вернусь?

Аглая отвела глаза. Что она должна ответить? Что и сама полночи думала, как смотреть в лицо родителям Стаса? Или о том, что она не верит в их возращение? А может, напомнить, что Стас не один ушел, с ним еще Игнат и Рита, и они тоже могут быть…

— Ника, в жизни по — всякому выходит. Нельзя вот так… Нас родные потеряли. Ты о них подумай…

— Тебя, может, и потеряли. А у меня он один родной и был. Я других не знаю никого. Родители уехали на заработки, а время такое было… Не знаю… — Она поморщилась. — Не взяли меня, короче. Оставили бабке, а та через полгода померла. Меня в приют отправили. Два года там была, пока тетушка не забрала. Она и вырастила. О родителях совсем не рассказывала. Я спрашивала. А она: «Зачем тебе? Нужна была бы, забрали». А теперь видишь, как выходит, и Стас мне не нужен, раз я его здесь оставляю.

— Ты не так все поворачиваешь. Здесь все по — другому…

— Не по — другому… Ты знаешь, о чем я в детстве мечтала? О семье. О большой дружной семье. Чтобы детей орава. Чтобы бабушки были, к которым по выходным в гости всей семьей… — Она замолкла. Лихорадочно вцепилась бледными пальцами в холстину. — У тебя была бабушка?

— Была, — приглушенно ответила Аглая. — Хорошая. Знахарка местная. Она в старообрядческой общине жила. Диковатые немного люди, но добрые. Мне у них нравилось.

Ника удивленно вскинула брови, пальцы расслабились, выпуская холстину.

— Правда, что ли? Прям вот знахарка, травки там всякие, как Тала?

Аглая кивнула.

— Почти как Тала. Странно это так. Она была, а больше в семье никто не врачевал. А бабуля травки собирала, заговоры читала, людей и животину лечила. Высокая, худощавая, в темном платке. А глаза добрые, она меня молоком из крынки поила. Я ее такой и запомнила. Утром встанешь, а на столе молоко. Вкусное. — Аглая прикрыла глаза. — Еще соседка запомнилась. Семья у нее большая. Мелких четверо. Кричат, вопят, то зубки режутся, то температура, то на солнце перегрелись. А иногда и просто разбалуются. Бабуля услышит и идет туда, кого по голове погладит, кому пошепчет чего — то только ей ведомое — все успокоились, болезнь прошла. Соседка потом бабушке то сырников, то пряников несет. К ней из всей общины люди ходили. А однажды… Община дремучая, воду из местной речонки возили. И был у них коняга, приученный к тому делу. Белый в черных пятнах. Умный — жуть, детвора его любила. Мы иногда сворой на него заберемся, а он идет смирно, боится кого уронить. Яблоко протягиваешь, осторожно одними губами берет.

Просыпаюсь как — то поутру, слышу, сосед ругается. Выбежала в чем есть во двор. Стоит наш пятнистый, на нем чужой мужик верхом сидит. Харя мятая, в глазах слезы стоят. Вышла бабуля, смеется: «Ну что, будешь еще чужую скотину уводить?» Мужик морду воротит, смотреть в ее сторону боится. А она ждет. «Не буду». Бабуля ему: «Ну, так и знай, как сызнова чью скотину уведешь, так твой век и своротится. А теперь ступай». Развернулась и, не оглядываясь, в дом пошла. А как зашла да дверью хлопнула, мужик тот с коня и свалился. «Заговоренный он, — пояснил мне тогда сосед. — От ворья. Всю ночь таскал на себе, покуда назад в село не принес». — Аглая подавила вздох. — Это было последнее лето, когда я у бабушки была. А потом мы перестали ездить к ней. Объяснять не нужно было, сама поняла. Одна обида осталась, даже не простилась.

— Все мы смертны… — печально кивнула Ника. — Хорошо, когда так. А если как Стас…

Аглая поежилась. А Ника продолжала.

— Я обижалась, что не остался, бросил у болота. А когда на него посмотрела… — Она обняла себя за плечи, едва сдерживая рвущуюся

наружу боль. — Он ведь понимает, что не жив. Я это в глазах его видела. А если понимает, то как же тогда, Алька? Как тогда?

— Отпустить.

— Мертвого отпустила бы. Из сердца, из души… А понимать, что он рядом ходит, и упокоения ему нет… — Нику затрясло.

— Хватит! — Аглая стремительно поднялась, понимая, что еще чуть, и сама не выдержит, начнет рыдать рядом с неутешной подругой. — Мы не можем изменить его судьбу. Идем, иначе Тимир на нас такую тьму нашлет, что ни одна бабушка — знахарка не отчитает.

Ника кивнула, поднялась и двинулась к деревьям. Аглая отряхнула холстину. Тяжко смотреть на Нику, на то, как поникли ее плечи и потухли навсегда яркие глаза.

«То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит,

То мое сердечко стонет, как осенний лист дрожит…»

Тонкие, тягучие голоса. Заглушают все звуки леса. Обволакивают, манят.

Аглая оглянулась. Тяжко вздыхая, смотрели на нее три девичьи головы. Одна подплыла чуть ближе, уселась на валун у берега, начала заплетать зеленые волосы, всматриваясь в Аглаю. А глаза так и блестят. И вдруг улыбнулась, плеснула водой.

— Своя! — выкрикнула звонко подругам, откидывая косу за спину. Мавки подплыли ближе. На изумительно красивых, но зеленоватых лицах отразился интерес, минуту они смотрели на Аглаю.

Переглянулись, покачали головами:

— Ах, как похожи! Помним — помним, проходила, песни пела! — начали закатывать мутные глаза, хлопать огромными ресницами. — Своя, своя! Силой отмечена. Помним — помним! — а сами все ближе подплывают и руками манят, зазывают.

— Брысь, нечистые, — шикнула Аглая.

— Брысь! Брысь! — тут же подхватили мавки и нырнули в воду. Остались только круги на воде. А Аглая стояла, застыв и смотря на рябь. Откуда они знают бабушкину песню?

Глава 7

Радомир понукнул гнедого и, поежившись, покосился назад. Ветром раскачивало низкие кусты, ветви подрагивали, и чудились в густоте их тени. Оголтело граяло воронье, кружило, опускалось низко, смотрело черными глазами, за обозом летело, едва в бор вошли. Ох, не добре! И душу тянет, и жилы словно выворачивает, так ноет. Неспокойное времечко выбрали для поездки в Нугор. Всю ночь глаз не сомкнули. Нежить совсем рядом прошла, оборотни носом землю рыли. Но учуяли — не простой люд, охотники, все с выучкой, с норовом. Обошли стороной. Можно было и вздремнуть, да только Марья навострилась. А у той нюх да глаз не чета нынешним охотницам.

«Сумрачный», — молчаливо указала жестом, скрестив большие пальцы. Радомира в дрожь бросило. Этого не хватало! Против нежити, оборотней и мавок они готовы до смерти биться, а с сумрачным как? Он ни смерти не знает, ни боли не чует, прикосновением убивает, проклятия его не снимаются, да и кому снимать? Ведьм — то не стало. А Радомир видел деревеньки после прихода такого! По лбу стекли капли пота. Одно слово — тьма проклятущая. А как с тьмой? Только словом божьим! Да вот жалость, слово — то сказать некому давно. Ох, не вовремя на ярмарку снарядились! Охотницы, и те молитвы вспомнили, хотя девки здоровые, сильные, сам выучил. Таких просто так мордой нечистой не испугаешь. А вот же… Все вспомнили, губами бесшумно шевелили, двуперстом крестились. Да разве простая молитва поможет? Нет дара ни в одной, чтобы боги слышали да защитили. Вот как оно обернулось… Чтоб этих жрецов, с любовью ейной! Жили же, хорошо жили! Только странички в старых книжках и остались о той жизни. У них при Гринадеже были три ведьмы, две знахарки, две слово говорящие. Хорошо. Ни тебе вурдалаков, ни хвори, ни сумрачных. Какие амулеты делали, защиту ставили, наговорами поселок опоясывали. Сейчас бы хоть один наговор для отвода глаз.

А уж зима какая нынче пришлась, нечисть совсем осмелела, за дичью менее чем впятером не ходили. Соседние поселки — то уж давно на охоту и не ходят. Да только негоже Радомиру всякой нечисти пугаться. Гринадеж веками славился охотниками. Но не в этом году. И вроде зверя много, и не пуганый, а троих охотников за зиму схоронили. Совсем пускать в дебри перестал. Дальше пяти верст уходить запретил. Потому и товара мало.

Да и ночка показала, что сил своих Радомир не рассчитал. Куда

четверым мужикам да трем девахам против жреца сумрачного с силой его неподвластной. На том и закончится их поход на ярмарку Нугорскую.

Все это крутилось в голове, пока Марья стояла, вглядываясь во тьму бора. Застыв, словно каменное изваяние, ни шороха, ни дыхания не слышно, вроде и не жива вовсе. Только лунный свет играет бликами в зрачках. Даже сейчас, испуганная, красива. Грудь в горсть не обхватишь, плечи сажень, бедра… Ох, не зря он ее выбрал. Да вроде и она не против была. Сама так и норовила на вид попасться. То глазом лукавым черным стрельнет, то бедром поведет, да так, что дух захватывало. Сама смеется громко, заливчато. А уж как к венцу пошла, так сразу видно стало — жена самого главы. Радомир смотрел на Марью и улыбался. Лучшая жена. Лучшая охотница. Лучший друг.

Сумрачный остановился между станом и косым пригорком. Марья молчаливо кивнула. Когда проходили мимо, видели дикий табун. Если спугнуть… Он понял без слов. Скользнул на мягких подошвах, на носочках. Успел жестом приказать остальным оставаться. Переглянулись недовольно, но прекословить главе не рискнули.

Марья скользила впереди. Почти под носом у сумрачного обошла пригорок. Застыла у куста смородины. Сумрачный шел не торопясь, поглощая все, к чему прикасался. Следом за ним черным следом стелилась тьма, прожигая и сминая жизнь. С деревьев осыпались ссохшиеся вмиг листья, ветви трещали, темнела, покрываясь буграми язв, кора, трава чернела. Даже нечаянно попавшее в тень сумрачного зверье тут же и падало, содрогаясь в предсмертных конвульсиях.

Марья задержала дыхание, боясь смотреть в сторону сумрачного. И только рука неслышно скользнула к луку. Тонкая стрела взвилась в воздух и скользнула по коже главаря табуна. Тот вздыбился, заржал. Сумрачный обернулся в их сторону. На секунду на жутком сморщенном лице, обезображенном злобой, отобразилась кривая беззубая улыбка. Сумрачный подобрал распластавшуюся тьму, словно растянутый подол, и бросился к табуну.

Только когда черная тень, с небывалой скоростью догнав табун, вспрыгнула на главаря, Марья выдохнула.

«Пронесло», — так же безмолвно сказала одними глазами, в которых вспыхнуло облегчение. Глава подошел, обнял, уткнулся в ее волосы. Марья дрожала. Мелко. Тихо отстукивая зубами.

— Ну чего ты, все обошлось!

— Вернемся, Рад!

— Большую часть уж прошли. Без припасов на зиму останемся.

— И не такое переживали. С прошлого года зерно в хранилище. Скот есть. Одежа найдется. Переживем.

— А коли и весна выйдет негожая?

Она отвернулась. Поджала губы. Как всегда, когда не соглашалась с мужем.

— Не обсуждай, вот дойдем до Нугора, а там ты увидишь наряды да бусы и по — другому запоешь.

— Зачем мне наряды и бусы — мертвой!

У Радомира зубы заскрипели. Несносная в своем упрямстве. И злит, что права баба! Да только… Шкуры нынче в цене выросли. Совсем охотников мало, а любителей соболей да лис куда как предостаточно. Хоть товара немного, а прибыль больше будет, чем за два последних года. И нечего спорить с бабой, пусть даже женой. Радомир холодно отстранился, раздраженно сплюнул и направился к стану. Коли хорошим ходом, дня через два у Нугора будут.

Едва забрезжил рассвет, тронулись.

Телега тяжело отбивала колесами о камни. Кони в обозе низко клонили головы. Вожжи, закрепленные за седло впереди едущего всадника, натягивались, он оглядывался, хлестал понурых по мордам, тихо ругался. Те грызли поводья, но ходу не прибавляли.

Радомир ехал впереди отряда, хмурился, вспоминая разговор с Марьей. Иногда поглядывал в ее сторону, она отводила недовольный взор. Радомир вздыхал, конь под седлом шел медленно, тряся головой и спотыкаясь.

— Тпру!

От неожиданности гнедой вздыбился. Радомир стеганул его по крупу. Конь недовольно взбрыкнул, жуя удила. Радомир схватился за ножны. Весь обоз остановился, захрипели кони. Охотницы встали в стременах, высматривая, кто или что могло остановить их путь. Мужики оскалились, сощурились, вглядываясь в дорогу.

Из — за деревьев, прилегавших к просеке, появились путники. Радомир присмотрелся к вышедшим. Кинжал вошел обратно в ножны. Две бабы, парень с ними, телом крепкий, но какой — то болезненно бледный. Старик. Никак домовой! Радомир похлопал гнедого по шее успокаивая.

— Путь далеко держите? — поинтересовался бледный. Нехороший у него был взгляд. Ох, нехороший. Отшить путничков. Не добре, чует сердце. Или може, после ночи тревожной всяко чудится? Глава бросил косой взгляд на Марью. Та щурилась на путников. Но жестов никаких не подавала.

«Тьфу ты!» — про себя выругался Радомир. Уже на бабью подсказку

надеется.

— На ярмарку в град Нугор направляемся, — облокотился на стремя.

Гнедой нетерпеливо рыл землю копытом, хрипел.

— А вы отколь путь держите?

Ответил не бледный, а старик карлик, принятый за домового. Он юрко выскочил вперед. Подмигнул гнедому, и тот успокоился, встал ровно, потянул мордой. Старик погладил трепещущие ноздри и задрал голову на Радомира.

— Мы, сударь добрый, к столице Хлад путь держим. Девки у нас на выданье, а поговаривают, будто сам Китар для своих соглядатаев жен выбирает. Вот и решили — чем черт не шутит! Деревенька у нас малая, совсем нежить одолела, а тут и защита будет, и довольствие.

Радомир хмыкнул.

— Да больно худы ваши девицы для жен. Неужто настолько плохо в деревеньке? Хотя, судя по хлопцу, предложить в мужья некого.

Охотники позади заржали, играя ножами в мускулистых руках. Радомир цыкнул. Негоже над бедой смеяться.

Старичок смотрел доверчиво в глаза и кивал.

— Некому — некому, ишь какие малахольные родятся.

Бледный после этих слов стал еще бледнее. Хотя, казалось, куда уж. И даже затрясся, как почудилось Радомиру. Глава склонился с коня к старику. Приглушил голос, спросил с подозрением.

— А малахольный никак заразный?

— Да господь с тобой, сударь великодушный! — сложил молитвенно руки старичок, доверительно округляя глаза. — С детства слабенькими рождаются. Вроде и телом добреют, и не хворь, а в мужицкую силу не идут. Какие из них защитники для деревни?

— И то верно! — согласился Радомир и довольно глянул на охотниц. Все под стать, с румяными щеками, пышной грудью. И мужики — сажень в плечах, глазищи ясные, вон клинки с руки на руку как игрушки перекидывают. Кони под ними борзые, хорошим ячменем кормленные. А вот, поди, не попадут на ярмарку, придется их семейству пояса — то подтянуть до самой весны. Не помешает им лишний рот, а вот сила лишней не бывает. Хотя какая сила, мясо для нежити. Да и то ладно, будет на кого взор нечистых отвести.

— В обоз с товаром полезайте. До Нугора довезем, а там смотришь, кому еще на хвост припадете. Ты, видать по всему, за старшего?

Старик кивнул.

— Как величать надобно?

— Тихоном величай.

— Добре, Тихон, а меня Радомир. Хочешь, Радом зови, не в обиде буду.

Старик расплылся заискивающей улыбкой.

— Здоровья тебе, Рад! Я уж помолюсь, чтобы ярмарка славная твоей семье вышла.

— На том и договорись, старец Тихон, — кивнул глава.

Старик махнул короткой рукой, девки, не глядя на Радомира, поспешили к обозу. И только бледный шел не спеша, на секунду остановился рядом с Радомиром и бросил всего один взгляд. Конь под главой нервно переступил с ноги на ногу, а у самого Радомира сковало душу. Будто бледный в нее саму глянул и вывернул наизнанку.

«Его первого, ежели что, нежити и отдать».

Он хотел было хлестануть наглеца, дабы не взирал так на главу, да только тот уж ушел. И когда успел? Радомир и не приметил. Оглянулся, привставая с седла. Бледный подходил к обозу, в котором уже устроились старик и девахи. Походка ровная, уверенная, так даже его охотники не ходят. Радомир перевел взгляд на Марью. Та хмурилась, смотрела на чужаков из — под бровей.

«Зря взял их», — подумал Радомир, чувствуя, как под ним нервно начал перебирать копытами гнедой. И Марья неспроста косится. Недоброе чует. А чуйка у нее хорошая. Она лихое дело по запаху различает. Но тут что — то другое, не на бледного смотрит жинка, нервно теребя поводья, хмурится не на старика — карлика, а на девку русую, с ненавистью так и прожигает пылающим взглядом. И чего это она?

На всякий случай кивнул одному из охотников. Тот отделился от группы и встал за обозом. Так — то оно лучше будет под присмотром.

— Двигай! — прикрикнул Радомир и ударил шпорами. Гнедой хрипнул возмущенно, но дрожать перестал и почти сразу перешел на рысь.

*** * ***

Ближе к закату показался высокий забор. Широкие врата закрыты. На вышках зевающие молодцы.

Древ — небольшая деревенька. Не слишком гостеприимная. Чужаков сторонятся. Но другого постоя на пути не будет.

— Здесь заночуем! — прикрикнул Радомир.

Путники всю дорогу не говорили ни слова. Бледный сидел, накинув на

голову капюшон так, что лица видно не было. Старикан ерзал и все засовывал руку за пазуху. Один раз обернувшемуся Радомиру почудилась высунувшаяся из — под руки коричневая мордочка мелкого зверька. И тут же спряталась. Девахи сидели, тоскливым взглядом провожая тропу. «Да чего радоваться? — мысленно подметил глава. — Никак женихаться везут, а там кто попадет, немыслимо. Быть женой соглядатая, оно, конечно, для слабой деревеньки добро. А вот каково жинке — то? Иной раз посмотришь, вроде и человек, а как обернется. Жуть. Да и как по другому — то, они ж нелюди, бесы. А откуда у беса любовь или жалость? Не будет счастья девчонкам, оттого и смурные, неразговорчивые».

Марья поглядывала на них и хмурилась. Ее взгляд не нравился Радомиру, он чаще оглядывался, присматривался к невестушкам. И чем чаще он озирался, тем мрачнее становилось лицо Марьи. А он уж и не смотрел на нее, все приглядывался к русой. Вроде и невзрачная. Лицо блеклое. Но если присмотреться… От их девок отличается. Руки, выглядывающие из — под плаща, вовсе и не худы, белы, тонки, как лучина. Такую защищать, а ее бесам. Вторая, хоть и краше, а глаза темные, невзначай как глянет, прожигает. Видать, бледный — брат ей, у обоих взгляды тяжелые, — сравнивал Радомир. А сам все к русой возвращался и мыслями, и взором, чувствовал себя вроде даже постыдно, будто не просто рассматривал — любовался уже. А ведь он даже не видел, что там под плащом скрыто. От этой мысли в жар бросило. Радомир встряхнул головой, что его конь. Ишь, какие мысли возбудила девка — то. Он про себя засмеялся. Может, и неспроста Марья ненавистью лютой на невестушку смотрит, чует сердце жинкино.

Он остановил гнедого.

— Открывай, Радомир из Гринадежа, с обозом.

— Много вас? — полюбопытствовали из — за ворот.

— Пять девок и мужиков пятеро. Да смирные мы, утром далече пустимся. Что ты как первый раз… — Радомир спешился.

Ворота приоткрылись. С верхотуры неприветливо смотрели дозорные. Луки на изготовке держали.

— Так времена нервные пошли. Сегодня всю ночь нечисть вокруг шастала. Северные ворота разбили. Трех коров живьем съели. Сторожку разнесли, хорошо, егерь в ней уж три ночи не ночует. Нечисть по краю шастает. При свете дневном выходить не боится, — принял поводья низкий мужик с заплывшим глазом и косой мордой. — Обоз загоняй, да к Данке ступайте, у нее хутор свободен, примет. Только деньгами не возьмет, нынче меха в цене.

— Будут ей меха, — кивнул Радомир, пропуская обоз. — А ты мне скажи, Крив, чего это нежить распоясалась? Сами ночь с грехом пережили. Може, чего слышал?

— Так слухи ходят, будто ведьмы в Велимире объявились. Видели — де люди знающие, как сквозь сумрачную пустошь шли. А опосля в поселке, что у пустоши, поля чернью покрылись. Точно ведьмы. Вот нечисть и повылазила… Она ж их ведьмовского рода…

— Вон оно как!

Радомир задумчиво покосился на спрыгивающих с обоза привеченных путников.

«Не может быть! — мелькнуло в голове. — Угораздило. Авось не они. Не схожи девки на ведьм! Не злые вроде, нелюдимые, эт да…»

Обернулась русая, на лице мелькнула усталость.

«Все же есть в ней что — то», — поймал себя на мысли Радомир и тут же перевел взгляд на Марью. Та расседлывала коня. Юркий мальчишка, сын Крива, крутился рядом, помогая снять седло. То было почти с него размером, но он пыхтел, а стянув, поволок его к стойлу.

— А вы никак на ярмарку в Нугор? — хромая, подвел к коновязи гнедого Крив.

— Туда, — кивнул Радомир.

— Вот еще говорят, что совсем плохо в Нугоре. Вроде как соглядатаи там на каждом шагу. Ведьм ищут.

— Вот даже как!

Взгляд так и не сходит с русой. Старец Тихон вел ее к дому Данки. На мгновение ветер раскрыл полы, под ними мелькнули мужицкая рубаха и штаны, заправленные в высокие сапоги. Разве ж на смотрины в мужицкой одеже ездят?

Крив направился к стойлу. Махнул по дороге мальчугану, тот зевнул и бросился помогать отцу.

Радомир свернул. Чуть дальше дома Данки посреди улицы колодец. К нему он и двинулся.

Скинул ведро и зачерпнул воды, вылил на голову. Остудился. Вот так, хорошо, иначе с горячей головой да в хату. Еще зачерпнул. Умыл лицо.

«Будь что будет. Авось и правда не они!» Рукавом вытер лицо и пошел к хате Данки. Перед дверью остановился. Марья стояла у коновязи, стряхивала пыль с сапог. Ощутив взгляд Радомира, подняла глаза. Ненависти в них не было, лишь тревога. Тяжелая и глубокая. Он привык ей доверять, ее чутью. Но сейчас отвернулся, вытер ноги о тряпку у порога и вошел в хату, уже не видя, как жена сокрушенно покачала вслед головой, а

в глазах мелькнул страх.

Дверь скрипнула, Радомир вошел в избу.

— Здоровья, хозяйка! — проговорил громко.

Быстро нашел взглядом путников. Те ютились в углу длинной скамьи. Девушки едва слышно переговаривались. Бледный сидел, откинувшись спиной на теплую стену печи. Хоть и не зима еще, а та была топлена, чуялось по теплому запаху. И недаром, ночи на севере Велимира прохладные. Старик тоже разговаривал, с хозяйкой хутора. Тряс седой бородой, щурил глаза под широкими бровями. Та покачивала головой, шептала о чем — то горячо и неслышно. Глазища раскосые, темные, щурятся в сторону девок. Сама смуглая. Какого рода — племени, не знамо. Ясно, что здесь не родня ей живет. То ли кто привез с востока, то ли сама пришла. Взгляд прямой, уверенный. Смотрит, не отвернется. Ни семьи, ни детей. Хорошая баба, накормит и напоит, в хате чисто и тепло, но вот на пути встать у такой Радомир не хотел бы. Чувствовалась в ней сила… не бабья. Даже его охотницы с Данкой в спор не вступали, но те все шептались, что де глаз у нее темный, такая и шепнет в спину, так сбудется.

Данка поднялась неторопливо. Легко кивнула, без уважения, как — то между прочим.

— И тебе добре, глава Радомир!

Встряхнула косами и, покачивая широкими бедрами, пошла к печи. Сноровисто вытащила из нее горшок с варевом. На длинном столе расстелила холстяную скатерть, набрала из кадки воды, поставила тарелки, крынку с молоком. На стол накрыла быстро. По — мужицки наломала хлеб. Радомир только искоса смотрел на хозяйку, все на русую косился. И жар от ее вида в теле разгорался. Да разве ж может такая — ведьмой? Или как раз таки ведьмовской силой она его и тянет? Морок навела?

Отвлек стук двери, в хату вошла Марья. Быстро посмотрела на Радомира, прикусила губу, перевела взгляд на русую, глаза зло сощурила. Этот взгляд поймала Данка. Глянула говоряще на Радомира, тот густо покраснел, прошибло в пот. И есть совсем расхотелось. Однако Данка подошла и взяла за руку.

— Извольте, глава, отужинать. — А глаза так и едят. И отвернуться неудобно, встретишься с другим столь же едучим взглядом — Марьиным. Вот же бабы!

Мужики уж и за столом сидят, в миски кашу накладывают, а он стоит, будто лом проглотил.

— Что ж ты, глава? Вроде всегда варенья мои нравились, — не успокаивалась Данка.

Он выдавил из себя тусклую улыбку, кивнул и прошел к столу. Старик Тихон быстро наяривал ложкой. Бледный медленно возил ложкой в еде, уставившись в стол. Девки сели с другого края, ели молча, глаз на остальных не поднимая.

Радомир и сказать ничего не успел, как в тарелку хлопнулась каша, а рядом встала кружка с пенной хмельной брагой.

Радомир сунул ложку каши в рот. Та показалась безвкусной. Запил брагой. Вот это да, осушил одним глотком, протянул ожидавшей за спиной Данке. Та плеснула еще.

— Ты бы не налегал, батюшка, после дороги да не поевши, можешь и захмелеть! — елейно пропела Марья, буравя взглядом. Радомир и рад бы, да только от хмеля уже мысли ослабли, хорошо так стало. Быстро ж его разобрало. Он сунул еще ложку каши в рот и снова запил.

— Слышь, Тихон, — начал разговор, не смотря на Марью. Старик карлик глянул исподлобья, широкие брови сползлись на переносице. — А чего это вы так далеко решили женихаться? Поди, и ближе есть хорошие женихи… Вона, на моих мужиков глянь.

У мужиков ложки в руках застыли. Охотницы хором вылупили глаза. Эка невидаль, чужих в женки зазывать! Лицо Марьи стало пунцовым.

— А ты никак сам приглядел? — сощурился старик.

Радомир хмыкнул. Вот же дед, все видит. Марья не выдержала, вскочила, бросила ложку о стол и кинулась к двери, по дороге наградив девчонок ненавидящим взглядом помутневших глаз. Радомир внимания на жену не обратил.

— Может, и так. Все же лучше, чем соглядатаи. Да тебе ли не знать.

— Лучше, не лучше… А решено советом поселковым. Куды сказали, туды и пойдем. Негоже нам на переправе коней менять.

Радомир захмелело кивнул. Поймал на себе недобрый взгляд мужиков и притихших охотниц.

— И то ладно. Ваш выбор.

Встал, потянулся.

— Данка!

Та стояла рядом. Он взял из ее рук крынку с квасом. Хлебнул прямо с края. Забористый, губы так и жжет.

Радомир было протянул крынку обратно, но передумал и, прижав к себе, направился к выходу. В спину ему устремились взгляды сидевших за столом. Даже девицы больше не ели, смотрели удивленно. Радомир усмехнулся. Русая отвела взгляд. Радомир снова пригубил из крынки и вышел. Но направился не в приготовленный хуторок, а к стойлу.

Хрипели, роя землю, кони. Радомир припал к гриве гнедого, тот фыркнул. Глава ласково похлопал его по шее, опустился на землю, откинулся на столб коновязи, прикрыл глаза. Гнедой коснулся его головы теплыми губами и чихнул.

— Вишь, как оно! — посетовал Радомир и прильнул к крынке. Брага полилась в рот и мимо, на черную косоворотку. Радомир вытер губы ладонью, поморщился, стряхивая пролитое с рубахи, но махнул на нее рукой. Марья снова высказывать будет. А что ему Марья? Жена не жена, поди уж разбери. Друг сердечный. А сердечный ли? Мысли — то какие поползли зловредные. До сей поры считал Марью лучшей. Ну и что, что холодна бывает? Устает. А от чего? Детей не народили. Дом за сестрой стоит. Выходит, устает меч из руки в руку перекидывать, стрелы метко пускать, да по тропам охотничьим бродить. А разве в этом суть жинкина? Разве о том он мечтал, ведя к алтарю крутобедрую, ясноокую девицу? Не о том. Вот оно теперь и выходит боком. Увидел он в русой все то, чего никогда не было в Марье.

Гнедой ткнулся мордой в волосы главы, фыркнул. Тот погладил его по ноздрям, поднял голову и поцеловал.

— И отчего ты не баба обычная? Только ты меня и понимаешь… — И снова прильнул к крынке.

* * *

Аглая искоса посматривала по сторонам. Мужики глядели на них удивленно, бабы — зло. И чего главе вдруг приспичило?

Тимир сидел у стола бледнее обычного, сжав руки в кулаки.

— Идем отсюда, — шепнула Ника, отставляя миску с недоеденной кашей.

Аглая и сама видела, убираться им нужно, пока какая из охотниц не решила разобраться с девицами. Отводя взгляд, встала и направилась за Никой.

— Дверь никому не открывай, — поймал ее за руку Тимир. — Случись чего, здешние нам не подмога — чужие мы.

Говорил шепотом, низко наклоняясь к самому лицу.

— Может, вы с нами? — попросила робко Аглая.

— Моя бы воля, я бы с вами… — На лице Тимира промелькнула ирония. Но тут же угасла. — Не положено бабам с мужиками, коли не муж и жена. И так после разговора Радомира на нас косятся.

Аглая вздохнула. Ника, смотревшая на сидевших за столом, хмурилась. Не нравился ей Древ, и слова Радомира не нравились. А бабы, щурившие на них озлобленные глаза, так вообще раздражали. И снова странное чувство, будто не своими глазами она смотрит, и та, которая видит, шепчет изнутри: «Нехорошо, уходить нужно!»

«Куда уходить, в ночь?»

«Кабы и в ночь! Ты не чувствуешь? Тучи густые темные, воронье на дворе грает! Не к добру. Бросить всех и уходить!»

«Как бросить всех? Я не могу всех! А Аглая?»

«Аглая опасна!»

«Опасна?»

«Ты не видишь, но я вижу! Аглая опасна как никто!»

Ника перевела взгляд на напряженное лицо подруги. Чем она может быть опасна?

Та, что внутри, вздыхала тяжко, трепетно и, казалось, душила от нетерпения и Никиного нежелания слушать ее.

«Уходи!» — закричала так, что в голове звон пошел.

«Замолкни!»

«Уходи!»

В этот момент подошла Данка.

— Спасибо, хозяюшка, — только чтобы заглушить голос, громко заговорила Ника. Данка удивленно хлопнула темными ресницами. — Ужин вкусный, и сама ты приветливая!

Сидевшие за столом рты открыли. Надо же так перед хозяйкой постоялого двора распинаться! И голос в голове зашептал нудно, пытаясь перекричать: «Что ж ты простой прислуге чуть не в ноги кланяешься? Ты меня слушай!» — И пироги славные, и сама ты славная! — затыкала нудивший голос Ника.

На нее обернулись даже Аглая с Тимиром. У последнего недобро заблестели глаза.

— И вам добре, девоньки! — засуетилась покрасневшая от хвалы хозяйка. Кинулась за штору, вынесла чистое белье. Протянула Нике. Та поклонилась. Охотницы хмурились. Жили бы в их мире, не избежать темной за ближайшим углом. Остается надеяться, что в этом мире такое не приветствуется. Хотя кто знает, глаза — то какие злющие, так и сверкнули перед выходом. И рука одной потянулась к ножнам, но ее перехватил сидящий рядом охотник, сказал что — то тихо, и баба со злостью сунула кинжал обратно, наградив последнего презрительным оскалом.

Ника быстро отвесила поклон и торопливо направилась к выходу.

Вышли следом Аглая с Тимиром. Тихон скрылся еще до того, и Ника успела заметить его входящим во вторую хату, пристроенную к дому Данки. Поежилась от ветра, кутаясь в плащ.

— Постой! — выскочила следом хозяйка. — Нехорошее я в Радомире увидела. Коли горячка в голову стукнет, никто из сельчан не выйдет. Вы уж поосторожней будьте. — Она вздохнула. — Хорошая ты, хотя и сидит в тебе чуждое, озлобленное.

Ника распахнула глаза. Та, о ком говорила Данка, зашевелилась внутри, зашипела.

— Брось ты, брось, — замахала руками хозяйка. — Не держу на сердце зла на дела, содеянные тобой. Тш — ш — ш, никому слова не скажу, — и уже обращаясь к самой Нике: — Бабка моя ведьмой знатной была. — Данка вздохнула. — Во Времена Ухода сгинула. Кто успел, за грань ушел, а кто не успел… Так и осталась одна. По степям шла, в аулах чужих мыкалась, кто лепешки кусок даст, кто и переночевать пустит. А потом меня обоз торговцев подобрал. По всему Велимиру колесили, а когда сюда пришли, я и осталась. — Она задумчиво улыбнулась. — Добра я в жизнь свою не видела. А здешний мужичок на меня глаз положил. Страшный да горбатый, зато милостивый да ласковый. Двор — то его. И хозяйство его, — вздохнула. — Недолго вместе прожили, коротка жизнь его была. А это мне осталось.

Стукнули от ветра ставни, Данка подошла, прикрыла. Остановилась присматриваясь, послышалось тихое: топ — топ. Да никого не видно. «Видать, показалось», — решила Данка и вернулась к Нике.

— Подруга твоя уж в доме. И ты иди, прохладно, отдохнуть вам надобно. До Обители далече, а там уж как сложится, неведомо!

Ника удивленно посмотрела на Данку. Та оглянулась, поправила сползшую с плеч вязаную шаль.

— А то неведомо, куда тебя дорожка ведет. И паренек ваш темный — претемный. Сила в нем, да неподвластная. Дайте боги вам до Обители дойти. — Данка перекрестила Нику. — А озлобленную, что в тебе, не слушай. Обида в ней вековая, вот и бродит. Да ты не бойся, без силы чуждой сама все можешь решить и сделать. Не слушай мыслей сторонних, не соглашайся на уговоры темные.

Нике внезапно захотелось прижаться к Данке, уткнуться в плечо и рассказать все, что чувствует, про боль, про Стаса.

Данка покачала головой.

— Не могу помочь. Видеть — вижу. Все, что и осталось от дара бабкиного. А уж помощи… Нет во мне ни сил, ни ведовского, только глаза

видящие. — Она обняла Нику. Тепло разлилось по телу. — Молиться буду за тебя. Авось кто и услышит. Хотя та, что в тебе, уж давно могла бы всех отмолить. Да, видать, недосуже…

Она погладила Нику по растрепанному ежику волос.

— Дивная ты, — коснулась губами лба. — Ну иди.

— Спасибо тебе, Данка, — шепнула Ника и скользнула в темноту ночи.

— Иди — иди, — вслед ей покачала головой Данка и совсем тихо прошептала: — Иди своей дорогой, Верховная, оставь девочку.

В ответ ей Ника внезапно остановилась у самой двери, оглянулась, и глаза ее клубящейся тьмой сверкнули на Данку. Губы скривились в усмешке, преображая лицо, в котором теперь уж и не видно было самой Ники.

— Мое моим и будет, — сказала тихим шелестом, но Данка услышала, схватилась за сердце.

— Господи, не виновна она!

— Так и я не виновна!.. — лязгнула зубами преображенная, и взгляд ее скользнул в сторону от Данки. Она криво усмехнулась.

— И ты здесь!

Хлопнула в ладоши, и за кадкой у дома проявился растерявшийся домовой. Данка глаза выпучила.

— Вот так — так!

— Извиняюсь, — шаркнул Тихон ножкой. — Никак не хотели подслушивать, вышло — с так — с, — воровато оглянулся и бросился к домику, где остановились с Тимиром.

Громко рассмеялась заходящая в избу Ника. Данка испуганно перекрестилась. А в ночном небе раздалось звенящее карканье.

Глава 8

Аглая сидела, поджав под себя ноги. Жался к груди хорь. Зевал, широко разевая пасть. Аглая погладила его между ушей.

— Как думаешь, Радомир сюда заявится?

Ника пересекла комнатку, взяла у печи ухват, покрутила в руках и сунула Аглае.

— Меж глаз! Без разговоров.

В печи догорали дрова. Тонкая лучина в углу у божницы давала тусклый свет, трещала. Аглая скинула плащ, расстегнула ремень, бросила его на лавку и стянула с волос жгут. Хвост рассыпался по плечам.

В комнате тепло. И, наверное, было бы хорошо, если бы не тяжесть на душе. Аглая села рядом с Никой.

— Ну и попали мы. — Зевающий на подоконнике хорь поддерживающе пискнул.

— И не говори, — кивнула подруга. И тут же горестно добавила: — Хотя бы живы! В отличие от некоторых.

Аглая ухват отставила в сторону.

— Я всю дорогу думала. Ника, а может, и не было Стаса. Почудилось. Ты посмотри, какой тут мрак творится. Всяко же бывает. Стас не один ушел. С ним Рита и… Игнат. Тогда, выходит, они все… Но ты же видела только Стаса.

Ника посмотрела на подругу. Каждая за свое переживает. Аглая не видела, она надеется. Ника видела, у нее надежды нет. И плевать ей, что там с Ритой и Игнатом. Может, и они… а может, и нет. Но то, что Стас мертв, она знает точно.

— Может, и почудилось.

Далеко за высоким забором взвыли волки. Нике показалось, что это она, сердце ее взвыло, тоскливо и тяжко, надрывно напрягая связки. Гулко ударила ставня, и в окно постучали. В их окно. Ника вздрогнула, Аглая схватилась за ухват, хорь, спокойно дремавший на подоконнике, взвизгнул, спрыгнул и кинулся под лавку. Уже оттуда начал зловеще пищать.

— Черти бы тебя взяли! — выругалась Ника, всматриваясь в темень окна. Там сидел ворон, отстукивая клювом по стеклу. — Пшел отсюда.

Аглая нервно засмеялась.

— Испугал гаденыш.

Ника отшатнулась от окна.

«Уходить надо».

«Заткнись».

«По нашу душу вороны слетелись».

Ника подхватила плащ со спинки кровати.

— Выйду я, Алька, душно мне, воздухом подышу.

Аглая с сочувствием посмотрела на подругу. На то, как та дрожащей рукой открывала дверь.

— Не можем мы ей помочь, — тихо прошептала она вылезшему из — под лавки и теперь тревожно озирающемуся хорю. — Стаса она видела. И я видела.

Зверек юркнул к Аглае, влез по ноге на руку, потом на плечо и уткнулся в волосы.

— И где — то там Игнат.

* * *

Ветер не сильный, но пронизывающе холодный, пробирался под плащ. Скрипели старые деревянные жерди ворот. Страж на верхотуре зевал, иногда поглядывал на одиноко стоящую внизу девушку.

Руки мерзли, хотя было не по — осеннему тепло. Ника прятала их под плащ, но и он не грел. И тогда она всматривалась в окостенелые бледные пальцы, пытаясь вызвать то, что было в ней.

За воротами завыли волки, тоскливо, громко. Следом за ними чуть слышно взвыла Ника. От боли, от тоски.

И он все — таки появился — крохотный смерч в ладони.

«Я могу его вернуть? Ведь есть же сила. Твоя сила! Помоги!»

«Вернуть — то можно! Только сможешь ли с таким? Не человек, не нежить. Мука для него, боль для тебя».

Слезы не бежали, стояли комом в горле. Голос внутри шептал.

«Уходи! Ты сможешь дойти. Тебе не нужен никто».

Смерч крутился. Крохотный. Черный.

«Он может стать огромным, как и сила в нас».

«И тогда я смогу?..»

Тяжелый вздох.

«Никто не сможет. Но у тебя будут силы мстить».

«Кому?»

«Тому, кто сотворил это».

Судорожный выдох.

Ветер бился в закрытые ворота. Стоило только направить смерч. Крохотный черный вихрь снесет хрупкую для него преграду.

Уютно устроился на верхотуре страж, склонилась его голова на грудь.

Всего шаг отделял Нику от ворот.

Слишком громко и пронзительно вскрикнул над головой пролетающий ворон.

— Кар!

Ника испуганно сжала ладони, прикрывая смерч.

— Черти бы вас побрали, ночью кричать! — чертыхнулась Ника.

«Уходи!» — взвыло в голове.

«Заткнись!»

Позади, в деревеньке, послышался пьяный говор. Ника прислушалась. Кого там по ночам носит? Ворон сел на изгородь.

— Кар!

— Пошел отсюда, нечистый!

Ворон не улетал, смотрел на Нику блестящим в лунном свете глазом. Нехорошо так смотрел, будто предупреждал. И Ника насторожилась. Негромко, сипло заржал конь в стойле. И снова бормотание. Голос слишком тихий, едва доносимый ветром, но что — то знакомое…

— Вот же, черт старый! — вскрикнула Ника. И было бросилась к дому. Но остановилась. Черная тень, махнув крыльями, устроилась на верхушке забора, с интересом поглядывая мелкими глазами на деревеньку. И это был не ворон. Слишком крупный, и горящие в ночи желтым глаза. Он издал хрюкающий звук, следом появились еще трое. Ника вжалась в тень, бросила взгляд на стража. Тот спал так, что даже сап доносился. Крикнуть? Монстры услышат. А те тихо переговаривались. Ника готова была поклясться, что один указал на домик Данки и довольно отчетливо проговорил: «Ведьма там».

Кровь у нее в жилах застыла.

«Они за нами!»

«А то!» — злорадно ответила внутренняя Ника.

«Бежать?»

«Поздно! Одна нипочем с ними не справишься».

Ника прикрыла глаза, мысленно попыталась вызвать черный вихрь.

«Помоги!» — взмолилась голосу.

«Помогу! Только и ты… До Обители сама не дойдешь. Мне позволь!»

«А я! Как же я?»

«Дойду до Обители, выпущу! Не дойду… так у нас одна судьба на двоих».

Ника прикрыла глаза. Жуткий страшный договор.

«Обещай, что она не узнает. Слишком больно и тяжело. Она не вынесет».

«Обещаю. Ты согласна?»

«Да».

И голос выдохнул, произнося темный, пугающий разум заговор. А рука непроизвольно потянулась к тонкому кинжалу в витиеватых ножнах, висевшему на боку.

* * *

Аглая сидела у окна, глядя, как удаляется фигура Ники. Опущенные плечи подруги чуть подрагивали, она куталась в плащ, закрывала голову капюшоном.

— Плохо ей! — тихо сказала Аглая и отвернулась. — Сил нет смотреть на такую Нику.

Хорек ластился. Она потрепала его по холке и опустила на пол. Неторопливо расстелила кровать, стоящую в углу. Подумав, расправила и Нике у окна. От белья приятно пахло травами и оттого напоминало бабушкин дом. Аглая прижалась лицом к подушке и с удовольствием вдыхала успокаивающий далекий аромат. Трещала тихо лучина, тускло отсвечивала иконка в углу. Аглая поднялась. Прошла к божнице.

Перекрестилась, смотря в лицо образку. А ведь она даже не знает, кому и как молиться. Аглая всматривалась в иконку. Седовласый старец. Непонятные символы. У бабушки было много икон. Похожая была. Какие молитвы она ей читала? И читала ли? Аглая не слышала. Заговоры, те, бывало, и долетали до уха. Силу земли вычитывала, небесную силу и что — то там еще о покровительстве. Кто бы мог знать, что и Аглае это пригодится. Она вернулась к кровати, присела.

Тонко пропищал хорек, запрыгивая на колени. Она механически погладила его.

В дверь едва слышно поскреблись. Аглая вслушалась. Следом постучали. И пьяный голос, запинаясь, проворковал.

— Душ — ш — шеньк — ка м — м — моя!

Аглая бросила взгляд на отставленный у печи ухват. Быстро спрыгнула с кровати.

Дверь распахнулась от сильного удара, да так, что ее покосило. Аглая взвизгнула, рука почти схватила ухват. Но вошедший был быстрее, хоть и

раскачивался. По дому поплыл одуряющий запах браги. Крепкие руки успели схватить Аглаю и прижать к стене.

— Не б — б — бойс — ся! Я б — б — бу — ду нежным! — источал в лицо хмель Радомир, одной рукой зажимая Аглае рот, второй хватая за волосы и оттягивая их назад. Аглая против воли посмотрела в лицо главе. Он усмехался. На раскрасневшемся лице выступили капли пота. Аглая уперлась ладонями ему в грудь. Но он налегал сильнее, вжимая в стену, больнее оттягивая волосы. Губы скользнули к уху. Коснулись мочки. Рука отпустила волосы, перехватывая шею.

— Не соп — п — противляйся! Я же л — л — лучше, чем согл — л — лядатай!

Аглая перестала дышать от ужаса и чувства полной беспомощности. Он скользнул влажными губами по щеке, грубые пальцы прошлись по спине, губы впились в ее рот требовательно и больно. Язык уперся в зубы, с силой раздвигая их. И вдруг Радомир отпустил ее, внезапно вскрикнув.

Острые мелкие зубы хорька впились в руку.

— Ах ты, чернь мелкая! — Радомир рывком оторвал зверька от себя, зло швырнул в сторону. Тот ударился о стену, горестно взвыл от боли и смолк.

— Не тронь! — вскрикнула Аглая. Освобожденная на секунду, она вырвалась из — под тела налегающего Радомира и кинулась к хорю. Глава перехватил ее, притянул к себе.

— Что ж ты так н — н — н — нехорошо со мной. А ведь я не н — н — насильник. Я в жены взять готов.

Рука скользнула под рубаху.

Пальцы влажные, дрожащие, царапали кожу, двигаясь вдоль спины и вперед, к груди, с силой сжали. Аглаю бросило в жар от стыда.

Глава сильнее прижимал вторую ладонь к ее губам, не давая закричать.

— Я буду н — н — не — жным, х — х — хо — рошим мужем, — сипел хрипло.

Ладонь сжала грудь. Сильное мужское тело вжимало в стену дрожащее женское. Нога протиснулась между колен Аглаи и начала подниматься выше. — Треп — пыхайся, мне так даже больше нравится…

Рык заставил хатку содрогнуться.

— Пошел вон! — в проеме выбитой двери стоял взбешенный Тимир. За его спиной угадывалась тень Тихона.

Радомир, не отпуская Аглаю, повернул голову. На губах расплылась ухмылка.

— Что ты мне, малахольный, сделаешь? Или, может, ваш старикан

сможет меня урезонить?

Зрачки Тимира сузились, подернулись тьмой. На кончиках пальцев заиграли тени.

Радомир изменился в лице. Перевел непонимающий взгляд на Аглаю. Снова на Тимира… Икнул громко…

— Отпусти ее, — прохрипел Тимир.

Радомир отпустил. Отступил в сторону, испуганно косясь на прошмыгнувшего в хату Тихона.

— Так ты не малахольный! — провозгласил догадливо. — Сумрачный? Нет… Ведьмак? Так вроде повымерли все… — Хмель быстро отпускал. — Значит, не женихаться идете… — и смолк. Глаза округлились, когда вокруг Тимира паутиной поползли черные жгуты, окрутили, полностью скрыв фигуру, и тут же расплылись, оставив стоять на его месте огромного черного волка с глазами, в которых извивалась и плескалась тьма. Зверь хрипел, скалил длинные клыки. Аглая побледнела. Тихон бросился к ней, начал теребить за рукав сползшей с плеча рубахи.

— Аглая! Ты на него не смотри… Аглая!

Она не могла отвести глаз. У печи раздался едва слышный голосок. И только тогда она перевела взгляд. Хорь пошевелил лапками, она кинулась к нему, схватила на руки. Тихон погладил хоря по голове, тот плаксиво пискнул.

Тихон взял его из рук Аглаи.

— Я побеспокоюсь, — сказал, положив морщинистую ладонь на закатывающего глаза зверька. — И как же такой большой, — домовой покосился на Радомира, — и маленьких обижать. Розги на тебя не хватает. Со слабым — то силы да ума справиться не надобно. — Радомир покрылся бардовыми пятнами, и если бы не волк, не сводивший с него злобного взгляда, уже поквитался бы и со стариком.

— Я пойду, — промямлил тихо. Но шагу сделать не успел.

На другом конце деревни раздался вой. Радомир, со страхом отводя взгляд от преображенного, посмотрел в оконце. Тихон прижал к себе зверька. И только волк, не отрываясь, смотрел на главу.

— Аглая! — Ника вбежала в хату, остановилась, смотря на зверя. — Ты?

Тимир рыкнул. Ника тряхнула головой, некогда ей со жрецом — оборотнем говорить, кинулась к Аглае.

— Уходить нужно!

Аглая со страхом кивнула, не в состоянии отвести взгляда от окна. Там в ночной полутьме мелькали огромные тени.

— Кто это?

Ответить ей не успели.

Прямо из — за стекла в хату взглянула нечеловеческая, скорее, поросячья, покрытая шерстью морда. Тот же пятачок, только меньше, под которым видны оттянутые в усмешке губы, оголившие крупные белые клыки. Мелкие поросячьи глазки под густыми, нависшими над ними бровями пугающе сверкали желтым светом. Перепончатые крылья закрывали все окно. Существо подняло покрытую шерстью лапу, загнутым когтем провело по стеклу. Скрежещущий звук разнесся по комнате, заставив зажать уши руками.

— Ведьма здесь! — прошипела нечисть. Аглая завизжала. Радомир кинулся к ней, прикрывая телом. Вскрикнул испуганно Тихон. Зарычал взбешенный Тимир. Черный волк кинулся на главу, сбивая с ног. Прижал огромными лапами к полу.

— Или вместе, или… — просипел, задыхаясь, Радомир. — Вместе хоть какой — то шанс есть!

Волк тряхнул головой. В черных глазах металась ненависть.

— Он прав, — положил руку на плечо волку домовой. — Любая сила нужна, если это…

— Соглядатаи! Богов всех в кучу, бесы! — хрипел Радомир. — Радуйтесь, девоньки, за них вас женихаться старик отправил!

Аглая и Ника разом переглянулись. Бесы! Про бесов им никто не говорил. Мавки, нежить, оборотни! Но бесы!

Тимир низко опустил волчью голову. Клыки сверкнули рядом с лицом главы.

— Отпусти! — тихо прошелестел Тихон. — Не бери грех на душу. Хватит еще на твой век.

Хлопнули крылья заоконного монстра.

«Здесь! Здесь!» — понесся визг по деревне.

— Без моего приказа ни один охотник лука не поднимет против беса. А в деревне и подавно подмогу вам не найти!

Лапы зверя отпустили главу, Тимир рыкнул и кинулся на улицу. Глава тоже не медлил, вскочил.

— Уводи их! — крикнул Тихону, а сам выскочил следом за волком.

— В оружие! — грянул его голос на улице. И почти тут же из хат выскочили охотницы. Будто только и ждали приказа. Свистнули, пронзая воздух, стрелы. Вскрик, огромная туша рухнула рядом с колодцем, вскочила, обламывая впившиеся в крылья стрелы, издала пронзительный рык и кинулась на охотников, поджидающих тварь наизготове. И была

отброшена лапой оборотня, располосовавшей тушу от горла до бедра. Тварь взвыла. Отпрянула.

— Жрец! — успела рявкнуть и рухнула на землю.

Воздух огласил визг соглядатаев, смешанный с диким карканьем испуганных воронов. К хатам у колодца рванула переваливающаяся через ворота стая бесов.

С лязгом ударили клинки. Звоном запела тетива.

Ника схватила одной рукой Аглаю, второй Тихона и кинулась из хаты. Не успела. На порог тяжело опустился бес. Губы дрогнули в жуткой ухмылке.

— Торопишься, ведьма?

Как витиеватая ручка оказалась в руках Ники, ни тогда, ни после вспомнить никто так и не смог.

Крохотный черный вихрь в руках, издающий слабый звон клинок. Она слышала его, словно он был живой, трепетал в ножнах, пульсировал. И слова заговора, сказанные у ворот, повторялись ее губами.

— Аглая! — Рукоять кинжала легла в ее ладонь. — Он силен в твоих руках, — наспех шепнула Ника, и цвет глаз ее стремительно изменился, вспыхнув неестественной зеленью. Удивиться Аглая не успела.

Бес ринулся на девушек.

Аглая больше ничего не понимала. Рука сама взметнулась, тонкое лезвие вошло по самую рукоятку в тушу соглядатая. Серебристым вспыхнул витиеватый узор. Ударила короткая вспышка, бес завизжал и рассыпался в прах. Ника подскочила, вытащила из пепла кинжал. Глянула на Аглаю взглядом, так не похожим на Никин. Да и лицо ее преобразилось, став чрезмерно худым, чужим.

— Я не ошиблась в тебе.

Выскочила на улицу. Аглая кинулась следом, налетела на стоящего в паре шагов от дверей Тихона. Не удержалась и рухнула на землю, успев увидеть, как с неба к ним спускаются двое бесов.

— Берегись!

Тяжелая сковорода откинула одного соглядатая от Аглаи. Та вскочила на ноги.

Данка, тяжело дыша, стояла рядом, приноравливая кухонную утварь в руке. Второй бес взвизгнул, взмыл вверх и тут же опустился со спины. Зло сверкнули желтые глаза, чешуйчатое крыло ударило Данку, откидывая в сторону. Ника взревела и швырнула в беса кинжал. Тот прошел сквозь второе крыло. Но бес не осыпался прахом, а зашипел. Развернулся к Нике. И тогда со спины на него кинулся Тихон. Ворча и пиная, он повис на шее

монстра. Тот замахал когтистыми лапами. Аглая кинулась на него, дубася кулаками. Мелькнул черный волчий бок. Тимир тихо, без рычания кинулся на монстра, свистнула тонкая стрела, пробивая толстую шкуру. Бес взвыл, накреняясь набок. Успел взмахнуть когтистой лапой, распоров отшатывающейся от него Аглае лицо. Та вскрикнула от боли.

А рядом уже опускались еще трое бесов. Тихон выругался, кинулся к Аглае. Совсем рядом звенела сталь. Грозный клик Радомира и вскрики охотниц, вместе со своими мужчинами насмерть бившимися с соглядатаями. Ника медленно отступала к дому, прижатая бесом.

Тимир, рыча и беснуясь, рвал очередного беса. Тихон прижимал к себе безвольного хорька и что — то шептал, озираясь по сторонам.

— Вот теперь точно только молиться! — раздался рядом голос Данки.

«Молиться?» — Аглая судорожно попыталась вспомнить хоть одну молитву.

Рыкнул, заметив ее, соглядатай. Тимир скосил глаза. Попытался вырваться из хватки другого беса. И почти в тот же момент крикнул громко Радомир:

— Эй, чешуйчатая, что, только с девками биться могешь? А ну — ка, с нормальным мужиком попробуй! — И ударил мечом, рассекая стылый ночной воздух. Монстр рыкнул, обернулся на главу, усмехнулся:

— Да будет тебе с кем силой меряться.

А позади Радомира и правда плавно опускались трое бесов. Соглядатай повернулся к Аглае.

— А это что у нас? Молиться вздумала? Это хорошо, это правильно. Помолись перед смертью!

Аглая уже никого не видела, только жуткую морду соглядатая.

— Господи… — «А далее?» Она всхлипнула. Вытерла лицо рукой, на ладони остался кровавый след. Совсем рядом вскрикнул от боли Тимир. Раздался хруст костей, и взвыла от смертельной боли Ника.

— Святые небесные, услышьте!.. — Голос подруги надрывом разнесся над Древом, и горлом ее пошла кровь.

Бес глумливо заржал. Аглая сглотнула слезы, прощаясь с жизнью. Теплые багровые капли стекали по лицу, капали на землю.

— Силы небесные, силы земли и всего сущего, не оставьте… — продолжила начатое Никой. И как будто ощутила, как от лежавшей на земле умирающей Ники потекла к ней сила. Серебристыми нитями. Проникла в тело, затянула оставленную нечистым кровоточвщую рану на лице.

Морда беса изменилась, поплыла во взоре Аглаи. И мир тут же замер,

перестал существовать. Ярким солнечным светом вспыхнуло вокруг. Серебристыми переливами заиграли крыши деревни. Дикий вой бесов разлился по округе. Аглая его не слышала. В груди разлилось давнее, забытое, теплое чувство. И голос бабушки, доносимый издалека:

— Жрецы богам молятся, те их слышат, я же только слово знаю. Вот помолится жрец, и будет урожай, я же только просить могу у мира вокруг, у природы.

Вставай, голубушка, поднимайся. Утро пришло, солнышко!

Аля, вставай! Услышали боги жреца, тебя природа услышала! Принял тебя мир здешний! Сплелись силы! Вставай, поднимайся, солнышко ясное! — Но ноги не слушаются. Свет сжигает все вокруг, весь мир, то, что было и будет. Так хорошо в нем, хорошо и спокойно. Вот, значит, что такое смерть! — Поднимайся, голубонька моя!

— Мне хорошо, бабуля, я не хочу вставать.

— Аглая!

Звон в ушах, разбивающий солнечный свет на миллион осколков.

— Аглая! — Тихон тряс ее за плечи, стирая с морщинистого лица слезы. — Вставай, Аглая!

Она проморгалась.

— Где все?

Тихон махнул рукой. Шмыгнул носом, прижимая к себе хорька.

— Вставай, — протянула ей руку Данка. — Уходить вам пора.

— Куда уходить? Что произошло?

Тихон бросил вопросительный взгляд на Данку, та вздохнула.

— Сила выплеснулась…

— Тимир!

Данка покачала головой.

— Ты! Дар в тебе. Жаль, не переданный.

Аглая, не понимая, смотрела на Данку.

— Нет времени объяснять… — она не договорила.

— Жива? — Радомир отстранил Данку, упал на колени перед Аглаей. Провел по ее лицу окровавленной рукой. — Прости!

Тихон было схватил его руку. Но тот отстранил старика.

— Не обижу.

Взял Аглаю на руки и понес к спешно собирающемуся обозу, положил на теплые шкуры.

— Селяне очухаются, разбираться не будут. С нашим приходом бесы явились… Они бы просто отдали нас… а теперь…

— А Ника, Тимир, где они?

Радомир бросил на Аглаю сочувственный взгляд и, опустив голову, отступил.

Аглая попробовала приподняться и не смогла, спину ломило. В голове стоял гул.

— Ника, — сипящим голосом позвала Аглая, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Ответом стал тяжелый вздох Тихона, усевшегося в ее ногах.

Глава 9

Сквозь сумрачное небо не пробивалось солнце. Тяжело била о камни колесами телега. Столь же смурые охотницы ехали рядом с обозом, понурив головы. Марья не смотрела на Аглаю, но той и не нужно было видеть ее лица. Один из охотников лежал в соседнем обозе, уже никогда он не увидит света. Там же рядом с погибшим лежал Тимир, бился в горячке, до Аглаи долетали стоны и вскрики. Радомир подъехал всего раз, кивнул охотнице, сидящей рядом с Аглаей, та покачала головой. Глава понукнул гнедого и отъехал в начало процессии. Марья проводила его тяжелым взглядом, но догонять не стала.

Аглая смотрела в лицо лежавшей рядом Ники. Бледное, безжизненное лицо. Ника все еще сжимала в руках тонкий кинжал. Жуткий оскал запечатлелся на ее лице. Аглая не плакала. Не могла. Осторожно вытащила из рук подруги кинжал, прижала его к груди.

— Не жиличка, — прошептала Тихону одна из охотниц. И от этих слов Аглае захотелось выть, но ком в горле не позволял.

— Должна выжить, — шептала она в лицо Ники. — Ты должна выжить, — гладила по слипшемуся от крови ежику волос.

Хорек жалобно тыкался в колени Аглаи.

— Пойду я Тимира посмотрю, — шепнул Тихон, спрыгнул с телеги и посеменил к другому обозу.

— Не довезем до Нугора! — не сдержалась Марья, подъехавшая к обозу.

Аглая бросила на охотницу злой взгляд.

— Обязательно довезем. Она сильная. А там знахари есть, ее вылечат!

— Ты и сама дар имеешь, — отпарировала та. — Вон силы — то сколь выплеснула, все бесы испарились, будто и не было, так чего ж не вылечишь?

Аглая отвернулась. Если бы только Марья знала, как неистово молча молилась она всю оставшуюся ночь. Как пыталась вспомнить хоть что — то из бабушкиных заговоров. Или почувствовать то светлое, теплое, что струилось через нее в Древе. Как заливала студеной водой последние оставшиеся от Талы травы и вливала в холодные губы Ники. И вспоминался прощальный завет Данки: «Верь, в тебе сила…»

Она верила и молилась. Но, видимо, не права была добрая хозяйка.

— Нет в ней знаний. Сила есть, а знаний нет, — вставил вернувшийся

Тихон, залезая в обоз. — Да и не каждый знающий тут возьмется. Ишь, как порвали. — Он коснулся тяжело вздымающейся окровавленной груди Ники. Та вдруг судорожно выдохнула и открыла глаза.

— Где Тимир?

— В соседней телеге! — Аглая схватила руку Ники, начала тереть, дыша на холодные пальцы. Тихон охнул. Аглая скинула с себя плащ, подсунула под голову Ники, та попыталась благодарно улыбнуться, но лицо тут же исказила мучительная гримаса.

— Жив?

Аглая отвела взгляд.

— Да… пока…

— Алька, ты его до Обители доведи! Именно ты… Без тебя ему никак… — горячо зашептала Ника и выгнулась от боли.

— Что ты говоришь? — Слезы наползли на глаза. — При чем здесь Тимир? Ты должна поправиться! Будет он жрецом или нет, мне все равно!

— Алька, ты мне обещай! Тимира доведи! Он обязательно должен…

Аглая уронила голову на плечо Нике.

— Ты не плачь. Все будет хорошо со мной, с тобой. Мы домой вернемся… Главное, Тимира … — не договорив, смолкла. Глаза подернула пелена. Аглая вцепилась в руку Ники.

— Не надрывайся так, — тихо шепнул Тихон. — В горячке она. Ни ты, ни я помочь не можем… — Он внимательно смотрел в лицо умирающей. — И никто уж не может…

Аглая уткнулась в хоря. Затряслись от безмолвного плача плечи. Зверек жалобно запищал. Тихон ссутулился и сидел, перебирая пальцами остриженную бороду, искоса поглядывая на Нику, и тяжело вздыхал.

«Не послушалась Данку. Испугалась. Ох ты ж, девочка. Вот оно как обернулось».

* * *

Порывшись в суме и не найдя ничего съестного, Аглая выпила остатки воды из фляжки и прикрыла глаза. Ника больше не приходила в себя. Тихон метался от нее к Тимиру. В конце концов, устав, наказал одной из охотниц протирать парня влажной холстиной, сел рядом с Аглаей.

— Ешь, иначе как женихаться будешь! — бросила к ногам полбуханки Марья. — Женишок — то уж извелся! Ты бы пришла, приголубила.

— Да коли бы ты сама почаще привечала, может, и женихаться бы не

полез! — не выдержав, бросила в лицо охотницы Аглая. Та покрылась пятнами, прикусила губу, хлестанула коня и ускакала вперед процессии. Вслед ей послышался смешок оставшейся у обоза охотницы. Мужики удивленно посмотрели, покрутили у виска и продолжили тихий разговор.

— Понеслась, шельма. — Тихон разломил хлеб, протянул Аглае. — Поешь, и правда вся осунулась.

Аглая взяла хлеб, отломила кусочек, сунула под нос хорю. Тот возмущенно пискнул, поморщился и спрыгнул с телеги.

— Этот голодом не останется, — кивнул вослед Тихон, протягивая Аглае фляжку с водой. Она сделал глоток, поперхнулась.

— Эт ты вся в думах! — постучал ее по спине Тихон.

— Не могу я не думать. Как же это получается? Там была сила. Я ведь чувствовала, как свет поднимается, как дар растет… А теперь? Ничего нет.

— То не дар. А выплеск силы. Да только им излечить нельзя. Тут знания нужны, какой заговор сказать, откуда дар черпать, да как его оборачивать. Где к свету повернуться, а где тьме поклониться. О том ты ничего не знаешь. Вот и не можешь ты подругу свою излечить да от мучений избавить.

— Бабушка знала заговоры… Почему мне не передала знаний своих?

— Может, берегла, — пожал плечами домовой. — А может, случая не выдалось… А оно вишь, как обернулось. И нужно бы, а нет теперь… А сила, что сила? Она на твою защиту встала…

— А если я хочу знать!

Тихон забрал из рук Аглаи флягу, закрутил крышку.

— Можно и знать…

Аглая вся собралась, уставившись на старика.

— Вот только нужно ли? Это же не игрушка. Ты Нику исцелишь, на ноги поднимешь, а далее? Тебе с даром и знаниями теми жить. Нужно ли?

— Нужно!

Телега подпрыгнула на ухабе, подкинув Аглаю, она ухватилась за край, но пристального взгляда от Тихона не отвела. Он вздохнул.

— Светлая ты душой и сила светлая, а вот дар пробивается нечистый. Будто намешал кто. А может, так сложится, что выбирать придется… И выбирать не для себя.

Аглая вцепилась в руку Тихона.

— Скажи, как, а там сама решу!

— Есть в Велимире Храм ведьм. Место странное, открытое только для ведьм. Слышал, хранит он все истории каждой ведьмы всех миров. Никто, кроме одаренных, попасть в сие место не может. Так вот, если дар в тебе

ведовской, то в Храме том можешь получить то, что по роду завещано, да не получено.

— Храм ведьм! — зачарованно прошептала Аглая и тут же спохватилась. — А если дар не ведовской? Бабушка знахаркой была… Не видела я, чтобы она черные заговоры творила или горести людям приносила.

Тихон поежился.

— Если не ведовской, то и не попадешь. Не дано… Не пустят. Место — то к чужим неприветливое…

От напряженного голоса Тихона стало зябко. Аглая вцепилась в руку домового.

— Кто не пустит? Что за место такое? Что там?

— Схрон, — подсказала внимательно слушавшая их охотница. Конь от резкого голоса дернул уздцы и испугано захрипел. Она похлопала его по шее, успокаивая. Тихон цыкнул на охотницу. Та только усмехнулась. — Пусть знает, коли хочет. Простой люд в те местности нипочем не пойдет.

— Кладбище?

— Оно самое. Во Времена Ухода, когда исчезли все ведьмы, некуда было цветок положить, некому было дань отдать. Вот и отправились души маетные туда, откуда истоки пошли. К Храму. Местный люд, что поблизости проживал, думал задобрить умерших, начавших по селеньям скитаться. Могилы соорудили, кресты поставили. Да куда там! Поселения с тех мест снялись. А могилы пустые так и остались…

— А где же тела?

— Так нет их. Поговаривают, кто из ведьм успел, те за грань ушли. Сама Верховная жрица по пятам за ними шла, проклятие за собой неся. Кто не успел, где их проклятие нагоняло, там и оставались лежать… А кто, где — одним богам известно. Так и вышло, что неприкаянные, неуспокоенные, вот они и ходят вокруг Храма, — продолжила охотница. — Наши охотники в те земли забредали. Говорят, сами видели, что неспокойное место, проклятое, там не то что ночью, днем вой мертвых слышно.

Аглая поежилась. Охотница улыбнулась.

— Но наших мужиков слушать только. Они ж на мертвых как бабы пугливые. Но места там жуткие, и хоть зверья заповедного полно, а наши туда не суются. Было дело, отправились четверо, хорошие охотники, сызмальства лук да меч в руках держали. — Она помолчала. — Один только вернулся, еле откачали. — Посмотрела в сторону главы, тяжело вздохнула.

Тихон погладил бороду.

— Недаром со Времен Ухода места те обходят стороной.

— И то верно. Но ведь как оно пошло, со Времен Ухода и нет желающих силу ведовскую получить! — глухо прошептала охотница. — Кому хочется в темницах у Китара гнить.

— Да брось ты! — встрял Тихон. — Оно и некому идти! Кого в темницы — то?..

Аглая не слушала домового, вся устремившись к охотнице.

— В темницах?

— А то ж? — ехидная ухмылка скользнула по лицу охотницы.

— Все в Велимире ведают: со Времен Ухода ищет правитель ведьм. Бывало, появится на поселке знахарка, так соглядатаев сбежится… — Женщина покачала головой. — Посуетятся, повынюхивают и пропадут. В знахарях — то силы, почитай, никакой: кто травкой лечит, кто зверем оборачивается. Силы их даже для обычного наговора не хватит. Их и жрица не тронула проклятием. И Китару они без надобности. А ищет он именно ведовской силой одаренных. А откуда тем взяться? Кто ушел, а кто не успел, скитается душой неприкаянной… А ежели кто и появится, так будет бежать куда подальше.

— Зачем Китару ведьмы? — Аглая вопросительно посмотрела на охотницу.

— А то невидаль. Ненавидит он всех ведьм! За предательство Верховной! — и глаза ее нехорошо сверкнули на Аглаю. — Предала она его, к другому ушла, вот он и намерен уничтожать весь их род под корень.

— Да не глупи! — вспыхнул Тихон. — Сколько уж лет с того прошло! Давно и позабылась история, быльем поросла…

Охотница сощурила глаза.

— Отчего ж тогда соглядатаи на Древ напали? Уж не за вашей ли ведьмочкой пришли? — Кивнула на Аглаю, пришпорила коня и отъехала ко второй охотнице.

— Разве ж я ведьма? — Аглая вопросительно посмотрела на Тихона. Тот отвел взор.

— Тихон. — По телу прошел озноб. — Скажи, во мне ведовской дар?

Тихон не ответил. Ника внезапно выгнулась дугой и издала дикий, полный смертной боли вой.

*** * ***

Тимира трясло. Не просто трясло, а лихорадило. Все тело то сводило

судорогой, то вытягивало так, что казалось, сейчас лопнут напряженные мышцы. Иногда его касалась морщинистая рука Тихона, вытирала выступивший на лбу пот, и тогда становилось легче. Домовой подсаживался ближе, рассказывал байки. Прибегал проведывать хорь. Устраивался над головой, тяжко, почти по — человечески, вздыхал. Его хотелось убить. Задушить собственными руками. Хорь смотрел участливо. Лапой лоб трогал. Оторвать лапу, чтобы не тянул к лицу. Однако, когда теплая зверушка прижималась холодным мокрым носом к щеке, становилось легче. Тимир переводил взгляд к соседнему обозу. Там, покачиваясь, сидела Аглая. Вся посеревшая от горя, в потемневших глазах невыплаканные слезы. Стройная беззащитная фигурка. А сколько света она излила в Древе. Свет так и тянет к себе. Манит. От ее вида разгоряченное тьмой сердце Тимира остывает. Но свет ее гаснет, тухнет под тяжестью горя. Тимиру хотелось что — то сказать, прижать к себе и успокоить. И станет легче не только ей, но и ему.

Свет.

Как же не хватает ему света! Он невесело усмехнулся.

— Худо тебе совсем, — голос Ники сочувственный.

Тимир покосился, усмехнулся через силу.

— Да ты тоже не бодрячком выглядишь.

— Душно, — прошептала Ника.

Улыбка сползла с лица Тимира. Он глянул, рядом, кроме него и Ники, никого. Хорь сбежал к Аглае. И Тихон ушел. Марья рядом с Радомиром, по красному лицу главы видно — разговор нехороший. Охотницы неподалеку прислушиваются. Все им интересно, а уж личная жизнь главы… Не повод ли для досужих сплетен.

А Ника — вот она, рядом, слишком бледная. Идет, едва касаясь ногами тропы. Прикоснулась ладонью к его лбу, откидывая его разметавшиеся спутанные волосы. Плетет их в косу.

Холод ее руки пробежал по венам, заставил сердце биться сильнее.

— Верховная?

Тимир бросил взгляд на соседний обоз. Позвать? Сказать? И снова посмотрел на Нику.

— Верховная, — подтвердила та.

— Не избавиться.

— А был ли выбор?

— Ты сама пустила.

— Она обещала.

— Ты веришь?

— Потому я здесь. Защити Аглаю.

— Не могу. — Тимир лежал, вцепившись руками в подстилку не веря разговору. Всяко ожидал, но то, что так… — Кто я против нее?

— Сможешь, если станешь жрецом, — уточнила Ника.

— Не позволит, — бледными губами прошептал Тимир.

Она смотрела на него. Тимир отворачивался. Нельзя в лицо смотреть. Ей нельзя. Не сейчас. Мощи у него нет противостоять. И откуда только силы такие. Ведь едва жива лежит, а вот же стоит… И как может? Это ведь не она силы давала, а ей!

Он все — таки взглянул. И тут же задохнулся. Не живая.

Живая та, что на повозке, укрываемая Аглаей. А здесь… навья. Черная, с белыми зрачками глаз. На ступени между жизнью и смертью. Что она видит на грани? Будущее? Прошлое? Все, что видит настоящая тьма. И хозяйкой ей может быть только истинная по предназначению ведьма. Темная, сильная, сливающаяся воедино с самой той тьмой.

По коже прошли ледяные мурашки.

Ника смотрит на него, будто прожигая. Видит? Видит.

Но понимает ли, кто она, кем была при жизни? Нет.

— Что ты видишь? — пальцы мнут подстилку, холодеют, взгляд не в силах оторваться от смертного лика.

— Многое… Разве можно начертанное говорить. Негоже…

— Скажи!

— Знать истину право имеет лишь тот, кто в смерть идет добровольно. Или от предназначения отказывается. Ты хочешь знать?

— Нет. — Тимир пытался отвернуться, все еще смотря на нее, чувствуя, как откидывается голова и дыхание становится прерывистым.

— Я дойду до Обители, — слабея с каждым словом. — Я сделаю все…

Она улыбнулась.

Затряслась от судорог соседняя телега. И Тимир точно знал, что на ней начала биться в агонии та, что еще минуту назад была Никой.

Голос Аглаи донесся далеко и затянул в плаче:

— Ника — а!

Остановились обозы, пронесся мимо Радомир на хрипящем гнедом, а следом за ним, понукая коня, раскрасневшаяся, с воспаленными глазами Марья.

И тут же тоскливый и полный горести вой разнесся над дорогой.

* * *

Аглая гладила руку Ники и, не в состоянии сдержать слез, шептала успокоительные слова.

Слезы лились на лицо подруги. Ника распахнула глаза. Не ее, а пронзительно — синие, с темными прожилками. Глянула на Аглаю жалобно. И веки закрылись. Тело выгнулось, прошла по нему судорога. Лицо стремительно побледнело.

— Помирает! — выдохнула подъехавшая Марья. Спрыгнула с коня. Схватила выгибающуюся в агонии девушку за руки.

— Чего стоим? Снимайте ее, всю повозку разнесет!

Тело Ники выгнулось, послышалось, как затрещали ребра. И она тут же рухнула назад, затряслась. Мужские руки подхватили, кто — то из охотниц успел выложить на землю холстину. Радомир держал за плечи вырывающуюся, голосящую Аглаю. Марья бросила на них усталый, полный разочарования и боли взгляд и опустилась над бьющейся в предсмертной агонии девушкой.

— Ника — а! — в голос завыла Аглая. Та распахнула глаза, на секунду ставшие глубокими карими, Никиными. По щеке стекла одинокая слеза. Ника содрогнулась, устремив невидящий взгляд в серое небо, и замерла. А небо в ответ грохотнуло, разряжаясь по всему горизонту огненным всполохом зарницы.

Глава 10

Рассветные лучи, розовые с красным, скользили по редким пегим облакам. И только на горизонте, в черной полосе уходящей грозы еще полыхали молнии. В приоткрытое окно дворца Нугора доносились окрики ранних торговцев и зычные голоса стражей:

— Лицо покажи! В телеге чего?

— Как чего? Товар! Ярмарка нынче! — зло бурчали торговцы.

Никогда ранее в Нугоре не проводились поголовные допросы, обыски, не останавливали купцов прямо на улице. Изменились времена. Сам Нугор за последнюю неделю изменился, простой люд старался носа из дома не показывать. Купцы злились, совсем не шла торговля. А ведь многие приехали издалека. Почитай, весь торговый север Велимира собрался. Завтра открытие ярмарки, то ли еще будет! Карах сидел на ступени рядом с троном. Нервно сжимал в руках корону, былой символ власти. Вот только ли власти? Горожане от каждого шарахаются. Купцы смотрят недобро. А чего им радоваться? Полный город соглядатаев. И отменить ярмарку он не может. Люд ехал, ждал, столько надежд положил. А здесь? Досмотры, подозрения. Смотрит на бесчинство соглядатаев Карах, а сделать ничего не может. На люди глаза показать стыдно, вроде и правитель Нугора, а слово молвить не в силах. Да и как? Кому? Темному жрецу Китару? Только если совсем уж неумный, и на народ наплевать, и на себя. За ночь сотрут с лица земли Велимировской. Был Нугор, и не станет.

А на столе бумага лежит с редкой печатью красной да с черным вензелем…

Карах расстегнул верхнюю пуговицу рубахи. Душно, хоть и утро раннее, прохладой послегрозовой тянет, а дышать нечем. Знает он этот вензель. Стоит ослушаться, как тот оживет, потянется, лапы растопырит… Ох, не вовремя… Не раньше, не позже. Подождал бы недельку Китар, там и ярмарка бы закончилась. А народ, он чего… Поди объясни ему, если и сам не знаешь, кого ищут и за что им такие печали. Народ ропщет, в сторону двора косится. Да и где видано, чтобы в самом граде Нугоре соглядатаи, как у себя в Хладе, рыскали. А правитель молчит, во дворце отсиживается. А что он сделать может? Вон указ с вензелем злополучным на столе лежит. Кроваво переливается, тьмой отсвечивает. А то как же, на крови да черной магии сотворен. Под ним Карах, как под оковами пудовыми, ни шага сделать, ни слова сказать. Только во дворце

отсиживаться и остается. Он снова вздохнул, отставил корону на ступень. Для чего она такому правителю?

В дверь легонько поскреблись.

— Да входи уж…

Тонкая тень советника в длинном плаще, скрывающем фигуру, скользнула и застыла посреди залы.

— Негоже правителю… — начала вкрадчиво.

— Да брось ты, какой я правитель. Глянь вокруг, правитель народ свой защищать должен, а я сижу, слюни пускаю. На большее не способен. Стража — и та на глаза не попадается, каждое указание соглядатаев выполняет.

Советник пересек залу, присел рядом, опустил голову на плечо правителю. Тот чуть улыбнулся, стянул с головы советника капюшон. Золотистые волосы рассыпались по плечам. Запустил в них руку.

— Одна ты у меня отрада, Нейла. Ни ближе, ни родней.

— Уедем, правитель. — Голос нежный, переживающий.

— Народ бросим?

— А ты нужен этому народу?

— Сам свой путь выбирал, самому ношу и нести.

Нейла прижалась сильнее. Глаза ясные, синие, что небо, смотрели с болью и сочувствием.

— Страшно мне, Карах, — запустила пальцы в жесткие темные волосы, кое — где уж посеребренные.

— Так ты баба, вот и страшно, — проговорил слова хоть и грубые, но с нежностью.

Она убрала руку. Резко выпрямилась.

— Не баба, советник. — Нахмурилась.

Он тихо рассмеялся.

— Ну, советник ты — во — вторых, а во — первых, баба, хоть и красивая…

Она поджала полные губы, синие глаза стали пасмурными.

— Приказы будут? — спросила холодно. А лицо напряженное, обиженное.

— Будут, — кивнул он поднимаясь. — Только сначала… — улыбнулся, приблизившись. Рука властно скользнула под плащ, прошлась по тонкой кольчуге, выкованной специально для нее. Давно выкованной последним ведовским кузнецом, оставленной ей по наследству от бабки. Знатная воительница была. И кольчуга хорошая, спасала не раз. Не просто от стрел да мечей защищая, но и от порчи черной, и от много чего темного.

Карах развязал плащ. Кольчуга снималась долго и звякнула, опадая на пол.

— Обязательно носить ее? Все пальцы изранил, пока снимал.

Нейла вывернулась в руках.

— Обязательно, особенно сейчас, — приглушенно.

Карах торопливо развязывал тесемки грубой рубахи, чувствуя, как горячие руки Нейлы скользят по телу, стягивают с него одежду.

— Торопишься, правитель. — Она едва касалась губами хорошо сложенного тела.

— Я долго тебя ждал, — рыкнул он, подхватил Нейлу на руки, уложил на сброшенную тут же рубаху. Обнаженная она вытянулась на одежде. Улыбнулась, заметив восхищение в его глазах. Карах опустился сверху. Коснулся губами разгоряченной кожи. Волна желания прошла по телу, когда ладонь скользнула между ее бедер. Нейла глубоко выдохнула, прикрыла глаза, расслабляясь в его руках. Тонкая, словно лоза, белокожая, ее руки ярко выделялись на смуглой коже Караха.

Как же хорошо с ней, заволакивает, затягивает волной по позвоночнику, по задрожавшим от страсти рукам. Бьет пульсацией ниже живота.

— Карах! — она выгнулась в его руках. Он ответил тихим утробным рыком. Судорога истомы прошла по телу. Нейла придушенно вскрикнула, тонкие пальцы впились в его спину, сжимая кожу в такт его ударам. Голова запрокинулась.

— Нейла!

*** * ***

Когда солнечный свет озарил центральную залу, Карах неторопливо натягивал рубаху. Нейла с нежностью смотрела на правителя, распластавшись на холодном полу. Он подпоясался, подобрал корону, но на голову так и не водрузил, отставил на стол. С удовольствием посмотрел на обнаженную женщину. Прекрасна. Головокружительна.

Нейла потянулась, упиваясь восторгом в глазах правителя. Повела округлыми бедрами. Нарочито медленно поднялась, подбирая одежду, и начала нехотя одеваться.

— Помоги, — собрала волосы в пучок.

Ловкие пальцы правителя затянули кольчугу и снова скользнули по шее. Нейла вывернулась в руках Караха, чмокнула в нос.

— Никуда бы не отпускал, — признался он.

Она коснулась кончиками пальцев его лица и отстранилась. Прошла к окну, замерла, глядя в синее лазурное небо. Далеко ушли грозовые тучи, осталась лишь тонкая полоса черни вдалеке. Карах смотрел на Нейлу напряженно и сосредоточенно.

— Так чем обязан посещению, советник? — выдохнул наконец.

Она ответила, не отводя взгляда от небосвода. Далеко за стеной высились исполины деревьев, густые темные кроны почти закрывали горизонт.

— Я знаю, кого ищут соглядатаи Китара, — помолчала и с довольствием добавила: — Ведьму. И знаю, где она.

— Так чего молчала? — взвился правитель. — Посылай стражей к начальнику соглядатаев!

Нейла повернулась вполоборота. Улыбнулась.

— Не спеши, правитель. Зачем мы будем отдавать ее соглядатаям? Сам посуди… — Она оглянулась. Прошла к Караху и посмотрела в глаза. — Ежели мы сами жрецу ее доставим, можно и свободу на веки вечные получить! Нугор станет настоящей столицей северного Велимира!

Карах покосился на лежащий на столе указ с печатью. Вензель извивался, темнел, изливался кровавыми разводами. Что произойдет, если Китар узнает, что тот, кого он ищет, был у них, но его не доставили? Карах сглотнул. Даже думать о своей участи не хотелось. Страшно. Но Нейла права, если они сами доставят искомое, можно будет и поторговаться. Караху не нужно правление. Ему нужна Нейла. Свободная от обязательств перед жрецом, перед Нугором. Его Нейла.

— И то верно, — через силу улыбнулся Карах. — Собери доверенных, кто еще остался.

— Зачем торопиться? — мурлыкнула Нейла, прижалась к правителю и скользнула языком по его шее. Он оттолкнул ее.

— Советница!

Она усмехнулась.

— Поняла. — Тонкая саркастическая улыбка скользнула по лицу. Подняла с пола ножны, застегнула на поясе и, покачивая бедрами, вышла из залы.

Глава 11

Обоз пришел поздно ночью, город спал. Хмурый стражник проводил въезжающих недобрым взглядом и долго всматривался в лица. Радомир нервничал. Не первый раз приехали, но так их еще не встречали.

Долго изучал страж и привезенные товары, то и дело косясь на охотников и неприветливых путников, сидящих в обозах. Остановился у телеги с девчонками. Всмотрелся сначала в лицо Аглаи, потом Ники. Та куталась в плащ.

Наконец страж кивнул, и будто даже радость на лице отразилась.

— Добро. Только гостиницы все заняты. В «Дымном» у Сезима остановитесь.

Радомир нахмурился.

— Чего это у Сезима? Никогда добротой к купцам не славился. Да и местечко…

Слишком близко к фабричной зоне Нугора, весь дым и смрад, пьянь и дешевые кабаки. Отчего и название у гостиницы подобающее — «Дымное».

— Так нет других свободных, припозднились вы, глава Радомир! — развел руками страж, сощурился довольно, а сам все по сторонам посматривал. Нехорошо так посматривал, отчего у Радомира сразу неспокойно на душе стало. Но спорить не стал. Путники устали, охотники едва в седлах держались, да и сам он одним духом на ногах стоял. После того как пришлось целый день пробыть в лесу, всем муторно было. А все эти девчонки. Не раз уже покрыл себя последними словами глава. Но отказать не мог. Взялся довезти до Нугора, будь добр, держи слово. А тут еще и похоть взыгралась, не мог он Аглаю оставить. Марья смотрела косо и гневливо. Оно и понятно… Ко всему в девке ведовское проявилось. Да какое! Сколько жил, а такого не видал. Ведь помирала. Он сам лично видел, как кости плоть рвали, выворачиваясь в тонком женском теле. Охотницы втроем сдержать не могли, так ее корежило. Кричала, как она кричала! Не слышать бы, но до сих пор крик тот в ушах стоит. А потом встала. Тут уж чуть глава седым не стал. Ведьма, как есть! Волосы ежиком стоят, глаза темной синью налиты. А сама словно и неживая. Вскрикнула и снова упала. Мужики только и успели ее в телегу положить. Кони дыбом встали. И к обозу потянулась нежить. И откуда столько вышло? Радомир собою Аглаю прикрыл, Марья, и та креститься начала, а старик под полы его

плаща забился вместе с пищащим от ужаса хорем.

Спасибо малахольному. Поднялся. Одно слово — жрец. И хоть сила неподвластная, а спасение только благодаря ему и вышло. Тьма за ним потянулась, деревья, что ближе, черными стали, трава пожухла, кони шарахнулись, оглашая округу диким ржанием. Всегда смелые охотницы визжали как бабы обычные. А мужики стояли в ряд, со лбов пот ручьем, глаза ошалелые. И только жрец был спокоен. Что говорил, Радомир так и не услышал. От визга и воплей в голове стоял звон. А только видел, как тьма из паренька полилась, окутала, черным волком обратила, и взвыл он жутко. В ответ ему вой со всех сторон воротился. И отчего всегда думал Радомир, что от волков одни беды? Бок о бок стояли с его охотниками. Рвали нежить, впивались зубами в чернь, идущую из леса дремучего. А рядом с ними жрец, зверем остервенелым. А потом свет полился, такой же, что в Древе. Нежить, что не успела назад в леса сбежать, прахом развеялась. Аглая стояла вся бледная, дрожащая. И лился тот свет из распростертых ладоней ее. Тимир отпрянул, волки взвыли, прижимаясь к жрецу, и только тьма, витавшая вокруг них, от света и спасла. Уж как нежить отступила, Аглая упала, обессиленная, на руки Радомиру. Никогда так не боялся глава. А тут аж рубаха взмокла. Как из леса вышли, не помнит, только нес Аглаю на руках. Сдерживая за уздцы перепуганных коней, мужики тянули обозы. А позади Тимир с волками шел.

Уже в поле остановились, переводя дыхание и осматривая раненых. Из троих девок двое оказались счастливицами. Третья, Снежана, не дожила до утра. Там в поле и похоронили, вместе с погибшим в Древе охотником. Уж как рвала Марья, с кулаками на Аглаю кидалась, проклинала, угрозами сыпала. Да только успокоилась, стоило подняться Нике. Та просто посмотрела, а охотница сникла. Так и держали остальной путь под тягостное, гнетущее душу молчание.

Уже подъезжая к городу, Радомир с облегчением подумал, что на том и закончилась их совместная дорога. И хоть на Аглаю все еще посматривал с вожделением, но вид очухавшейся в дороге Ники и черного паренька всякое желание отбивал. Надежды рассыпались, едва понял, что на том дороги не разошлись, и предстоит им ночевать в одной гостинице. Ну да, с утра, может, уйдут путнички, надеялся Радомир. И с сожалением подметил, как не хочется ему Аглаю отпускать. Остальные пусть бы и шли своей дорогой, а вот Аглая…

— И много вас? — Полное, блестящее от пота лицо Сезима раздражало. Того и гляди от сытости да скупости складки под мордой разойдутся, и глаза, и без того узкие, совсем затекут веками.

— Сколько б ни прибыло, — зло брякнул Радомир и тут же прикусил язык. Откажет нехлебосольный хозяин, придется у стен ночевать. И верно, напряглась хитрая морда Сезима. Радомир пошел на попятную. Широко растянул губы в улыбке.

— Не обижайся, хозяин, дорога нынче неспокойная. Сверх нормы заплачу, вишь, бабы у меня уставшие. Охотники уж сутки без росинки во рту. Старик едва жив.

Сезим сменил злость на милость. Заблестели алчно сузившиеся глаза. Но тут же покосился на Аглаю и ее спутников.

— А в обозах никак чуждые? Не видал таких в ваших селениях.

— Эти со мной, — вздохнул Радомир. — Ты их… отдельно как — то. Я заплачу. Только подальше…

— Заразные? — насупился Сезим, с неодобрением рассматривая худощавую бледную Нику.

— Бог с тобой! — расплылся в напряженной улыбке Радомир. — Молодые. Никак мои мужики приставать начнут, али бабы глаз положат. Я уж к ним и старика приставил… Но знаешь же, дело лихое нехитрое, не углядишь.

— И то верно, — согласился Сезим. — Найдем комнатенку. Только оплату вперед. — И сладостно растянул губы.

Без всякого торга Радомир отсыпал домовладельцу монет и выдохнул успокоенный, смотря, как тот указывает пришедшим на отдельное крыло дома.

В теплой койке стало совсем хорошо. Вот только мысли об Аглае все крутились в голове и спать не давали. Нежное тело, молодое. А как она трепетала в его руках в Древе. И стыдно, и сладостно. У Радомира закружилась голова, и в теле приятно заныло. Тоскливым голоском пропела за окном ночная птица. Радомир открыл глаза и уставился в щербатый деревянный потолок. «Да ну ее! — решил неуверенно, скорее успокаивая себя. — У себя, что ли, молодух нет. Вернусь и женюсь, Марья — то давно на ласки холодна». А тут от обиды даже с ним в комнату не пошла. А ему надобно. Ишь как приперло. Даже смерть двух охотников не остужает пыла, а наоборот, душа ищет, где бы приютиться, получить ласки успокоительной. Он развернулся в кровати, одеяло соскользнуло на пол. Слишком узкая оказалась койка, не под его рост. Радомир вздохнул, ухватил одеяло за край и натянул обратно на себя. Попытался уснуть. Сон не шел. Шли мысли, все о ней. И образ так и вставал перед глазами. И уже не было сил терпеть обжигающую истому. «Вот же девка! — выругался Радомир. — Никак из головы не уйдет. Оно и понятно, страхи отпустили.

Нежити в городе уж точно нет. Вот и захотелось расслабиться. Да не с кем — нибудь, а с ней. Снова почувствовать ее запах, ощутить дрожь молодого тела. Прикоснуться к нежной коже». От мыслей возбужденно застучало в голове, и сон окончательно прошел.

Радомир, откинув в сторону одеяло, вскочил. Нервно заходил по комнате. В груди ныло. Нехорошо. Когда в сердце жар, в голове пустота. Так недалеко и до глупостей. Ишь как она его выворачивает — до озноба, до трясучки. Глава тер грудь, в голове стучало слишком громко, как будто по дереву. Тук, тук. Тук — тук. Стоп! Так то и есть по дереву. Внизу, в дверь. Робко так, но слух у Радомира охотничий. И шаги по коридору. Крадущиеся. Его охотники давно без задних ног дрыхнут. Да и кому нужно красться? Ночью? Только лихому человеку. А лихой здесь один. Тот самый, к которому на постой Радомир ни в жизнь бы не пошел, не сложись такой случай. Сезим. Пронырливая морда. Не зря глава его недолюбливал. Теперь еще и не доверять будет. И куда, интересно, их радушный хозяин крадется? Радомир осторожной поступью бывалого охотника, не скрипнув дверью, вышел. Прошел по коридору и остановился у лестницы. В тусклом ореоле свечи увидел стоящего у двери Сезима. Рядом человек невысокий в капюшоне. Шептались тихо. Но у Радомира очень хороший слух, когда нужно.

— Страже нашей не доверяю… А ты сам — то видел? — голос у пришедшего тонкий, певучий, девка. Ох, одни напасти от этих девок.

— Видел! — закивал Сезим, заглядывая под капюшон и потирая ручонки.

«Никак грабануть обоз решили, — сжал от злости губы Радомир. — Вот стервец. Ну, сейчас будет ему! Дай только уйти гостю». И беззвучно вытащил кинжал из ножен.

* * *

Аглаю качало от усталости. Сил хватило, только чтобы встряхнуть пыльное покрывало. Едва голова коснулась грязной наволочки, как глаза закрылись сами. Нужно было спросить Нику о случившемся в лесу, но отчего — то совсем не хотелось. Изменилась она. Не просто внезапно посиневшими глазами и исхудавшим за последнее время лицом. Внутренне изменилась. И хоть с Аглаей почти не разговаривала после странного выздоровления, но та чуяла, не то с подругой что — то. Да и Тимир поглядывал на нее с опаской. Может, лучше спросить у него? Ведь знает,

Аглая была уверена. Но только не сейчас, не сегодня. Слишком мало сил. Голова так и клонится к подушке. Девушка чуть прикрыла глаза, а сама все косилась на Нику. Все чувствуют перемену. Все, кроме, казалось, Тихона. Домовой, вытянув ноги, сидел у печи, не обращая на Нику никакого внимания. Хорь ткнулся ей в руку вопросительно. Ника зашипела на зверька. Тот отскочил, недовольно заверещал в ответ и прыгнул на скамью к Аглае, начал быстро обиженно пищать, жалуясь. Она погладила его меж ушей, коснулась губами влажного носа, тот смолк, свернулся на ее груди и прикрыл глаза.

Тимир с сомнением осмотрел грязное, покрытое пятнами плетеное кресло, повозил по нему ладонью. На пальцах остались темные разводы. Поморщился, вытер руку о висевшее на стене полотенце, также не блиставшее чистотой. В конце концов, выбора не было. Уселся в кресло, откинулся назад и из — под прикрытых век посматривал то на хмурящуюся Нику, то на Аглаю. Ей нехорошо было от его взгляда, будто изучает… Или… присматривается. Ну да не до него. В сон клонит. Мысли становятся тягучими. Чего там Тихон говорил о Храме? Недоброе местечко. А может, прав он, ну его? Вот дойдут до Обители.… А дойдут ли?

— Алька! — шепот Ники вынес из забытья.

Аглая вздрогнула, скидывая с себя дремоту. Сонно захлопала глазами.

— Что случилось, Ника?

— Неладное в доме.

— С чего взяла?

— Муторно, будто кошки душу дерут.

Аглая тряхнула головой, пропали последние остатки сонливости. Как вошли в Нугор, Ника впервые заговорила с ней. И выглядела она совсем как ее бывшая подруга. Разве что глаза синие и волосы… Как они могли отрасти так быстро почти по плечи?

— Ника, ты как себя чувствуешь?

— Прекрасно. Но лучше будет, когда уйдем отсюда.

— Ты шутишь? Ночь на дворе.

— Вы чего там среди ночи вошкаетесь? — от печи негромко поинтересовался Тихон.

— Нике причудилось что — то…

— Не причудилось, — упрямо поджала губы Ника. — Точно слышала, сначала говор тихий, а потом лязг оружия. Я дверь приоткрыла и видела, как две тени по коридору шли. Один точно Радомир. Зачем ему среди ночи шастать?

Тихон, стараясь не разбудить остальных, подошел к шушукавшимся

девушкам, залез на кровать.

— Радомир мужик, конечно, горячий, и в голове чудно бывает, но на недоброе… — сомнительно головой покачал. Зевнул, открывая глаза — бусины, хорек.

Ника злорадно усмехнулась, разом перестав быть похожей на себя прежнюю.

— А в Древе у него к Аглае были очень добрые намерения!

Аглая стремительно побледнела.

— Что там снова? — потянулся Тимир.

— Ника уверена, что недоброе удумал глава Радомир, — пожал плечами Тихон.

Сон разом слетел с лица Тимира, он поднялся. Подошел к двери, прислушался.

— Если Ника говорит, нужно верить, минимум — проверить, — сказал уверенно. — Глава не глава, а тревога в воздухе стоит. Того и гляди, бесы в дверь постучат. Слишком много их за последнее время на нашем пути развелось.

— Тьфу на тебя, — шикнул Тихон.

Все переглянулись.

— Узнать нужно, что происходит, — кивнула на дверь Аглая. И снова все переглянулись и уставились на Тихона.

Тот помрачнел, тяжко вздохнул и растаял в воздухе. Раздалось: топ — топ — к двери.

— Тише, — прошипела Ника.

И топот пропал.

* * *

Марья ходила из угла в угол. Скрипели половицы от тяжелых шагов. В светце дрожало пламя, вырисовывая неровные косые тени на стенах. Марья остановилась напротив божницы, с укором посмотрела на образок. Тот ответил безразличным взором чуть истершихся временем глаз. Марья хмыкнула, покосившись на Сезима. Вроде и не верующий, а иконы в доме держит. Хотя в нынешние времена все стараются хоть как — то уберечься от нечисти, бродящей по просторам Велимира. Но что ей до страхов Сезима. Она оторвала взгляд от иконы и прошла к окну. За высокими стенами зачинался рассвет, окрашивающий верхушку ворот в золотисто — розовый. Тучи ушли далеко, даже раскатов уже не слышно. Хороший

выдастся день, теплый. Вот и утренние птахи, голосящие над крышей, о том кричат. А у Марьи от злости лицо то становится пепельно — серым, то покрывается багровыми пятнами. И щебет раздражает, и лучи восходящие глаза слепят, и на тех наворачиваются слезы. Она быстрым движением размазала их по пылающим щекам. Нет, не солнце виновато. И уж никак не громкие птахи. Марья распахнула окно, но вместо свежего воздуха ее обдало запахом тухлятины и вонью помойки. Она раздраженно захлопнула створки.

— Ты уже в Древе видел, кто с нами идет! — прошипела не оборачиваясь.

Радомир молчал, сидел на кровати, вытянув ноги на табурет, перебирая пальцами рук в задумчивости. Рядом валялся Сезим, вытирая дрожащей ладонью катившийся по лицу и шее пот. Он со страхом посматривал на взбешенную женщину. Вид у нее был еще тот! Каштановые волосы разметались по спине и отсвечивали красным, ловя рассветные лучи. Темные глаза сверкали яростью. Она то и дело нервно хваталась за ножны, пальцы скользили по рукояти меча. Того и гляди рубанет и неясно кого — то ли муженька от ревности и обиды, то ли Сезима от злости.

— Госпожа… — подал едва слышный голос.

— Молчать! — рявкнула так, что огонек лучины колыхнулся и потух. В комнате стало по — утреннему сумрачно. — С тобой, гнида, разговор особый будет!

Сезим сжался, взмокли ладони, он прополз до женщины на коленях, вцепился в край рубахи.

— За что, госпожа? Я человечек — то маленький, — прогундосил всхлипывая. — Мне что приказано, то и делаю. Вы пришли — ушли, а мне жить здесь! Помилуй, красавица!

— Не жить тебе ни здесь, ни где еще! — ответила, оборачиваясь, охотница и ударила домовладельца наотмашь рукой. Тот отшатнулся, прижимая руку к разом покрывшейся багрянцем щеке. Тихо по — собачьи взвыл.

— Помилуй!

Радомир бросил на Марью косой взгляд. Сплюнул на пол, растер носком сапога.

— Успокойся. С ним разбираться после будем, нужно решать, что сейчас делать.

— А что делать? — сузила глаза Марья. — Отдай девок, и закончен сказ…

Радомир поднялся, не спуская взгляда с Марьи, подошел к ней близко.

Рука быстро и крепко вцепилась в шею. Распевы птах за окном моментально смолкли, вместо них застучали пульсацией виски.

— Ты чего удумала, жинка? — голос Радомира спокойный, тихий, даже ласковый, шептал прямо в ухо. — Никак сдать решила девчонок, сердечная?

— А ты все успокоиться не можешь? — задыхаясь, захрипела в ответ Марья. — Думаешь, оценит благородство и в койку прыгнет?

— Дура! — отшвырнул в сторону охотницу Радомир. Она отлетела к углу, по дороге зацепив и перевернув скамью. Потерла ушибленный затылок. Глянула с животной злобой.

— Тайный ход из города знаешь? — опустился на колени перед домовладельцем Радомир. Тот прикрыл голову руками, торопливо кивая.

— Я не сомневался! — похлопал его по плечу глава. — Выведешь! А чтобы мысли какой лихой не прошмыгнуло, Марья с вами пойдет.

Сезим с ужасом воззрился на поднимающуюся женщину. Нервно дернулся правый глаз, а во рту пересохло. Марья замерла. Глаза округлились.

— И только попробуй мне! — обернулся на жену Радомир. Она побледнела и прикусила губу. Уныло кивнула. И тут же встрепенулась прислушиваясь. Быстрым скачком оказалась у двери. Ножны в мгновение опустели, клинок сверкнул в руках.

— Ох, еси! — вскрикнул, проявляясь у порога, Тихон.

Сезим побледнел, отшатнулся к стене, сотворяя крест в воздухе.

— К — к — как это?

— Вот так! — смущенно развел руками Тихон и снова пропал. Марья засмеялась в голос, опуская клинок.

— Не доверяют тебе девчонки!

Радомир сжал зубы, заиграли на щеках желваки.

— Смотри, как бы не сбег, — кивнул на домовладельца и вышел из комнаты.

* * *

Утро слишком холодное, хоть уже и всходило солнце. По улице тянуло не то гарью, не то дымом пожарища. Птицы щебетали, но из — за дыма видно их не было. Аглая поплотнее закуталась в плащ, однако тот не грел. Колотило изнутри.

— Что ж, прощай, Аглая. — Радомир стоял слишком близко, отчего

знобило ее сильнее. — И что ж я тебе так не люб? — спросил с тоской, пытаясь посмотреть в глаза. Она взгляд отводила. Боялась. — Не доверяешь?

— А должна? — Все — таки глянула. Лицо главы посерело. Он прикусил губу.

— Не предал, — сказал глухо.

— Кто знает, — отрезала она холодно. — Путь из города еще далек.

И тут же рядом проявился хмурый Тихон.

— Ну уж ты — то знаешь! — прохрипел Радомир.

Домовой отвел глаза. И хорь в его руках скалился, хвост взъерошенный дрожал от негодования.

Радомир отступил в темноту коридора. Стоявшая Марья, облокотившись о выщербленную стену гостиницы, проводила его, насмешливо улыбаясь.

— Идем, — сказала коротко, подталкивая в бок домовладельца.

Совсем рядом послышались голоса двоих мужчин и лязг оружия, но и тех во мгле было не различить.

— Стражи! — шепнул испуганно Сезим мимоходом и задрал голову высматривая. — Главное, чтобы соглядатаи не нагрянули, а от этих уйдем. — Скользнул в подворотню.

И все путники, угрюмо переглянувшись, направились утренними тенями следом.

Узкие полупустые улочки серыми окнами смотрели на торопливых людей, шарахающихся по каменным мостовым и темным проходам. Тенями скользили они, прижимаясь к темным стенам от шороха крыльев парящих над городом соглядатаев. Сезим испуганно озирался, закрывал голову руками. И тут же про себя радовался так кстати затянувшей окраину дымке. Марья нетерпеливо тыкала домовладельца в спину острием клинка. Он подпрыгивал и торопился, скользя в тени, вытирал лоб рукавом и тяжело дышал. Тимир шел рядом с Марьей, буравя спину Сезима взглядом.

— Сдаст!

— Скорее, уж я, — невесело покосилась Марья на бредущую позади Аглаю. — Резона больше. А эта гнида за свою шкуру на край земли выведет.

Тимир не поверил. Слишком быстро бегали глазки Сезима. И хотя страх был написан на лице, но в зрачках так и горело желание сбежать. А бежать куда? Правильно, к тому, кто их заказал. Если все то, что рассказал Радомир, правда (а Тимир в словах его не сомневался), то сам правитель Нугора заинтересован в поимке… Ники. Тимир бросил косой взгляд на

девушку. Руки на груди сложены. Шаги быстрые, уверенные. А глаза так и сверкают из — под капюшона, синие. Взгляд соскользнул на Аглаю. Вся собранная, обнимает себя руками так, что костяшки побелели. И хоть старается держаться, но видно, что испугана. Тимир вздохнул. И как им с «Никой» до Обители добираться? А ведь они ей, ох, как мешают. Особенно бывшая подруга. Уж он — то теперь знал. Он снова посмотрел на Аглаю. Он желал ее не меньше, чем Радомир. С тех самых пор, как увидел в доме Талы, стройную, с рассыпанными по плечам волосами. Тимир подавил вздох. Это было не просто желание. Это было свербящее, жгучее чувство, когда хотелось схватить, прижать, ощутить жар ее тела и… убить, чтобы никогда не видеть, чтобы не томиться мечтами о ней. И от мысли этой сердце начинало биться сильнее. Не заметна тьма без света. Так и он, черный, тянулся к светлой и доброй душой Аглае. Так к ней тянулся и глава Радомир, к чистой, доброй, нежной…

Сезим внезапно остановился у неказистого дома с косой дверью. Стукнул трижды, повременил и повторил чуть громче.

За дверью послышались осторожные шаги.

— Кто?

— Я, кум…

Дверь со скрипом отворилась, выворачивая едва держащие ее петли. Из — за щербатых досок выглянул худой мужичонка с поеденным оспой лицом.

— И чего нечистые в такую рань носят? — поморщился недовольно и пригладил редкие неухоженные патлы.

— Выйти нужно, — озираясь, быстро проговорил Сезим.

Мужичок посмотрел ему за спину. Поправил грязную рубаху, опускавшуюся по самые колени.

— Этим нужно? — с недоверием посмотрел на вооруженную Марью.

Сезим кивнул, пытаясь втиснуться в дом.

— Э — э — э! Постой! Таксу знаешь, чего без дозволения прешь?

Сезим заскрежетал зубами.

— В долг запиши.

— Так не пойдет, — буркнул мужичок и начал закрывать дверь.

Тимир рванул вперед. Успел сунуть ногу, дверь ударилась о ступню. Мужичок разъярился.

— Ты чего? Ща стражу звать начну, не поздоровится. Видно же, что люди лихие, раз в такую рань выход из города ищете!

Тимир уставился в лицо мужику.

— Не успеешь, — прошипел зловеще.

За его спиной перехватила поудобнее меч в руках Марья. Мужик сник, испуганно из — под бровей глянул на охотницу.

— Договоримся, — отступил вглубь дома.

— Договоримся, — кивнул Тимир и вошел следом.

В вышине громко и крикливо затрубил горн, испугав всколыхнувшихся с крыш птиц. Те затрещали на разные голоса. Горн взвыл повторно, оглашая окрестности тревогой.

Марья кинулась к девчонкам, схватила за руки и втолкнула в дом. Едва поспевая на коротких ногах, за ними вбежал Тихон.

— За вас трубят! — подскочил хозяин косого домишки. Начал метаться по убогой комнате, в которой, кроме стола, лавки и печи ничего не было.

Тимир поймал его на очередном круге. Встряхнул за шкирку.

— Показывай, где ход!

— И чем быстрее, тем лучше, — подкрепила ударом по плешивой голове Марья.

Мужик взвизгнул, начал тыкать на печь.

— Там! Там!

Тимир отшвырнул его в сторону, грозно глянул на замершего Сезима. Тот бросился к печи. Откинул закрывающую полог засаленную тряпку, за ней открылся темный лаз.

— Уходите! — начала подталкивать Аглаю к ходу Марья.

— А ты?

Марья остановилась, внимательно посмотрела на нее. Усмехнулась.

— Мое место здесь. Рядом с главой Радомиром.

Аглая сглотнула ком, вставший от пронзительного взгляда охотницы. Но ее уже тянула к ходу Ника.

— На полог, в лаз, там ступени. На ощупь выйдете на восточную сторону, в глуши. — Сезим нервно потер ладони. — Горны трубят, бесы в небе. Торопитесь!

Тимир кивнул и направился к ходу.

— И надеюсь никогда вас больше не видеть, — проговорила в напутствие Марья, когда тряпица прикрыла полог.

Глава 12

Карах мерил залу шагами. Гулко отстукивали по блестящему чистотой паркету начищенные сапоги. В открытое окно вползали солнечные лучи, играя бликами на мозаичной плитке стен. Воротник рубахи душил, вензель печати так и извивался, чувствовалось, как смотрят на него подернутые сумраком глаза.

— Что значит — сбежали?

От рыка правителя страж, испуганно и нервно переминающийся с ноги на ногу, юркнул за спину советницы. Не приходилось Караху кричать в этих стенах. Тем более на Нейлу. Но хотя голос его заставлял дребезжать стекла витражных окон, он про себя радовался, что все вышло именно так. Не нравилась ему затея советницы. Было в ней что — то, заставляющее его нервничать. Нет, не страх перед темным жрецом Китаром — правитель нервно расстегнул ворот рубахи — и не зловещие морды соглядатаев, снующие по городу, а мрачное, сосущее душу предчувствие.

Советница стояла опустив голову.

— Далеко не могли уйти. Нагоним! Все леса вокруг прочешем…

Карах остановился посреди залы. Вензель замер, перестал извиваться, будто вслушивался в голос советницы, раздумывал. Не расплывался по столу, обращаясь в магическое проклятие, а застыл кровавым знаком на неровном листе Китаровского приказа. Карах выдохнул свободнее, покосился на печать и сказал твердо:

— Нет, — внутренне ожидая, как потянутся к нему черные нити, стиснут горло, как помутнеет в глазах. Покосился на стража. Уж ушел бы. Но нет, стоит, за спину советницы прячется. Дожили… За бабскую спину. Оттого и нет спокойствия в Нугоре, и отпора нет никому, что вот такие в стражу идут! А он, Карах, жалеет, не гонит. А давно бы пора. Глядишь, и не лежала бы сейчас кровавая печать на столе. — Нет.

Нейла подняла голову. Между бровями залегли глубокие складки.

— Что значит — нет? В своем ли ты уме, правитель?

Он стоял, прожигая ее взглядом.

— Ничего не попутала, советница? С кем говоришь, помнишь хоть?

Нейла побледнела, но тут же вспыхнула.

— Возьму двух доверенных…

Карах уставился на перепуганного стража. Это они доверенные?

— Нет! — рявкнул до звона в ушах. И по ту сторону двери

шарахнулись подслушивающие стражи. Загремело упавшее оружие. Карах отвернулся, делая вид, что не слышит. Везде есть уши! Как же он устал от всего этого царствия. Никогда не хотел. Отца ослушаться не смел. А какой из него правитель? Он в детстве о кораблях мечтал, о далеких странах. Чтобы под парусом у штурвала, и ветер разбивает брызги о корму.

— Мои ребята тряхнут купцов, привезших ведьму… — Нейла кусала губы.

Карах обернулся медленно. Минуту изучал лицо советницы. Страж отступил к двери и бесшумно юркнул за нее. Послышалось громкое шептание. Правитель подошел к Нейле вплотную. Схватил за волосы и оттянул назад так, что девушка вскрикнула от боли. Заглянул в сверкнувшие злостью глаза.

— Если мы начнем всех торгашей трясти, вскоре к нам одни бесы на ярмарку слетаться будут. Ты меня понимаешь, советница?

Она постаралась кивнуть, но от боли охнула и приглушено шепнула:

— Да, правитель!

— Это хорошо, мне бы не хотелось повторять дважды.

Он отпустил ее и направился к трону.

— На этом разговор закончен, советница. И не смей идти следом за ведьмой. У тебя есть и другие заботы.

Нейла продолжала стоять, смотря в пол.

— Мне есть к кому обратиться за помощью. Я могу ее заполучить… — прошептала упрямо.

Карах остановился у стола. Печать не шевелилась, как есть внимает.

— Я наслышан о твоих связях с … — Бледность лица оттенили потемневшие глаза правителя. — Не смей! Я запрещаю!

Она не ответила, зато громко стукнула закрывающаяся дверь залы. Карах оглянулся, Нейлы не было. Устало дошел до трона, сел, снимая с головы разом ставшую невыносимо тяжелой корону. Дышать стало трудно и без стягивающей душу печати.

— Дура, — прошептал в опустевшую залу. Прикрыл глаза, схватился за сердце, предчувствие острой занозой кольнуло в области ребер: «Она не посмеет, — попытался успокоить себя. И снова болезненный укол. — Посмеет, еще как посмеет, ты никогда не был для нее указ!» Некоторое время он сидел, с трудом переводя дух, когда же смог, выкрикнул, насколько хватило сил:

— Святозар!

Дверь стремительно открылась, быстрым шагом вошел высокий воин, глава стражи. Стянул с головы шлем, обнажая длинные русые волосы,

упавшие на плечи. Припал на колено в поклоне. Вот уж кто и правда из доверенных остался, старая гвардия. Этот не подведет.

— Не выпускать Нейлу из дворца.

Святозар вскинул голову.

— Она уже покинула покои, правитель.

Карах вцепился руками в подлокотники. Святозар вскочил, видя, как враз посерело лицо правителя.

— Я приведу знахаря.

— Не поможет знахарь, — прошептал Карах. — Найди мне ее и верни, пока бед не наделала. Но так, чтобы никто…

Начальник стражи поднялся с колен, отвесил поклон.

— Служу Нугору! — отдал честь и вышел из залы.

* * *

Громко лязгнули о стену ножны. Советница холодным взглядом смерила пухлое дрожащее тело владельца гостиницы «Дымное». Сильный, но глуповатый молодой страж крепко вжимал его в стену. Поигрывал кинжалом в руках. И ухмылялся. Ему явно нравилась его работа. Ленивый на подвиги, но с удовольствием показывающий силу более слабым. Таких сейчас в Нугоре каждый второй из молодняка, и все пытаются перед соглядатаями выслужиться, авось и нарекут. И ведь не боятся души терять. Не дорожат. Не понимают. А намедни новый начальник Китаровских соглядатаев приезжал. Молод, но хорош стервец — и тело статное, и речи льстивые. С тех пор молодая стража и вовсе из кожи вон лезет. Доверенных уж, поди, по пальцам пересчитать можно. Да и в тех уверенности нет, слишком слащаво улыбаются и смотрят на нее масляными глазами, коли б не слухи о ее связи с правителем, и не посмотрели бы, что советница. Ах, как бы она хотела их всех… В кулак, по стене, чтобы соплями захлебнулись. Потому и готова была на договор с тем, на кого в былое время побоялась бы взор поднять. А теперь ишь как оно выходит, готова переступить через собственные страхи и омерзение, а все потому, что даже так надежнее, чем смазливые, озабоченные юнцы стражи.

Она перевела взгляд на второго стража, того, кто стоял у порога. Он кутался в длинный плащ, пряча лик и стараясь не прикасаться к деревянной притолоке. Нейла поежилась. Даже не видя глаз и лица, чувствовала исходящую от него жуть. Только надеяться более не на кого. Нейла с трудом оторвала взгляд, подняла опрокинутый стул, тряхнула головой,

сбрасывая навеянный страх. Села, забросив нога на ногу, не сводя презрительного взгляда с домовладельца.

— Они м — меня пытали… — покрываясь испариной, блеял тот.

— Тебе полезно, — прошелестел голос советницы. — Может, жирка лишнего стряхнешь. Так куда они направились?

— Г — глава обоз домой воротил… Сказал, не будет продаж, ежели соглядатаев столько, нечего и времени терять… — сбивчивой скороговоркой выдавливал Сезим, исподтишка косился на печь, там за солонкой таилась сума. Лишь бы не заглянули. Не забрали. А там… Выкрутится как — нибудь. А без сумы куда идти? Все расскажет, лишь бы не забрали. Отпустят, схватит добришко и подальше. Слышал, на западе в Улар — городе много людей, там и затеряется. Прикупит небольшой постоялый дворик да начнет все сначала. Ему не привыкать. Главное, выпутаться сейчас.

— Меня не волнует глава какой — то деревеньки! — Рука стража, сжимающая горло Сезима, приподняла его над землей. Он начал болтать ногами и хвататься за облаченные в перчатки руки, пытаясь оттянуть их от собственной шеи. Советница качнула головой, страж опустил задыхающегося Сезима на пол.

— На восток, — начал ловить тот воздух.

— Кто вывел?

Сезим весь съежился.

— Они меня пытали, — начал снова плаксиво.

— Через врата не проходили, — задумчиво смотрела на него Нейла. — Тайный ход? Ты знаешь тайный ход из города! — Стремительно поднялась, щелкнула пальцами, и домовладелец вновь повис между полом и потолком.

— Где ход? — подошла вплотную Нейла. Сезим замахал руками.

— Расскажу!

— Не расскажешь, — хмыкнула Нейла. — Отведешь!

Сезим побледнел. Косо глянул на печь. Жалко стало себя и добро, таившееся в суме. Нехорошо все выходило. И предчувствие тяжелое сдавило грудную клетку похлеще руки стража.

— По — ка — жу!

— Замечательно! — Щелчок. Пухлое тело с грохотом упало на пол. Тут же вскочило и поспешило к выбитой двери, лежащей в зияющем пустотой проеме.

— Все, все покажу! — зачастил, потирая шею.

Нейла улыбалась, но такой улыбкой, что Сезим бегом бросился из дома, на ходу указывая путь в подворотню.

Нейла уже почти вышла, остановилась, вернулась, глянула на образок в углу, с укором смотрящий на происходящее в гостинице. Подняла было руку, чтобы перекреститься, но вместо этого взяла лампаду и опрокинула на пол. Огонек вспыхнул, затрещал на дощатом полу, растекаясь вместе с лужицей масла. Нейла пнула лампаду к опрокинутому столу и только тогда вышла.

Сезим торопливо перебирал ногами по каменистому переулку. Уже подходя, с тоской подумал: «Эх, жаль, туман не спал, а то гляди, и бесы бы увидели, спустились, с ними все сговорчивей получилось бы! И понесло ж назад в «Дымное». А ведь глава Радомир предупреждал. И чего с ними не ушел? Побоялся, что увидят добришко. Испугался? Нет, жлобство задушило. Авось потребуют делиться. А оно вишь, как вышло». Он бы и рад уж делиться. Да разве советнице его добро нужно? Ох, и чего он сразу не ушел? И черт бы с этими побрякушками!

— Кто? — шмыгнул голос из покосившегося домика.

— Гости! — рявкнул страж и одним легким ударом выбил дверь. Мужичок в засаленной рубахе ойкнул, бросился к окну, но его перехватил быстрый выпад меча. Мужичок закатил глаза, ойкнул и осел, прижимая руки к разрастающемуся на рубахе кровавому пятну. Сезим, втолкнутый в избу, побледнел, увидев кума, царапающего в предсмертной агонии грязный пол. Бросился вон из хаты, но был откинут назад рукой стража.

— Показывай! — ткнула в лицо кулаком Нейла. Сезим пошатнулся. На трясущихся ногах прошел к печи, откинул с полога тряпицу.

Нейла кивнула.

— Вот и молодец!

Тонкое лезвие мягко вошло под сердце Сезима. Он взмахнул руками и начал заваливаться на пол.

— За что? Я же показал, — слабеющим голосом выдавил всхлипывая. В голове зазвенело, поплыла перед глазами комната. Эх, и чего с Радомиром из города не ушел?

Нейла злорадно улыбнулась.

— Как нам показал, так и другим покажешь. — Вытерла клинок о рубаху упавшего Сезима и кивнула молодому стражу. — Дальше мы сами! — И направилась к тайному ходу.

Паренек облегченно вздохнул. Покосился на второго стража и поспешил исчезнуть из мрачной хаты.

Нейла вошла в ход. Второй страж задержался. Наклонился над Сезимом. В предсмертном взоре увидел домовладелец худое лицо, глаза, наполненные чернотой, и тьму, прятавшуюся под плащом. Страж

усмехнулся в лицо умирающего и направился следом за советницей.

* * *

Радомир сидел на пригорке, смотря на расстилающийся за полем город, медленно жевал сорванную сухую тростинку. В небе граяли вороны. Как же привычен стал их крик. Надрывный, резкий. К неприятностям, к бедам, кои за последнее время валились на голову, как из рога изобилия. И не было им конца и края. А все с ее появлением… Хрупкой девчушки с бледным лицом и русой косой.

Она ушла.

А он не смог уйти.

В ушах стоял крик Марьи и ее укоризненный взгляд.

— Куда? Зачем она тебе? Приедешь, любую возьмешь… Я слова не скажу!

Он отвел взгляд.

— Главой тебя назначаю, баба ты умная…

Она схватила его за рукав.

— Сгинешь, Радушка!

Он отстранил ее от себя.

— Значит, судьба!

— Да не судьба это, а бес в ребро…

Он сунул ей в руки уздцы гнедого. Тот, чувствуя недоброе, потянулся мордой к хозяину. Радомир отвернулся.

— Храни его, оберегай. Хороший конь, и в деле помощник.

— Радомир! — заломила руки Марья. Ветер, поднявшийся поутру, разметал ей косу. Радомир аккуратно убрал волосы с Марьиного лица. Поцеловал в дрожащие, искусанные в кровь губы.

— Уводи! Не дайте боги, следом стражу пошлют, всем несдобровать… — И пошел обратно к городу. Не оглядывался, и так знал, что смотрит вслед, стирает тайно накатившиеся слезы, прижимаясь лицом к гнедому боку его коня.

С трескотней сорвались с ближайшего дерева мелкие птахи. Радомир вскинул взгляд. От ворот отделилась одинокая фигура и направилась в его сторону. Глава поднялся, сплюнул тростинку, вытер лицо рукавом.

На стража вышедший похож не был. Длинный суконный плащ, походка хоть и уверенная, да слишком торопливая. Трава ложилась от ветра, ходок придерживал полы. Может, кто из горожан или купцов? Зачем?

Ярмарка только началась. Если началась. Ходок уверенно приближался. Радомир поднялся, но с тропы не сошел.

Порывом у ходока распахнуло плащ. Радомир похолодел. Под плащом вышедшего блеснули на солнечном свете кольчуга и витиеватая ручка меча, такие лишь у военных Нугора.

— Мира тебе, глава Радомир! — Остановился ходок в десятке шагов от главы, буравя того пристальными синими глазами.

Радомир узнал голос. Да и лицо трудно забыть, слишком уверенное, с четко очерченными скулами. Случалось, встречались. И в поселке у них он был, пушнину к царскому двору да для ратных выбирал. Сам лично выбирал.

— И тебе добро, Святозар! Далеко ли путь держишь, да в одиночестве?

— По твою душу, светлый глава Радомир. — Голос у Святозара спокойный, не озлобленный. Он и в былое время отличался честностью, бесстрашием и верностью Нугору.

— Вот даже как? — У Радомира по спине озноб прошел. С таким сражаться — сразу себе смертный приговор подписывать, потому за клинок, висевший на поясе, хвататься не спешил.

Глава стражей приблизился. Радомир все же опустил руку поближе к оружию.

— Убери руки от меча. Не с лихим делом по следу пошел твоему. — Святозар поправил вздыбленные ветром светлые волосы, подернутые уж кое — где сединой.

Глава кивнул, но руки не убрал. Святозар лишь ухмыльнулся.

— Не выстоишь, — сказал тихо. Радомир это и сам знал. Да только без боя сдаваться не желал. — Не нужна мне смерть твоя, — сложил Святозар руки на груди, — за помощью шел.

— Помощь главе стражи Нугоровской? Чем же мелкий глава селенья дальнего помочь может? Разве что пушниной.

— Пушнина мне ни к чему, — улыбнулся Святозар. Но улыбка тут же пропала, а рука молниеносно выхватила меч. Радомир мгновенно встал в стойку, извлек и свой клинок. И сразу понял, что не по нему обнажено оружие. За спиной раздался шум раздвигаемых кустов. Радомир про себя чертыхнулся. Смотри, какой страх на него Святозар нагоняет, не услышал приближения чужака. А ведь такого не бывало! Слух для охотника поважней оружия в руках.

Радомир покосился в сторону, не выпуская из вида и Святозара. Тот весь собрался. Поджал губы. Рука сделала быстрый выпад. Радомир

отскочил в сторону и одновременно оглянулся. Сверкающее лезвие меча вошло в незваного гостя. Тот покачнулся, рыкнул глухо, ухватившись костлявыми руками за лезвие. С силой дернул острие, освобождая тело. Святозар вывернулся от удара мертвяка, снова свистнул меч. Нежить ловко отпрыгнула, быстрым шагом скользнула к Радомиру и схватила его за плечо. Тот охнул, когда вторая рука мертвеца легла на рукоять кинжала. Да что с ним такое? Не услышал, а теперь и отпора дать не может! От злости у него вспыхнуло лицо, рука выдернула клинок из цепких пальцев нежити. Но замахнуться он не успел, как не успел сделать очередной выпад и подскочивший Святозар. Нежить качнула головой, выведя нечленораздельное:

— Ни — ни — ник…

Святозар даже в лице изменился. Мертвец погладил Радомира по плечу, нападать не собирался. Святозар так и застыл с занесенным оружием над головой мертвяка.

— Говорит! — выдохнул потрясенно. Но тут же пришел в себя, перекинул поудобнее меч.

— Не тронь, не убивать он пришел, — отшвырнул мертвеца от разящего удара Радомир.

— Ты… ты! — оттолкнул его Святозар. Радомир вцепился в руку главе стражей. С холодом и спокойствием посмотрел в горящие гневом глаза.

— За последнее время я многое видал. Если бы он хотел, то я уже не вел бы речей с тобой.

Святозар сощурил глаза, посмотрел с недоверием на поднимающуюся с земли нежить.

— Ни — ни — ник… — потянул снова руку мертвец, обернув лицо с пустыми глазницами к Радомиру. Глава поежился и хоть понимал, что правда в его словах, но как же неприятно и муторно смотреть в мертвое лицо, в то, как пытаются ворочаться распоротые гнилью губы, на почти оголенный череп, на котором только кое — где еще остались рыжие проплешины волос.

— Ника! — выдавил мертвец. Радомир вложил клинок в ножны.

— Ушла Ника.

Мертвец опустил голову. Ветер трепал порванные одежды на костлявом теле.

— Ку — ку — да?

— На восток. — Он покосился на вслушивающегося в разговор Святозара. Вздохнул и выдавил из себя: — В Обитель.

Мертвец тяжко вздохнул, протянул Радомиру руку.

— Спа — пасибо!

Тот, с трудом сдерживая омерзение, пожал разлагающуюся плоть. Нежить кивнула и торопливо скрылась в кустах.

Святозар спрятал меч, посмотрел в сторону ушедшего мертвеца.

— Вона какие времена пошли, ведьмы по городам шастают, люди с нежитью разговаривают. Перемены!

— К добру ли? — поморщился Радомир. — Так по какому делу искал меня великий страж?

Святозар обернулся. Недоверие скользнуло на лице.

— А я вижу, ты никак в город воротиться решил?

— Если и так!.. — свел брови глава. — Какое до того дело Нугоровской страже?

— Никакого, — согласно кивнул Святозар. — Слышали мы, что привез ты в город девчонку — ведьму.

Радомир присел на валун у края тропы. Подумал и сунул руку под дубленый кафтан. Давно уж не курил, годков десять, не менее, а тут рука сама потянулась, достала сигаретку из картонной коробочки. Помнится, в прошлом году на ярмарке брал. Не от желания, от любопытства, на поселке — то все самокрутками балуются. А тут такое… Да еще на коробочке рисунок зверя невиданного и надпись на языке заморском. Понять, что было написано, не представлялось возможным. На поселке читать никто не умел, ни на заморском, ни на каком.

Сигаретка покрутилась в пальцах, Святозар достал огниво и ударил пластинкой о кремень, дал прикурить.

Радомир затянулся. Он давно не брал в руки курева. В легких запершило, он закашлялся. Святозар похлопал по спине.

— Ну уж и не курил бы! — сказал с пониманием.

— Времена такие, — отмахнулся глава и снова затянулся, вторая струя пошла легче, давая мягкое горьковатое успокоение. — Хозяин «Дымного» растрепал?

Святозар пожал плечами, присел рядом, достал из котомки уже скрученную самокрутку. Чиркнул огнивом.

— Мне по ямам ходить незачем. На то стража есть. Они и донесли, что вы по раннему утру покинули Нугор.

Глава кивнул. Затянулся. Ветер разносил дым. Кланялись ветви деревьев, гнулись кусты. Двое сидели на валуне, смотря задумчиво в сторону города. Сидели молча, каждый думал о своем. Радомир докурил, растер окурок носком сапога по земле.

— На восток?

— На восток, — кивнул, поднимаясь, Святозар, откидывая недокуренную самокрутку, и поправил в ножнах меч.

* * *

«Дымное» выделялось на улице темным пятном. Обгорелые окна еще коптили, выбрасывая в небо черные клубы. Несколько мужиков из соседних домов пытались засыпать землей то, что осталось. Тройка полных баб стояла поодаль и, покачивая головами, обсуждала пожар, закатывая глаза, в которых не было ни толики сожаления.

Святозар и Радомир остановились, не подходя близко к «Дымному».

— Однако! — присвистнул Радомир и посильнее натянул капюшон. Опасливо покосился на женщин, не узнает ли кто недавнишних постояльцев, не заподозрит ли. И тут же добавил: — Не мы, Бог свидетель. — И поднял руку в знамении.

— Не божись! Верю. — Святозар хмурился. Отошел к бабам, через минуту вернулся еще более смурой. — Нейла побывала. Видели соседи, как с двумя стражами заходила.

Радомир ничего не ответил. Сезима было жалко. Ведь еще утром с ним говорил.

— Здесь стой! — приказал Святозар. У главы лицо повело. Уж не решил ли начальник стражи, что это Радомир с ним идет? Разве ж не сам о помощи просил? А тот внимания на главу не обратил, поморщившись от зловония, направился к обгоревшей гостинице. От дыма щипало глаза. Кто — то из мужиков успел выкрикнуть:

— Куда? Задохнешься, дурень… — И тут же прикусил язык, взглянув в лицо и узнав входящего. Вышел Святозар быстро. Откашлялся, вытирая с лица копоть. Прошел к Радомиру и бросил к ногам прокопченную тлеющую суму.

— За печью, железными крышками укрытая, потому и не успела сгореть. Хозяин наш, видать, собирался покинуть город.

— Я его предупреждал, чтобы не совался обратно в «Дымное», предлагал с нами из города выйти. — Радомир пнул суму. Та звякнула. Он опустился на колени и вытряхнул содержимое, присвистнул: — Жадность сгубила.

На камнях лежали позолоченные монеты, серебряная посуда. Радомир покопался, вытащил тонкую золотую цепочку с распятием, покрутил в руках, бросил обратно в кучу.

— Видать, сердобольный хозяин не только постоем прирабатывал.

Святозар хмыкнул, подавил сочувствующий вздох.

— Куда дальше?

Радомир усмехнулся. Приказного тона в голосе начальника уже не было.

— К восточным трущобам. — Вытер руки о плащ. Мужики у погорелого дома с интересом посматривали на них, но больше на вытряхнутое добро. Глава начал собирать его назад в суму. Святозар положил руку на его плечо.

— Оставь, не бери греха. Не наше. Один уже расплатился за него…

Радомир кивнул, выпрямился.

— Думаешь, она его?.. — От мысли о смерти домохозяина стало не по себе. Мужик он, конечно, гнилой, но смерти глава ему не желал.

— Не думаю, знаю. — Святозар пнул мешок и направился к узкому переулку.

Не успели они в него войти, как мужики бросились к вещам, начали наперебой выхватывать. Послышалась ругань. Радомир хмыкнул и свернул между домов.

Шли, по обычаю, молча.

В косом проеме захолустного домика в восточных трущобах Святозар присвистнул.

— Кровью пахнет!

Щелкнул огнивом, вспыхнул тусклый огонек.

— Незачем свет, — проговорил, подойдя со спины, Радомир, заставив Святозара вздрогнуть от неожиданности. Огниво обожгло пальцы, он махнул рукой, огонек пропал.

— И мертвыми стелился путь ее… — зловеще прошептал Радомир и смолк. — Тш — ш… — пропал в темноте лачуги. — Ох ты ж! Жив? — донесся голос от печи.

В ответ послышался едва слышный стон. Святозар на ощупь прошел на голос.

— Лучину в углу возьми, — на ухо ему просипел Радомир.

Святозар снова чертыхнулся. И все — таки охотник Радомир знатный, движется неслышно, будто зверь дикий.

Лучину Святозар нашел с третьего раза. В двух углах только паутину собрал. Щепка зажглась не сразу. После третьего раза полыхнул огонек и тускло осветил избу. Радомир сидел на полу, придерживая голову полного мужчины.

— Сезим! — удивленно приподнял брови Святозар. — Живой!

— Я бы не был так уверен, — осадил его Радомир, покачал головой. — Дух отпускает. Не жилец уж.

Сезим стеклянными глазами смотрел в потолок, грудь тяжело вздымалась, испуская хриплый свист.

— Пожалел, — шелестел едва слышный голос. — Не послушал, не пошел… А ты говорил… Поплатился. Ты, — голос стал почти неслышен, — бойся того, кто рядом с ней…

— Кто с ней?

Ответить Сезим не успел.

— Куда ушла советница? — перебивая, подскочил к умирающему Святозар, схватил за плечо встряхивая.

Радомир посмотрел на него неодобрительно. Но Сезим услышал, и даже на миг появилось осознание в глазах. Чуть приподняв окровавленную руку, указал на полог и судорожно выдохнул. По телу прошла судорога, глаза невидяще уставились в засаленный потолок.

— Преставился. — Радомир провел по лицу Сезима, прикрывая омертвевшие глаза. «Бойся того, кто рядом с ней!» Что ж, и за то спасибо, никчемный человечек Сезим.

Святозар уже откидывал полог.

— Я забыл спросить, а ты чего вернулся — то?

Радомир положил голову покойного на пол. Перекрестился.

— Судьба повела, — ответил неохотно и, встав, направился к темному ходу.

Глава 13

В Мирное входили вечером.

Страж, молоденький паренек, зевал и смотрел в сторону от входящих путников, треская семечки из серого кулька и сплевывая на землю шелуху. На вопрос о том, где можно передохнуть и купить еды, махнул неопределенно и ушел к сторожке.

Тимир огляделся. Деревенька большая. Даже площадка у ворот камнем выложена. Домики стоят тесно друг к другу. Добротные избы, таких в их деревеньке не было. Из хорошего сруба, с резными оконницами и цветными штакетниками. За окнами видно не льняные серые, а хорошие домотканые занавеси с кружевами. Несмотря на клонящееся к закату солнце, люди явно на покой не собирались. Женщина в рясной одеже остановилась совсем рядом, поправила цветной платок, искоса и с интересом рассматривая путников.

— Припасы где купить можно? — обратился к ней Тимир.

Она смерила парня взглядом с ног до головы, на секунду остановила взор на косе, перекинутой через плечо. Хорош. Улыбнулась кокетливо. Мельком глянула на стоящих за спиной уставших девушек и старика. Девки совсем чахлые, да и старичок уж, видно, последние дни доживает, сморщенный, с неряшливо остриженной бородой, ростом от земли два вершка.

— Припозднились, рынок местный уж прикрыли. — Вернулась к созерцанию красавца. Он скользнул по ней холодным взглядом. Она нахмурилась и уже неприязненно добавила: — Вы в лавку к Горьяну ступайте. Это прямо по мощеной тропе, как окончится, сразу налево свернете. У него все есть. Там и отдохнуть сможете. — Снова постаралась улыбнуться и стрельнула глазами говоряще.

Пришлый изнеможенно кивнул своим спутникам и пошел дальше. Она обиженно глянула вслед. И бывают же такие! Уже собралась идти по своим делам, но замерла, вглядываясь в удаляющийся силуэт. Тень, стелившаяся следом, словно живая, ползла, извиваясь дымкой. Вот свернулась, вытянулась. Но даже не это заставило внимательно присматриваться. Девчонка с темными волосами. Что — то привлекало к ней чересчур пристальное внимание. Женщина задумчиво смотрела ей вслед, пока путники не скрылись за поворотом. И только тогда вспомнила, охнула, испугано прикрыла рот руками и бегом бросилась к дому деревенского

старосты.

Улицы широкие, с зелеными дворами и беседками, увитыми плющом.

Громко и звонко перелаивались псы. Прохожие поглядывали, кто с интересом, кто с неприязнью. Солнце последними закатными лучами играло в верхушках деревьев. Из ворот выбегали веселые разряженные подростки. На лавочках сидели, пощелкивая семечки, бабульки в пестрых платках и разноцветных одеяниях, под их присмотром визжала босоногая детвора. По деревеньке разносилась игра гармони, а девичьи голоса вытягивали незамысловатую песню о любви к добру молодцу. Аглая еле передвигала ногами. Ника устало смотрела в землю. И только домовой с хорем чувствовали себя уверенно. Тихон с любопытством осматривал местных жителей, то и дело восхищаясь яркими нарядами, коих в их деревне отродясь не было. Хорь, сидевший на его плече, кивал и заламывал в восторге лапки.

— Вроде пришли! — указал Тимир на избу с зелеными воротами. Рядом стояла скамья под навесом и высились яркие цветы в круглых клумбах. Осень их едва тронула рыжиной на краешках листьев. И они весело переплетались с красочным видом избы.

Отдельный вход с перилами и надписью: «Добре всяк входящему!»

Стукнув пару раз, Тимир открыл дверь. В нос тут же ударил запах трав, специй и жареного картофеля. Тимир вошел в длинное нутро лавки, пропуская остальных. Вдоль стен тянулись ниши с полками, заставленными самой различной утварью. «Овощи», — размашистым подчерком на тонкой доске, далее: «Для хозяек», «Мужчине», «Дворовое». Последнее больше всего удивило Аглаю, она прошла и заглянула за прилавок — топоры, вилы, лопаты, грабли. Забавно. И правда, для двора.

Позади скрипнули половицы. Она оглянулась. Тимир присаживался за круглый стол у окна. Тихон корячился на высокий стул рядом. Ника мимоходом схватила его за шиворот и водрузила на поверхность.

— Стареешь!

Тихон выпучил глаза, недовольно крякнул, обиженно отворачиваясь.

— Встречайте гостей, хозяева! — От голоса Тимира зазвенели стоящие на полках склянки. Аглая прошла к столу, села рядом с Тихоном. Тут же с его рук спрыгнул ей на колени хорь. Протянул, ластясь, мордочку.

— Слышим — слышим! — За дальней нишей приоткрылась дверь, и выскочил невысокий улыбчивый мужичок. — Я Горьян. Хозяин лавки. — Протер под круглыми очками подслеповатые глаза. Пригладил проплешину на голове и расплылся в самой благожелательной улыбке.

— Чего изволим, гости дорогие?

— Нам бы прикупиться в дорогу и поесть. — Тимир бросил на стол пару серебряников. Ловкая рука хозяина быстро сгребла монеты. Горьян торопливо откланялся и исчез в той же двери, откуда и появился. Не прошло и минуты, как он возник у стола с подносом и дежурной улыбкой. Поставил дымящуюся сковороду, пахнущую картошкой с грибами, обильно политыми сметаной. Тут же с круглого подноса были сняты: круглый хлеб с хрустящей коричневой корочкой, кувшин с темным напитком и несколько деревянных кружек. Первым за ложку схватился Тихон, короткие руки быстро заработали, запихивая в рот дымящуюся картошку.

Тимир молчаливо разломил хлеб, подал старику, тот схватил корку, начал торопливо жевать.

— Отменный аппетит! — усмехнулась Ника, с опаской рассматривая выловленный в сковороде гриб, посмотрела на мило уплетающего Тихона и сунула гриб в рот.

— Кушайте, господа хорошие! — появился рядом хозяин. — Как вам у нас?

— Хорошая деревенька, спокойная, — активно жуя, пробубнил Тихон. Аглая посмотрела на него недовольно. Он быстро сглотнул, поперхнулся в спешке и закашлялся. Ника нахмурилась, но не от вида домового, а пристально смотря на хозяина.

Тот же лебезил, улыбался заискивающе.

— Так чего же дурно быть. Мы со всеми хорошие отношения держим. Ни с кем не ругаемся… Мирное — то стоит на перевале между севером и востоком, всякий народ к нам заходит. Мы к ладу привычные.

— Со всеми! — тихо, недоверчиво пробормотала Ника. Тимир бросил на нее предостерегающий взгляд, а сам спросил:

— И нежить не досаждает?

Горьян растерялся на секунду, забегали глаза на внезапно испуганном лице, но он тут же улыбнулся, уставившись в пол.

— Так везде заборы, стража…

Аглая, только что начавшая жевать, замерла, смотря на Тимира. Он ответил легким кивком. Видели они эту стражу и ворота хлипкие, такие даже самого захудалого мертвяка не выдержат. А ты посмотри, деревенские все в богатых одежах, у каждого полный двор хозяйства. И темноты не боятся. Хозяин взгляд Аглаи заметил, сцепил руки за спиной, с опаской посмотрел на дверь.

— Вы кушайте, кушайте, — пролепетал бледнея. — Не нравится угощение?

— Очень даже вкусно! — откинулся на спинку стула Тихон, тяжело

выдохнул, поглаживая живот. С коленей Аглаи прыгнул хорь, схватил со сковороды картошку, сунул за щеку, сел на задние лапы, начал усиленно жевать. Хозяин аж рот открыл, тут же забыв о разговоре.

— Чудная зверюшка! — протянул удивленно.

— Ручная, дрессированная, — тут же поспешила ответить Аглая и шикнула на хоря.

— Др… др… сериваная? — Горьян снял очки и начал тереть их подолом рубахи. Снова водрузил на нос, присмотрелся к хорю.

— Что значит, десированая? Ишь какая чудная. У нас нет десированых.

Аглая растерялась. Спасла ситуацию Ника, внезапно улыбнулась хозяину.

— Ученая, — вставила глухим голосом, от которого у Аглаи по спине пошли мурашки.

— Ах вот как! — понятливо закивал хозяин. И сразу потерял к хорю интерес. Обернулся к Тимиру. — А чего прикупать будете? Пока почиваете, я соберу в дорогу.

Тимир кивнул.

— Соли, круп, какие есть, мясо вяленое. Воды во фляги, огниво.

— Все будет, — кивнул хозяин и скрылся из виду.

— Странный, — вслед ему протянул раскинувшийся на стуле домовой и широко зевнул.

— И не только он, — согласно кивнул Тимир. — Не нравится мне это всеобщее человеколюбие и умение со всеми ладить. Задерживаться не будем, передохнем на природе.

— Тем более что не привыкать. С мертвяками — то куда спокойнее, чем в Мирном, — Ника усмехалась, щуря глаза, играющие в глубине зрачка мутной синевой.

— И то верно, — столь же открытой ухмылкой ответил ей Тимир.

— А я чего, я только за! — Ника потянулась. — Слишком какое — то слащавое счастье вокруг. Прямо тошно. Чувствуется, вот должен быть подвох. Как будто в пряничном домике.

Аглая выдохнула. Как же Ника стала не похожа на саму себя. И эти странные ухмылки, бледное чужое лицо. Смотрит на Аглаю изучающе, будто и не знала до того. Мутно от ее взгляда. Страшно.

— Выйду я. Морит меня что — то здесь. Глядишь, так и лягу на лавке, — выдавила, пряча взгляд от новой Ники. Тихон взглянул участливо, он и сам осоловело хлопал глазами. Хорошо, что домовые не спят, иначе уж дрых бы. А вот хорь сопел прямо на столе, рядом со сковородой, блаженно

вытянув лапы. Да и Тимир посматривал разморенно, хотел было возразить, но махнул рукой:

— Далеко не отходи.

Аглая кивнула и направилась к выходу.

Воздух на улице хоть и теплый, но свежий. Откуда — то несло запахом свежескошенной травы. Удивительный, страшный, но такой прекрасный мир. Леса, наполненные живностью и чистыми реками. Не испорченные цивилизацией люди.

На скамейке напротив лавки сидела кучка подростков, пара девушек и три парня, толкались и смеялись. Светом им служила лучина в окне и луна в небе. Им далеко до Аглаиного мира. Им нравится простое общение, игры на гармони, танцы в деревенском клубе. Им хорошо.

Коренастый паренек ухватил одну из девчат за талию и громко поцеловал в щеку, та стыдливо махнула на него рукой.

— Отстань, Игнатка, прилипала, — звонкий смех.

Аглая сжала пальцы, болезненно вонзившиеся ногтями в ладонь. Игнатка. Совсем не похожий на ее Игната. Озорной, веселый, местный. Привыкший к своему странному миру. Аглая не привыкла, не хотела привыкать. Не ее это мир. Она шарахалась от каждого звука, страшилась уханья сов и воя волков. Ей чудились мертвые глаза в темноте и жуткие рожи бесов. Она все чаще думала о Стасе, которого видела Ника. А если и Игнат… Аглая с трудом подавила судорожный выдох, и почудилось, что на улице стало холоднее, а молодежь на скамейке слишком весела. До раздражения. До бешенства.

Аглая соскочила со ступеней и пошла вдоль улицы, подальше от веселых криков и гомона.

Они не виноваты, но она просто не могла их слышать. Больно. На душе. Когтями кошки дерущей. Граем воронов, никак не успокаивающихся и все следующих за ними.

Она ненавидит их. Этот мир и людей. Особенно этих — жителей Мирного. Слишком счастливы и беззаботны. Будто и не творится в их мире ничего ужасающего, заставляющего стыть кровь в жилах. Свет в окнах, дома богатые, люди радостные. Гуляют не страшась. А ведь на улицах не видно стражей, хоть и увещевал их в этом слащаво — добродушный хозяин Горьян.

Она остановилась рядом с небольшой харчевней.

«Сласти».

Гул веселых голосов из открытой двери, заразительный смех.

Чуть не столкнувшись с Аглаей, выскочила парочка, ойкнула и, смеясь,

скрылась в переулке. Аглая отошла в сторону, невесело усмехнулась, смотря в дверь, за которой одуряющее веселье, стук кружек с хмельным и игра баяниста, стучавшего радостно по клавишам. Неужели она завидует? Просто, по — человечески, завидует людям, у которых все хорошо? Она пнула попавший под ногу камень, тот докатился до порога и, стукнув, так и остался у ступени. Аглая отвернулась и направилась прочь. Завидует.

— Аглая? — Вопрос пронесся ознобом по коже, заставил ее остановиться и замереть. Она боялась оглянуться, чтобы убедиться, что ошиблась. Это не его голос.

Топот приближающихся шагов. Аглая зажмурилась. Не может быть. Ей кажется. Она слишком много думает о нем, вот и чудится.

— Аглая! — Дыхнуло в лицо смесью трав и небольшой долей спиртного.

Она распахнула глаза. Не чудится!

— Игнат! — И кинулась ему на грудь. Не в силах сдержать дрожь, прижалась, обняла. Всхлипнула.

— Ну, чего ты? — Он прижимал ее к себе, гладил по волосам и целовал в них. — Хорошая моя! Все замечательно, все хорошо, ну — у, ты чего плачешь?

Аглая вытирала накатившиеся слезы и повторяла, никак не в силах остановиться:

— Жив! Жив! — Как же страшно отпустить, разжать объятия.

Он глухо засмеялся.

— Конечно жив! — Он все же немного отстранился, взяв ее за руки, заглянул в лицо.

Слезы счастья бежали по ее щекам.

— Я…я… — пыталась связать сбивчивую речь. — Думала, ты, как Стас…

— Стас? — Игнат на секунду нахмурился, серая тень промелькнула по лицу, но тут же пропала, и он снова улыбнулся. — Идем, идем со мной. — И потянул к харчевне. Аглая не сопротивлялась, шла следом, крепко схватив его за руку. Она готова была идти, куда он захочет, только вот так, не расплетая крепко сжатых пальцев. Чувствуя его рядом с собой. От счастья кружилась голова, дрожали ноги.

— Это Аглая! Моя будущая жена! — громко провозгласил Игнат, подходя к столику, за которым сидели, бурно что — то обсуждая, пара мужчин и девушка блондинка, которую Аглая не сразу узнала.

— Алька!

У той округлились глаза. Блондинка вскочила, тряхнув локонами. В

ярких лазурных глазах блеснула радость.

— Ритка?

— Аглая! Садись. — Подставила стул, и сразу же к присевшей Аглае придвинулась чаша, полная вина. Рука Игната подняла ее и поднесла к губам девушки. Она послушно выпила. В голове стало легко и хорошо. Кто — то рассказывал веселые байки о том, как он встретился с нежитью и одолел. Рита задорно смеялась.

— Алька, я тебе столько всего расскажу! Ты даже не представляешь, как здесь хорошо! А я замуж скоро выхожу. Увидишь моего жениха — закачаешься! — Голос звонкий, и глаза ярко — синие, так и блестят. Тонкие пальцы, ухоженные, белые, скользят по бокалу. Аглая бросила взгляд на свои руки. Раны и ссадины, ногти неровные, и стало неудобно перед этой холеной женщиной.

Аглая перевела взгляд на Ритку.

Как же она изменилась. А ведь была скромная, слова лишнего не скажет, в глаза смотреть боится. А сейчас… Сама только что сказала о будущем замужестве, но как видно, это не мешает ей заигрывать с другими. Она томно поглядывала на одного из мужчин, перекидывала нога на ногу, неприлично выставляя их напоказ в обтягивающих брюках, прятавшихся в высокие черные сапоги. Серая блуза с глубоким вырезом, позволяющая увидеть ровно столько, чтобы желать. Поверх нее меховая безрукавка. На щеках румянец, на запястьях тонкие кожаные браслеты, выгодно выделяющие и без того белую кожу. Какая же она красивая! Аглая никогда бы не подумала, что Ритка может так выглядеть! А та смеялась, запрокидывая голову, тряся локонами волос. Подмигивала Аглае и улыбалась какой — то завораживающей улыбкой.

Еще одна чаша ткнулась в губы, Аглая послушно выпила. И стало совсем хорошо. Харчевня с деревянными столами, за которыми веселые люди. Хмельное, пузырящееся в пузатых кружках, проливающееся пеной на столы.

И уже не было в мыслях ни прошлого, в котором они шли через дебри, ни Обители, где их, возможно, ждало возращение. Возможно! А нужно ли оно ей? Игнат — вот он, рядом. Шепчет успокоительно:

— Ты со мной! Все замечательно, хорошая моя!

— Как же ты был мне нужен! — тыкалась в его грудь Аглая. Он целовал ее лицо, и было совсем не стыдно, что вокруг незнакомые люди. Снова хмельное лилось. И горячие пальцы сжимали ее ладони, губы прикасались в нежном поцелуе.

— Идем!

Аглая не помнила, встала ли она сама, или он взял ее на руки. Харчевня крутанулась перед глазами. Скосились деревянные столы. И тут же все пропало.

Ночь.

Темные дома с тусклыми оконцами горящих в них лучин.

Кто — то, проходя мимо, задел Аглаю.

— Извините.

Она не увидела прохожего.

— Идем! — горячий шепот Игната.

Высокие перила, комната. На мягкую кровать она опустилась сама. Перед глазами мелькнули стыдливо прикрывающие лунный диск занавеси.

— Ты со мной! — тяжелым, прерывающимся от желания голосом. Она выгнулась навстречу. Руки торопливо скользнули под одежду, срывая ее с тела Аглаи. Ладонь сжала грудь. Аглая тихо застонала, запустила пальцы в густые темные волосы.

— Аля!

Его рука опустилась ниже, начала гладить живот, и снова вниз.

Аглая испустила судорожный выдох.

Щека коснулась щеки, губы искали ответ и находили его, язык проникал так глубоко, что становилось трудно дышать.

— Как же ты был мне нужен, Игнат, — проваливаясь в надвигающуюся волну наслаждения.

— Я с тобой! — дрожащим от желания голосом.

* * *

Хмель отпускал тяжело. В голове продолжали бродить опьяняющие разум пузырьки, отчего клонило ко сну. Но стоило прикрыть глаза, как мир начинал вертеться дикой каруселью.

«И чего я так напилась?»

Аглая куталась в простынь, спиной опираясь на сидевшего позади Игната. Он одной рукой прижимал ее к себе, другой гладил растрепанные волосы.

— Тебе было хорошо?

— Хорошо! — эхом по маленькой комнатке.

И тут же набатом в голове боль. На душе заскребли кошки, как будто сотворила нечто постыдное. А что она сделала? Не маленкая вроде уж. Да и с собственным парнем. Но все равно скребет. Он жив! Но почему он не

пошел искать ее? Что случилось со Стасом? Они же были вместе. Хватит! Она не будет о том думать, не станет омрачать радость встречи. А с чего она решила, что его ответы омрачат ее радость?

Ну вот, как рукой сняло то желанное удовольствие, что владело ею еще минуту назад. Тревога, да такая, что сердце сжалось. А ведь ей и правда очень не хватало его в лесу, когда было, ох, как страшно. И в Древе перед бесами, как же она хотела, чтобы он был там и защитил. А теперь он здесь, живой. А радость пропала вместе с вопросом: «Тебе хорошо?» Нет! Ей плохо, ей все время, с тех пор как они попали сюда — плохо. А его не было. Он был здесь — счастливый и довольный. И по всему видно, даже здесь пользовался успехом! И ей отчего — то разом стало одиноко рядом с ним. И сердце защемило.

Хмель отпускает.

А ведь ее уже друзья потеряли… Друзья? Теперь она друзьями считает бородатого домового, пушистого хоря, темного жреца и даже Нику, так не похожую на саму себя. Вот только сил оттолкнуть Игната, одеться и уйти нет. Да и желания тоже. Куда она пойдет? К Обители? И снова они будут ночевать в лесу у коряг, в сырости. Смотреть в глаза смерти и нежити, может, и кому похуже. По их следу будут идти соглядатаи, а они будут шарахаться и бояться.

У Игната все по — другому — радость и беззаботность даже в этом страшном мире. Буквально вечером она завидовала жителям Мирного, а теперь у нее есть возможность и самой так жить.

Она взяла руку Игната, поднесла к губам, поцеловала. Он ловко повернул Аглаю к себе лицом. Она обняла его, тесно прижимаясь к горячему телу, скользнула губами по шее, отпустила прикрывающую ее наготу простынь, та легко слетела на кровать. Игнат сильнее притянул Аглаю к себе. Губы скользнули по лицу, по подбородку к ее губам. Рука прошла по изогнутому телу. Аглая тихо выдохнула и, прижавшись к Игнату, ответила на его поцелуй…

* * *

Староста поселка не спал. Стоял недалеко от лавки Горьяна. Чужаки были внутри. Староста видел, как один, высокий парень с косой до пояса (где это видано — парень с косой?) ходил по лавке из угла в угол. Нервничал. Староста и сам нервничал. С тех пор как в его дом пришла мельникова дочь, ему разве что и оставалось нервничать. Не верить ей он

не мог, та за просто так говорить не будет. У нее глаз зоркий. Девка — ведьма у них в Мирном. А ведь они предупреждены были.

А сейчас и сам начальник Китаровской стражи к ним приехал. Неспроста! Чуял, что ведьма здесь пройдет. Да и как иначе, другого поселения между севером и востоком нет. Староста паренька — стража к ним отправил. Да тот до сих пор не вернулся. Потому и стоит здесь староста. О нраве нового военачальника наслышан от прохожих из далеких селений. Как поговаривали, деревеньку, откуда ведьма путь начала, под корень выжгли. А Древ! Там вроде бесы на след вышли, а взять не смогли, так и тех, кто из соглядатаев жив остался, прямо в Древе обратно в ад отправили, а хозяйку, что на постой ведьму пустила, повесили. А ведь он ее знавал. Хорошей бабой была Данка. И умной. Ох, как нехорошо выходило. Не оплошать бы. Мирное давно под Хладовским крылышком темным обитает, оттого к ним и нечисть не забредает. И чего это хлопец не возвращается? Уж привел бы соглядатаев да начальничка. Им — то, наверное, лучше знать, что с ведьмой делать. И уж солнце зашло, темень, все небо тучами затянуто, ни звездочки. Староста поплотнее запахнул армяк.

Влагой тянет, к дождю.

Однако ни хлопцев, ни соглядатаев все не было. Старосту начинало трясти от прохлады и волнения, а улица была пуста. Он шмыгнул носом, достал огниво и самокрутку, та дрожала в руках и никак не желала распыхиваться.

— Бросай курить, староста. — Голос словно из — под земли, глухой, шепелявый, женский. Самокрутка выпала из непослушных пальцев.

Староста поднял глаза на говорившую и приглушенно вскрикнул.

— Нехорошо, — погрозила она. Длинный лохматый балахон тянулся по земле, скрывая ту, которую окружала живая темная сила.

— Бог с тобой, — едва слышно залепетал староста. — Откуда ж ты взялась, поглощенная жрица? Разве ж не было договора?..

— Не со мной ты тот договор заключал… — прошелестел голос, она дотронулась до изгороди, у которой стоял староста, и та почернела, треснули жерди от верха до самой земли.

— А как же стражи соглядатаев за околицей? — Голос задрожал, осип разом от ужаса.

— Были, да все вышли! — жутко, с тихим смехом провещала нежить. — И думаю, с вас станется. Все, старейшина, закончились светлые дни Мирного. — Ухмыльнулась перекошенным ртом и направилась к дому, а вслед за ней почернели цветы в клумбе и, скрипнув, обрушилась вывеска

Горьяновской лавки. Староста глухо застонал и осел на землю. И за что им такое? За какие грехи? Поглощенной жрицы только и не хватало! Уж он — то знает, чем чревата встреча с такой. Сама нежить и тебя нежитью сделает. Душу вытянет. Во тьму отправит. А тело… В отличие от жрицы, в уме твоем навряд ли хоть искорка сознания останется.

Давно нежить по окраинам Мирного не бродила.

Старейшина вскочил и бросился к собственному дому. В хату родную вбежал не разуваясь. Быстро побросал в суму пару рубах, штаны, вывел из стойла рыжего коня. А всего через несколько минут одинокий всадник покидал Мирное, не видя, как за ним из ближайших деревьев следят пристальные синие глаза.

— Побежали крысы с корабля, — усмехнулась Нейла вслед старосте и села обратно на пригорок, начищая острым ножиком тонкую палку и изредка поглядывая на распластавшиеся рядом трупы бесов — соглядатаев и худого паренька, стража поселка Мирное.

* * *

Тимир нервно ходил вокруг стола, скрипели под сапогами доски. Из — за прилавка настороженно поглядывал на него Горьян, суетливо переставляя с полки на полку вещи. Ника упрямо сжимала губы. Тихон чесал затылок.

— И куда могла запропаститься?

Тимир зло глянул на домового. Хорь под его взглядом юркнул к Нике, та шикнула, зверек запищал, Тихон покачал головой и взял хоря на руки, успокоительно почесал его за ухом.

— И где ее искать? — Тимир негодовал. — Сказал же, не уходить далеко!

— Так, может, она сейчас вернется? — пролепетал Тихон, поправляя края сумы, стоящей в ожидании на столе.

— Вернется? Только пусть вернется! — прорычал Тимир. И вдруг замолчал, остановился. За дверью хлопнула обрушившаяся вывеска. И тут же послышался треск крыши. Тимир уставился на потолок. Шаги, от которых посыпалась с деревянных рей труха. Глаза Тимира распахнулись, потемнели. Замерла у стола внезапно побледневшая Ника.

Шаги остановились над столом. Туда же уставились взгляды. С минуту все созерцали увиденное с молчаливым потрясением, а после… Тихон взвизгнул совсем по — женски и кинулся за лавку. Испуганно заверещал

хорь, пытаясь забиться к домовому под одеяние. Хозяин, обхватив голову руками, бросился в подсобку.

А на потолке медленно разрасталось черное пятно, трещали балки и осыпались прахом, пока не образовывалась дыра, из которой высунулась тощая костлявая рука и погрозила пальцем.

— Поглощенный! — чуть слышно прошептал Тимир, остолбенев. А из пятна уже появилась вторая когтистая рука.

— Поглощенная! — глухо поправила Ника и начала пятиться к стене.

— Тихон! Ты же домовой! — прошипела она, когда отсупать далее стало некуда.

Старик выглянул из — за лавки. На секунду в глазах пояивлось недоумение, а потом он подпрыгнул и кинулся к двери.

— Вот тебе и защитник очага! — вслед ему буркнула Ника и смолкла, так как Тихон открыл дверь нараспашку и бросился к Тимиру. — Гони ее в дверь! — крикнул, заскочив на спину будущего жреца. Тот не сразу пришел в себя, тогда из — под полы Тихона выскочил хорь и впился Тимиру в ухо. Он закричал, одним прыжком оказался у полки в надписью «Дворовое», схватил вилы и оглянулся как раз в тот момент, когда из дыры на пол вытянулась высокая черная тень в балахоне. Тонкое, почти прозрачное лицо поглощенной жрицы ухмылялось и скалилось. Она обвела всех в комнате взглядом черных вращающихся глаз, остановилась на Нике.

— Ты? — жутко прошелестел голос из — под земли.

— Не пугай! — сложив руки на груди, выплюнула Ника. — Пуганые.

Поглощенная зло сверкнула глазами, баночки на полках покрылись тонкими трещинами и лопнули, высыпая содержимое.

— Мне сказали, за ведьмой идем. А тут… Сколько брожу, мечтаю в глаза твои посмотреть.

— Так смотри! Когда еще удастся… — сквозь зубы выговорила Ника. — Только тебе это уже не поможет.

Жрица сощурила глаза. И вдруг засмеялась.

— Так ты ж пуста!

Лицо Ники стало напряженно — бледным. Поглощенная потянула к ней руку. С пальцев сорвались нити тьмы, выпрыснулась чернота из — под балахона. Пол под ногами затрещал.

— Не твой дом, не тебе и властвовать! — голос Тихона рявкнул на все жилище. И нити извились, оборачиваясь к домовому, на которого перевела пустой взгляд сумеречных глаз поглощенная жрица.

— А это кто у нас здесь? — всмотрелась. — Домовой, а с ним… — глянула на показывающего ей дрожащий кулак хоря.

— Брысь! — вилы ткнули ее в бок. От удивления поглощенная подпрыгнула на месте. — Юнец! — и насторожилась.

На всю комнату поплыли слова Тихона.

— Мой дом защити, непрошеного гостя выведи. Мой дом…

— Не твой! — рыкнула жрица, доски покрылись чернотой, заскрипели, лопнув, вылетели рамы вместе со стеклами.

— Мой дом! — выл Тихон. — Мой дом…

И что — то щелкнуло у самого порога.

— Мой дом! — донеслось злое в ответ. — Кто хозяйничает в нем. Во — ооон!

Старик ростом с Тихона в шапке ушанке и пестром кафтане стоял у самой двери, длинная рыжая борода тряслась от негодования.

Поглощенная жрица застыла. Зашевелились почерневшие доски. Затрещала крыша. Вилы тыкались в бок. Она бы ответила, но на нее смотрели два домовых, и спорить с ними здесь… Она бы могла… За спиной потянуло холодом, это Ника, так глупо признанная Нейлой за ведьму, пыталась скинуть преображение. Чужое тело сковывало ее, не позволяя использовать остатки силы. Жрица вскользь усмехнулась: куда опустошенной призвать что — то там против нее, поглощенной — источника настоящей силы. Вот ее — то она и заберет с собой, покидая сей нерадушный дом. А там уж они разберутся с глазу на глаз. И она знает, кто выйдет победителем из той схватки. И как же будет приятно, зная, что это ее вина в том, что поглощенная так и не смогла стать настоящей живой жрицей. А ведь она должна была быть светлой. Она должна была молиться богам и приносить пользу живым.

Ненависть клокотала, вырываясь клубящейся тьмой.

— Со мной пойдешь!

Глаза Ники расширились.

Жрица потянулась к ней нитями тьмы. И дрогнула.

Сила ударила в спину. Огромная, черная, поглащающая ее собственную. Заставляющая не повиноваться ей. Она обернулась. Чужая тьма спуталась с ее тенью на полу, вбирая ее в себя.

— Жрец! — сумеречная заскрежетала зубами. — Темный! Живой! Не просто темный… — Она завизжала.

— Во — он! — двуголосый крик домовых заставил дом содрогнуться. Поглощенная рухнула на колени, подчиненная чужой воле.

— Во — он!

Хорь на плече Тихона злорадно щерился, хлопая лапами, словно в ладоши.

Чувствуя, как отрывается от нее собственная сила и уходит к жрецу, поглощенная, воя и выламывая себе кости, все же вскочила на ноги. С ненавистью зыркнула на всех и, подхватив подол балахона, огромными скачками кинулась из дома.

В шаге от порога оглянулась на бледную Нику.

— Мы еще встретимся, Верховная! — И бросилась к выходу.

В этот самый момент дверь открылась и вошла Аглая.

* * *

«Я всего на полчасика. Я вернусь. Мне нужно сказать, что я ухожу…»

Игнат смотрел с тоской.

«Кто они? Друзья? Родственники? Ты никому ничего не должна обьяснять!»

Аглая отвернулась, начала одеваться. Он схватил ее за руку, целуя пальцы. Она отпрянула, вырывая ладонь. Слишком резко и порывисто. Он так и застыл, смотря на нее. Аглая и сама не могла обьяснить, отчего ей вдруг захотелось уйти. Стыдно перед теми, кто ждал ее в лавке? Нет. На душе нехорошо. Тягостно. И после того как прошла первая радость, начала глодать душевная тяжесть. А еще маленькими искорками — недоверие. Она все же спросила о том, что ее волнует. Но ответ ее не успокоил. А может, все же стыдно? Она представила, как посмотрит на нее Тихон, покачает седой головой. Ника усмехнется молча, последнее время это у нее в привычке. А Тимир… Сердце сжалось. Вот оно. Ей отчего — то стыдно именно перед Тимиром. Но она ничего ему не обещала, ничего не должна. Он ей никто. Но он посмотрит осуждающе серыми пронзительными глазами, в которых черными воронками закружит тьма.

— Я пойду. — И вышла не оглядываясь.

* * *

— Вовремя пришла!

Аглая изменилась в лице. Женщина, устремившаяся к ней, была страшна. Испещренная глубокими бороздами кожа свисала с уродливого лица. Огромные полоумные, провалившиеся вовнутрь белесые глаза с бешенством смотрели на остолбеневшую на входе девушку. Поглощенная нервно засмеялась скрипящим голосом, растянула кривой рот и протянула

к Аглае костлявую руку, выглядывающую из изодраного рукава балахона.

Хорек среагировал первым. Увидев Аглаю, зарычал и кинулся на нежить. Остервенело вцепился в протянутую руку. Поглощенная жрица взвигнула, махнула рукавом, стряхивая зверька, он раскачивался тряпочкой, рычал, но не отпускал. От Тимира к ней метнулась тьма. Поглощенная схватила хоря за хвост, оторвала от руки вместе с куском ткани и плоти и швырнула во тьму улицы, тот взвыл от боли. По руке жрицы заструилась темная густая кровь. Она устремила ненавидящий взгляд на Аглаю.

Слова жуткие, рвущие потусторонним визгом ушные перепонки, вылетели из перекошенного рта жрицы. Вокруг Аглаи все померкло. Воздух стал густым, болезненно сжались легкие, не давая дышать. От стоявшей в шаге поглощенной пахнуло смрадом. Аглая пошатнулась, кроме серой вонючей мглы она больше ничего не видела. Повинуясь неведомой силе, сделала шаг и протянула руку навстречу жрице.

Ничего нет. Ни мира, ни ее, никого вокруг.

Только мгла.

А в ней глаза, пылающие ненавистью и злобой.

Аглая сделала еще шаг.

В мозгу сверкнула иглой яркая боль.

Жуткий заговор поглощенной въедался в сознание, вытягивал его, подчиняя себе. Аглая сжала голову руками.

— Не смей! — голос Тимира рявкнул совсем близко. И нежить взвыла.

Болью стукнуло в виски Аглаи и тут же отпустило. Но тело продолжало дрожать.

— Тимир! — голос едва слышный, глухой. — Не надо!

Тьма взвилась смерчем, вышвыривая из дома обоих домовых. Пронзительно закричала у стены вжатая в нишу Ника. Поглощенная завопила и кинулась в открытую дверь, расплываясь на бегу в черную вязкую тень.

Аглая пыталась хоть что — то увидеть сквозь мрак. Дрожа всем телом, шагнула вперед на качающихся ногах.

— Остановись, Тимир! Ты не совладаешь! Остановись!

— Аглая! — Не голос, шепот тьмы, свист потустороннего вихря.

— Остановись! Хватит! Она ушла!

Руки нащупали тело Тимира. Аглая обняла его и содрогнулась, чувствуя, как глаза разом застлали накатившиеся слезы. Тимир — холодный, не дышащий, стоял посреди комнаты, а вокруг бесновала и кружила тьма.

— Тимир! — вдохом в лицо. Ощущая, как окатило все тело жаром, а в

голове вспыхнул свет, словно яркое солнце, разгоняющее тьму. И тьма застыла. Постояла минуту стеной, отрезая Аглаю, обнимающую Тимира, от мира и осыпаясь прахом.

Аглая вместе с телом Тимира рухнула на пол.

Тихон ворвался в дом, тяжело дыша, второй домовой вошел, хромая, сокрушенно обвел лавку взглядом и, крутанувшись, пропал.

Аглая заставила себя открыть глаза и поднять голову. Она лежала, вцепившись в плечи Тимира, на сером лице его расплылись темные круги.

— Он умер? — сдерживая зубную дробь, подошла Ника.

— Живая! Вернулась! — кинулся к Аглае домовой, рядом выл, ковыляя на одну лапу, забравшийся в дом через разбитое окно хорь.

Аглая приподнялась, не в состоянии отвести взгляда от лица Тимира. Сколько они прошли вместе? Немало. Он не был добрым, злым не был. Черная морда волка, таким он вставал в памяти, в полной страхов ночи в лесу, когда вдруг изменилась Ника. Стала чужой и далекой, а Тимир после того будто старался быть рядом с Аглаей. Следил за каждым шагом. Она это чувствовала и не знала — то ли боялась, то ли остерегалась. Помнила, как участливо покачивала головой Тала: «А не дойдет, поглотит его сила?»

Аглая в страхе вглядывалась в посеревшее лицо. Поглотила? Что станет дальше? Станет жрецом поглощенным? Нежитью?

Выл, склонившись над Тимиром, хорь.

— Что с ним? — Тихон стоял, вцепившись в плечо Аглаи.

— Сила, слишком много, — ответила Ника.

Аглая испуганно глянула на Нику.

— Поглотила сила?

Ника положила руку на лоб, наклонилась низко и облегченно выдохнула.

— Не до конца. Но не жилец.

Аглаю затрясло. Слезы, катившиеся по щекам, застыли от боли, от напряжения.

Ника посмотрела на нее, поморщилась.

— У тебя же бабка знахаркой была. Вот и помоги ему.

— Я?.. Я не умею!

Ника схватила Аглаю за рубаху, тряхнула так, что затрещала ткань.

— Ты умеешь! Ты все умеешь… Ты бесов из Древа уничтожила! В твоих руках Клинок ведьм нечисть в прах обратил. В тебе сила. Ты… только что свет призвала, чтобы тьму изгнать, — она замолкла, тяжело выдохнув. — Выбросы силы такой неспроста… Ведьма как есть.

Аглая смотрела на нее широкими глазами. Ника покачала головой,

криво усмехнулась.

— Вот точно знаю, не приведет меня к добру моя доброта, — и закрыла глаза. Руки легли на грудь Тимира. Губы зашептали. Аглая во все глаза смотрела на ту, что была когда — то Никой. А она пребражалась, лицо чуть вытянулось, волосы, успевшие непостижимым образом отрасти за время похода почти до лопаток, свернулись кудрями.

Тихон в благоговении стоял, прижимая к себе округлившего глазенки хоря.

— …свят, свят, — внезапно схватила Ника руку Аглаи. — Где кинжал?..

— В суме, — прошептала Аглая.

Ника, не разлепляя век, кивнула Тихону, тот опрометью кинулся к суме Аглаи, сброшенной в пылу боя в угол. Вытащил из него кинжал с витиеватой ручкой, протянул Аглае.

— Режь, — кивнула Ника на запястье Аглаи. Та взяла в руки кинжал. Блеснуло тонкое лезвие. — Режь, прямо на грудь!

И Англая резанула по ладони, закусила от боли губы. Тонкая струйка, клинок блеснул, свет его спутался с кровью и потек вниз на грудь Тимира. Капли пропитали рубаху, проникли под кожу. По телу Тимира пошла судорога. Он затрясся.

Шепот Ники, но такой, от которого пошел гул по раскуроченной лавке. Внезапно рванул порыв ветра, стукнула о косяк дверь, и тут же все успокоилось. Тимир замер, вытянувшись.

— …свят!

Ника открыла глаза.

— Теперь только время. Должно быть не слишком долго.

Ставшая неузнаваемо бледной, дрожа всем телом, поднялась и, шатаясь, отошла к стене. И уже там, припав к ней спиной, сползла на пол. Оттуда прошептала:

— Чему там тебя Тала учила, травки какие давать, силы востонавливающие, помнишь?

Аглая рванула подол рубахи, отрывая кусок, перебинтовала себе ладонь.

Тихон вскочил.

— Хозяин!

— Черт я лысый теперь, а не хозяин! — донесся вой из подсобки.

— Да ладно, востановим! А то прошлым летом не востановили, когда охотники из соседнего села здесь посиделку, а после пострелялку и поджигалку устроили! — Показался из угла второй домовой и подковылял

к Аглае.

— Чего вам, гости дорогие?

— Травы. Всей, какая есть!

Домовой усмехнулся.

— Легче, какая осталась. — Направился к перебитым полкам выискивать разбитые баночки, собирая разбросаную траву. — Вот, пожалуй, и вот… — начал протягивать Тихону. Тот подавал Аглае. Она нюхала. Хорь стоял рядом, совал нос в каждую травинку.

— Нет, нет… — Хорь согласно кивал. Вдруг схватил одну и запищал. Аглая взяла, нюхнула. — Точно, эта. И еще нужно…

Хорь кинулся к домовым, роющимся в битых склянках и кучках рассыпаной травы. Начал перебирать каждую внюхиваясь. С радостным писком кинулся к Аглае.

— Оно! Воды холодной!

Дрожащими пальцами заливала смесь. Лишь бы не ошиблась. Надтреснутая миска коснулась губ обессиленной Ники.

Снадобье потекло по губам.

— Кем бы ты ни была, надеюсь, это поможет.

Ника вцепилась в снадобье, осушила одним глотком.

— Поможет, куда денется. Тала всегда была знатной знахаркой.

Хорь при этих словах засуетился и спрятался под стол.

Аглая взяла из рук Ники чашу, внимательно смотря в преображенное чужое лицо.

— А кем была ты?

Ника подняла на Аглаю взгляд, слабо усмехнулась и тут же перевела взор в комнату. Там послышалось кашлянье. Аглая вскочила, тут же забыв о преображенной подруге и о вопросе.

— Тимир!

— Я же говорила, только время… — в спину ей шепнула Ника. А про себя добавила: — Темные жрецы, светлые ведьмы! Дежа вю! Боги, вы, пожалуй, издеваетесь надо мной!

— Тимир! — Аглая рухнула рядом.

Он слабо улыбнулся, и тут же лицо его изменилось, став злым. Он не спеша сел.

— Где ты была? — выдохнул гневно.

Аглая отползла на шаг от него.

— Мы с Никой тебе только что жизнь спасли.

— Плевать, лучше б сдох. Я тебя спрашиваю, где ты была?

Аглая поднялась, бросила виноватый взгляд на Нику и замершего

рядом Тихона, потом перевела его на поднимающегося Тимира.

— Я видела Игната, — голос ее дрогнул, и она прошептала совсем тихо: — И я остаюсь с ним.

* * *

В темном небе собирались тучи. Ветви дрожали в предчувствии новой грозы. Нейла стояла, всматриваясь в отсветы окон в деревне Мирное. От ворот отделилась тень и скользнула по тропе, двигаясь к ней.

— Там? — спросила Нейла.

Нежить кивнула.

— Девчонка и правда ведьма?

— Ведьма, — подтвердила поглощенная и сощурилась. Говорить ли советнице, что не та девчонка ведьма? А та, которую за ведьму приняли, на самом деле жрица. Да не просто жрица… У поглощеной лицо свело от судороги при мысли о ней. Навья Верховная жрица равновесия, Гаяна. Та, что принесла проклятие на земли Велимира. Та, что может их снять. По крайней мере, с нее.

Нейла смотрела на поглощенную. И та ничего не сказала о ведьме и Верховной. А проговорила чуть слышно:

— Но она не так важна.

Нейла посмотрела непонимающе.

Поглощенная усмехнулась. Мысли ее возращались к Верховной. Сколько поглощенная ходит по миру? Уже и имени своего не помнит, а ее помнит — Гаяна. Не от того ли, что ждала и надеялась встретиться, в глаза посмотреть… Дождалась. И она знает, что нужно делать дальше.

— С ними не владеющий силой жрец. Темный. И если он дойдет до Обители…

— Китар?

— Мальчишкой рядом с ним будет, — кивнула поглощенная. — Молодой и сильный. За все поколения силу набрал.

Нейла удивленно посмотрела на нежить.

— Верховный?

Поглощенная кивнула.

Нейла поднялась, вытерла о плащ враз взмокшие ладони.

— Нам нужна сила, вдвоем не справимся…

Задумчиво вздохнула, глядя на огни деревеньки, и вдруг улыбнулась.

По темной улице Мирного мужчина нес на руках девушку. Нежно

слишком и трепетно для того, кто, по слухам, уничтожал целые деревни.

— Я знаю, кто нам поможет.

Глава 14

— Ну и что, что ведьма? Дара у меня нет. — Аглая упрямо смотрела на взбешенного Тимира. Как сказать, что она чуть не умерла здесь рядом с ним, когда он перестал дышать? Что поняла, как страшно ей увидеть его поглощенным. Еще страшнее чувствовать, как гулко отбивает сердце, когда он рядом, и знать — вера в то, что он дойдет до Обители, ничтожно мала. Это сегодня его Ника спасла, а завтра? А она, Аглая, так вообще ничего сделать не сможет одна, потому что не переняла дара от бабушки. И она боится, хочет сбежать от этого, закрыться от всего в спокойном мире Игната.

Тихон стоял в углу и качал головой. Ника сидела за столом, с отрешенно — ледяным спокойствием потягивая чай из деревянной треснутой кружки. Хорь метался от Тихона к Аглае и в надежде заглядывал в глаза.

— Я только и хотела вернуться домой… быть с близкими.

— А он пообещал вернуть тебя домой? — Ярость на лице Тимира сменилась издевательским интересом.

Она не выдержала, отвела взгляд.

— Я буду рядом с близким, родным мне человеком!

— Близким? Родным? — взвыл Тимир и зло саданул кулаком по столу. Ножки покосились, и деревянная столешница рухнула. Хозяин лавки бросился к разъяренному Тимиру.

— Не губи, господин!

Тимир схватился за голову.

— Где он был, твой близкий и родной все это время? Ты спрашивала, как так вышло, что друг его мертвяком по лесам шастает, а он в местных кабаках отдыхает и ханку жрет?

— Они разминулись, — боязливо покосилась Аглая на Нику, но та, казалось, совсем уже не переживает о Стасе. Хотя разве она Ника?

— Да? — Тимир сложил руки на груди. — Знаешь, я охотно верю. Ему же, как я понимаю, не впервой бросать… близких и родных!

Аглая побледнела.

— Ты не смеешь так о нем…

Он шагнул близко, вцепился в подбородок Аглаи, заставив смотреть на него. Серые глаза потемнели, дыхание стало прерывистым, с хрипотцой.

— Дура! — сказал с чувством и отпустил. Отступил от нее слишком

быстро, сжав руки в кулаки. — Цепляешься за прошлое, за жизнь, которой у вас с Никой уже никогда не будет! Просто девчонка, маленькая, потонувшая в своей придуманной от ничегонеделания любви, которой на самом деле и нет. Иначе и тебя бы сейчас здесь не было…

— Оставь ее, — поднялась Ника, подошла к Аглае, усмехнулась в лицо. — Спасибо за зелье не говорю. Идем, Тимир, — положила руку ему на плечо. И от этого жеста Аглае стало не по себе. Слишком уж уверенный, собственнический жест. Тимир не сопротивлялся, скривил губы в саркастической ухмылке, не отстранился. Лишь слегка кивнул на прощание.

— Тихон, ты с нами?

Домовой кинул на Аглаю сочувствующий взгляд, пожал плечами и уныло побрел вслед за выходящим. И только хорь метался туда — сюда, пищал, заламывал лапы. Остановился посреди лавки, вздохнул горестно, махнул хвостом по мордочке, скидывая слезу, и поскакал следом за Тихоном.

И только когда хлопнула закрывающаяся дверь, Аглая позволила себе судорожно, навзрыд выдохнуть. Опустошенно опустилась на лавку у разбитого стола. Как же так вышло? Вот оно вроде мирное будущее рядом, в доме на соседней улочке. Будет ждать ее, улыбаться до боли родной улыбкой. И никто, никто не рад за нее! А она сама рада? Сердце рвется следом за ушедшими. И душу щемит так, что сил нет держаться. Оттого и слезы бегут ручьем. Разве ж они поймут? Она просто не может быть рядом… Она боится, она так долго боялась. Ника уже не Ника. Тимир того и гляди поглотится. И она останется одна! Одна в чужом мире! А с Игнатом спокойно. Он обещал. Он никогда не оставит ее… Она никогда не останется одна. Но ведь уже оставлял! Там, у болота… Он бросил ее и Нику… А Ника… Пусть она уже чужая, но ведь они столько прошли вместе. Она просто развернулась и ушла. И Тихон, и хорь, и… Тимир.

И уже саму не радовало вновь обретенное счастье быть рядом с «близким и родным». Близким и родным? Такими последнее время были Ника, Тихон… Тимир.

Они ушли.

Их больше нет.

Аглая поднялась. С тоской посмотрела на дверь. Рвануть следом, догнать и сказать, что ошиблась. Они важнее. Они родней и ближе… Быть до последнего вдоха Тимира рядом. Резать ладони и трясти ту, что заняла место Ники, чтобы она возвратила его! И может, они все же дойдут до Обители… А там… там… Кто там? Если ведьма она сама? И перед глазами

встало страшное лицо поглощенной жрицы. Такими пустыми глазами будет смотреть на нее Тимир. И все же… Аглая поднялась и рванула к двери только для того, чтобы встретиться лицом к лицу с входившим в лавку Игнатом.

* * *

Игнат поторапливал.

На улице уже стемнело, но в отличие от прежнего дня не было слышно пения, не ходили люди. Непогода, разыгравшаяся со вчерашней ночи, разогнала люд. Кому хочется прогуливаться на сыром стылом воздухе, да к тому же по слякоти.

В поселковом доме Игната было тепло. Уютные шторы на небольших оконцах, меха на полу и диванах. Кровать под широким балдахином. Аглае никуда не хотелось. Но Игнат тянул.

Кинув Аглае плотный плащ, подбитый внутри мехом, улыбнулся.

— Ты прекрасна.

Еще бы. Ритка уложила ей волосы в локоны.

— Красавицей будешь! — смеялась, подмигивая лукаво и поправляя лиф собственного платья. — Я тоже ничего! — Подвела черным заточенным угольком глаза, предлагая его и Аглае.

— И платье чудесное! — ворковала, помогая Аглае одеваться. Длинное темно — зеленое в пол, оно выгодно подчеркивало ореховые глаза. Из декольте видно ровно столько, сколько и положено уже почти замужней девушке.

— Готовы? — вошел Игнат. Рита отступила к стене, сделала легкий поклон и шмыгнула в дверь.

— Все будут в восхищении! Мы будем вместе вечно! — Игнат коснулся губами ладони Аглаи. Она смотрела на себя в высокое зеркало и радости Игната не поддерживала. Он сам пришел за ней в лавку Горьяна. Долго молча сидел рядом, осматривая разоренное жилище. Хозяин заплетающимся языком пересказывал произошедшее. Игнат хмурился, смотрел недобро. Аглая никогда не видела у него такого лица, даже испугалась, ее ли это Игнат. За последнее время не единственный изменившийся.

— Тебе не стоит оставаться здесь, — шепнул тихо, подхватил на руки и вынес из лавки. И пока он нес ее по улице, она дрожала и всхлипывала, уткнувшись ему в плечо и ничего не объясняя…

— Игнат, может, не стоит так пышно? Все же это еще даже не свадьба.

— Свадьба не свадьба, — отвернулся Игнат, одергивая рубаху и заправляя в сапоги штаны. — Положено. Сватовство. Жалко, родителей нет. Но это уже и не важно… — Он резко выпрямился. Подошел к Аглае и, взяв за талию, развернул к себе. Заглянул в глаза. — Ты передумала?

— Нет, — испугалась Аглая. — Что ты! Просто, — она замялась. — Мне неудобно. Я никого из твоих нынешних друзей не знаю. И что это за обряд такой — посвящение?

Он обнял ее, чмокнул в щеку.

— Вот на месте и узнаешь, — галантно подал руку и вывел из дома. У порога, роя землю, стояли запряженные в экипаж кони. Аглая опешила. Господи! Да она такое только в старых фильмах видела. Бордовая карета с позолотой. Пара черных коней в нетерпении кусала удила. Откуда у Игната такая карета? По телу прошла дрожь, и Аглая оглянулась на Игната. Почему ей происходящее кажется таким неправильным и… жутким?..

Игнат улыбался. В небе полыхнула молния, напоминая о прошедшей грозе, отсветы блеснули в серых глазах. Аглая шарахнулась в сторону. Нечеловеческие зрачки, желтые с черной полосой посередине. Молния погасла, и видение тотчас пропало. Игнат насторожился, шагнул ближе, подхватывая ее под руку.

— Ты чего, Аля? Испугалась? Это всего лишь гроза, — обнял, рука начала гладить по уложенным кудрям. Привычная теплая рука. Он и ночью, принеся ее в дом, сидел и вот так гладил. Наливал красного вина, от которого кружилась голова и все прошедшее отступало куда — то на задворки памяти. Говорил, как хорошо они заживут, как он любит ее, как счастлив, что нашел. И она верила. Очень хотела верить. Вот только когда проснулась ночью и обнаружила, что она одна в постели, в голову против воли поползли подозрительные мысли.

Аглая поднялась, босыми ногами ступая на шкуры, прошла по комнате.

— Игнат!

Никто не отозвался. Она осторожно приоткрыла дверь на улицу, длинная рубаха волочилась по полу. Ночь дохнула запахом озона. Крупные капли скатывались с крыши и текли ручейками на ступени. Аглая поежилась. Где сейчас Ника и Тимир с Тихоном? Успели ли спрятаться от разразившейся непогоды? Аглая шмыгнула носом. И уже собиралась вернуться в дом, но остановил внезапный шум во дворе. Быстрые тени метнулись к невысоким воротцам, в них въехала пара иноходцев, на одном перекинутый через спину мешок. На втором укутанный в плащ седок.

Аглая стояла, прижавшись к стене, сдерживая собственное дыхание. Седок спрыгнул, кинул поводья подбежавшему пареньку.

— До завтра придержишь, и чтобы… — слишком родной голос.

— Будет сделано, господин начальник! — отвесил поклон паренек, скинул мешок на плечи. Послышались мычание и всхлип, показавшиеся знакомыми. Аглая метнулась назад в избу. Прыгнула в кровать, натянула на себя одеяло и прикрыла глаза, пытаясь успокоить бешеное биение сердца. Послышались шаги по ступеням, дверь чуть слышно скрипнула, открываясь, и тут же закрылась. Игнат подошел, наклонился над Аглаей, поцеловал, едва касаясь губами лба. От него резко пахнуло кровью и железом. Поднялся и вышел. Аглая так и осталась лежать, сдерживая дыхание. Мысли скакали в голове галопом. Куда мог ночью ездить Игнат? Кого он привез в большом мешке? Отчего голос ей показался знакомым? Почему страж кланялся Игнату и называл «господин начальник»? Слишком много вопросов, ответы на которые страшили. А может, прав Тимир, и она ничего, кроме своей глупой выдуманной от ничегонеделания любви, не видит? А ведь ее и нет. Как нет той истомы от прикосновения рук Игната, что была в первую ночь, когда они встретились. Потому что сердце ноет при воспоминании о другом. Но Игнат так старается. Вот только с ним ей почему — то становится страшно. Она очень хотела ему доверять. Но, собираясь на пугающее ее посвящение, незаметно сунула под платье кинжал с витиеватой ручкой. И сейчас, чувствуя прилегающий к телу холодный металл, чувствовала себя спокойнее.

— Идем! — Игнат потянул к экипажу. — Путь близкий, но идти пешком моей даме сердца в таком наряде не пристало.

Аглая, осторожно ступая на мокрую землю изумрудными туфельками, неизвестно откуда добытыми для нее Игнатом, направилась к карете. Небо снова озарилось молнией. Гроза все никак не прекращалась. И мысли, словно те раскаты, проносились в голове, озаряя вспышками. Откуда у Игната деньги на все это? Кабаки, экипажи, кони!

Игнат открыл дверь, помог взобраться.

— Все будет хорошо, — прошептал на ухо, касаясь мочки, и покинул, чтобы усесться на место возницы.

— Ех — ха! — Аглая вздрогнула от громкого вскрика. Схватилась за сердце. — Ех — ха! — экипаж рванул, вылетел в открытые ворота Мирного и понесся вдоль темнеющего ночного леса. А небо снова разорвала молния, и капли забарабанили по стенам кареты.

Экипаж покачивался на неровной тропе. Аглая прикрыла глаза. Стук капель, гром и молния — стало тоскливо. Зачем она осталась с Игнатом?

Тревога и страх. «Мы будем вместе вечно!» Слова показались ей жутким предзнаменованием. Вечно! Стас тоже теперь вечно будет странствовать по земле чужой. И она… может, ее… Господи! Аглая кинулась к дверце, приоткрыла, кони неслись слишком быстро, земля мелькала под каретой. Тугие струи разлетались под копытами. Аглая захлопнула дверцу, вжалась в спинку диванчика. Нет! Он не собирается ее убивать… Это все Тимир. Наговорил, заставил усомниться, вот и лезут мысли окаянные! Да, точно… Тимир! И сердце тук — тук… Уже, наверное, далеко ушли. И такая тоска от этого. Наверное, и не вспоминают про нее. А уж если вспоминают, то недобрым словом. Дура! Какая же она дура! Тимир прав. Это не они ее бросили, это она их предала. Всех!

Тпру!

Приехали? Путь и правда оказался недалеким.

Аглая выглянула в окно. Карета стояла у двухэтажного дома. Из высоких окон разливался свет.

Дверь открылась. Игнат протянул руку, помогая Аглае выйти.

— Что это?

— Дом одного моего друга, — расплылся в улыбке Игнат. — Но у нас будет не хуже, только в городе. — Он подмигнул. — Тебе понравится наш дом.

Аглая слушала Игната с удивлением.

— Откуда? — выдавила из себя.

Он подхватил ее под руку.

— Ты все узнаешь, только позже, — прошептал на ухо, увлекая к распахнутым дверям.

Провел по коридору, увешанному шикарными картинами. Игнат распахнул дверь в залу. Аглая ахнула. Покрытые позолотой стены, длинный стол со всевозможными яствами. В высоких окнах тяжелые портьеры на золотых гардинах. Шикарные вазы и статуи по углам. Красивый, в византийском стиле камин, рядом с которым стояло шесть человек. Все они оглянулись, стоило Игнату и Аглае войти.

— Алька, привет! — навстречу, улыбаясь, спешила Рита.

— Прекрасный выбор. — Приблизился высокий, явно немолодой мужчина с удивительно лукавыми темными глазами, с пробивающейся сединой в длинных волосах, уложенных в хвост. — Надеюсь, милая особа, вы станете достойным тылом нашему бравому капитану.

Аглая непонимающе перевела взгляд на Игната. Но он, не отвечая, уже увлекал ее к противоположному концу залы.

— Это Давид, — на ухо ей быстро вещала Рита, спешившая следом. —

Жуткий тип, но обаятельный. А уж как молоденьких любит, одно слово — бес. Говорят, у него в подвалах порядка двух сотен наложниц. А те трое, — указывала в сторону камина, — это все родственники — Роксана, Витор и Серж. — Двух последних Аглая узнала, это они были в харчевне в вечер встречи с Игнатом. — Упыри в прямом и переносном смысле. Зато ищейки превосходные, любой след возьмут… — Рита негромко рассмеялась. — Если только их ткнуть в этот след носами! А вон рядом с ними высокий, Емельян. — На щеках Риты заиграл румянец. — Он меня вывел сюда… Он и есть мой избранник. У нас свадьба скоро. Ой, Алька, я такая счастливая!

Аглая на лету ловила сказанное Ритой и не понимала. Бес? Упыри? О чем она говорит? Столкнуться с некоторыми приходилось, но здесь! Да и не похожа троица на таких упырей, какими представляла их Аглая. Эти во фраках, пышных одеждах, с аристократическими лицами. Таким только по балам да торжествам ездить, а они… Бесы? Упыри?

Додумать она не успела. Игнат подхватил ее на руки, поднял на невысокий постамент и громко провозгласил:

— Прошу познакомиться, моя невеста и будущая жена Аглая.

Послышались аплодисменты, Рита и Роксана расплылись в доброжелательных улыбках. Мужчины смотрели одобрительно.

— Это твои друзья? — У Аглаи дрожал голос, когда они сошли с постамента.

— Друзья? — Исказив рот в ухмылке, Игнат притянул Аглаю к себе. Из ниши в углу вышли трое с инструментами. Заиграла музыка. И Игнат потянул Аглаю в ритме вальса. — Это те, от кого зависит наше благосостояние, — зашептал в самое ухо. — Те, от кого зависят наши судьбы. И кто зависит от нас… От меня.

— Кто ты? — Аглая всегда любила танцевать, но сейчас ноги не слушались. Наступали на подол, отдавливали пальцы Игнату, он морщился и прижимал ее сильнее к себе.

— Ты узнаешь, все узнаешь…

Музыка играла и играла. Они двигались по залу под равнодушные взгляды остальных, вяло попивающих из высоких бокалов. У Аглаи закружилась голова.

— Ты очень бледная, — подметил Игнат, отводя ее к столу и протягивая фужер с вином. От вида гранатовой жидкости стало совсем дурно.

— Я устала, — прошептала Аглая.

Игнат внимательно посмотрел на нее. Легкое недоумение скользнуло на лице.

Аглая отвернулась и слегка покачнулась от головокружения.

Игнат кивнул Давиду. Тот неспешно подошел.

— Моей избраннице плохо.

Мужчина присмотрелся к Аглае, губы чуть искривились в усмешке.

— Никак не давал ночь спать.

Аглае стало не по себе.

Давид отставил бокал на стол и, направляясь к выходу, кивком пригласил за собой.

Игнат подхватил Аглаю на руки и под восторженные взгляды публики вынес из залы. Поднялся следом за Давидом на третий этаж по широкой лестнице. Внес в большую комнату.

— Все в вашем распоряжении, — кивнул Давид и вышел.

Игнат опустил Аглаю на огромную, укрытую балдахином кровать. Скользнул рукой по декольте, чуть склонил голову, целуя ее грудь, и тут же поднялся. Поправил фрак. — Зайду за тобой позже, нужно подготовить все для посвящения.

Прикрыл за собой дверь.

Аглая закрыла глаза. Несколько минут лежала, не шевелясь и пытаясь собрать мысли воедино. Слова Риты о бесах и упырях. На что она согласилась? Музыка доносилась, но уже не настолько громкая и оттого не раздражающая. Через открытую дверь балкона проникал свежий воздух. Уже не стучал дождь, но вдалеке продолжало греметь. Аглая потянулась, поднялась и осмотрелась. Комната большая, если не сказать огромная. Слишком богатая обстановка, везде, где можно, позолоченные рамки. На полу шкуры. Пожалуй, в средствах Давид стеснен не был.

Слегка колыхнулись на легком ветру занавеси. Аглая распахнула их и оказалась на большой полукруглой лоджии. Прошла к перилам. Горизонт озарила молния. Аглая вдыхала свежий воздух. Виски, стянутые от тяжелых мыслей, медленно отпускало.

«Все хорошо! И чего я себе надумала?.. Упыри! Бесы! Ритка шутит… Или не шутит?» Мысли сбил приглушенный стон, донесшийся снизу. Аглая прислушалась. Стон повторился. Она всмотрелась. Напротив дома в ночной серости выделялись силуэты троих. Двое тянули упирающуюся фигуру к раскрытому амбару. Аглая отпрянула от края лоджии. Нет, она не будет смотреть. Не будет думать о том, что увидела. Может, воришку поймали… Какой, к черту, воришка! Голос! Тот же голос, что у привезенного ночью в мешке человека. И снова он кажется ей знакомым. Нет, она не будет думать о плохом. Но мысли назойливые, щекочущие нервы все равно лезут. Откуда у Игната такие богатые друзья? И что значит — у них будет такой же дом в

городе? Что произошло с Игнатом с момента их расставания у болота?

Аглая вернулась в комнату, села на диван, вытянула ноги на софу.

Господин начальник — вот как обратился к нему слуга в Мирном.

Капитан — так назвал его Давид.

Внизу в пышной зале танцевали и праздновали гости. Бесы, упыри!

Аглая вскочила.

Начальник Хладовских соглядатаев!

Не может быть! Как?

Нервно заходила по комнате. Если это правда, то к какому посвящению он ее готовит? От страха взмокли ладони. Она бросилась к двери, дернула. Закрыто снаружи. Не доверяет, боится, что убежит! Аглая оглянулась, этаж третий! Спуститься по перилам? Кинулась к лоджии, но не добежала. Из — за всколыхнувшихся занавесей скользнула мелкая шустрая тень и бросилась к ней. Аглая едва сдержалась, чтобы не закричать от неожиданности, но уже в следующую секунду вздохнула с облегчением. Ей на руки вспрыгнул, пища и тыкаясь в шею, хорь.

— Вернулся!

— Конечно вернулись! — занавеси распахнулись, и перед взором Аглаи возник Тимир. — Вы мне живые нужны, я разве не говорил?

— Говорил, — едва слышно шепнула Аглая и бросилась к Тимиру, уткнулась в грязный плащ.

Хорь, придавленный телами, запищал. Тимир, судорожно выдохнув, отстранил от себя Аглаю.

— Ты так рада меня видеть? Или «близкий и родной» оказался не таким уж близким и родным?

— И то, и другое, — призналась Аглая. Высвобожденный хорь перепрыгнул на плечо Тимира и уже оттуда начал возмущенно трещать.

Тимир внимательно посмотрел в лицо Аглаи.

— Сама догадалась, или он сказал?

— Догадалась. А вы? Вы как узнали?

— А мы суму с продуктами в лавке забыли. Вернулись, а там соглядатаев полная лавка. И знаешь, о чем они говорили? О том, что у капитана Хладовских соглядатаев невеста появилась. Сложить нетрудно. И что — то мне подсказало, что тебе такое открытие навряд ли понравится.

Аглая кивнула.

— Совсем не нравится.

— Значит, уходим?

Она снова кивнула.

— Далеко собрались?

Аглая не слышала, как открылась дверь, вздрогнула от внезапного злого голоса. Оглянулась, как раз чтобы увидеть разъяренное лицо Игната.

— Я ухожу! — сказала дрогнувшим голосом.

— Не попрощавшись?

Игнат с ненавистью смотрел мимо нее на Тимира. Тот притянул Аглаю и встал перед ней.

— Нечего ей в бесовских лапах делать!

— Аглая! — рыкнул Игнат. — Я тебя чем — то обидел? Позволил себе лишнего? Оскорбил?

— Нет, — качнула она головой. — Но я не останусь. У меня другой путь.

— С ним?

Аглая вцепилась в плечо Тимира.

— С ними.

Игнат сжал руки в кулаки. Злые огоньки плясали в помутившихся глазах.

— Понимаешь ли ты, что только я могу оградить тебя от преследования? Никто из соглядатаев и тех, кто внизу, и не догадывается, кого я собрался брать в жены. А если узнают… Я пошел на должностное преступление. Ради тебя. А ты… ведьма!

Аглая выступила из — за спины Тимира.

— Отпусти меня, Игнат, — прошептала приглушенно, боясь смотреть ему в глаза.

Он продолжал стоять. Играли желваки на скулах.

— Если и правда любишь, отпусти.

Он усмехнулся.

— Хочешь уйти? Ладно. Только одна. Без него…

Аглая побледнела.

— Не равны силы, — усмехнулся Тимир. — И ты прекрасно это понимаешь, новопреставленный бес.

Аглая вздрогнула, глянула на Тимира, потом на Игната.

— Ты же не думала, что капитаном стражи бесов может быть человек? — Голос Тимира холодный, презрительный.

Аглая с надеждой посмотрела на Игната. Он покрылся пятнами, внезапно выдалась вперед нижняя челюсть, глаза приобрели желтый оттенок.

— Ты же не думаешь, что после схватки ты еще останешься человеком, несостоявшися жрец?

В глазах Тимира закружились черные воронки. Аглая схватила его за

руку.

— Не надо! Игнат, отпусти нас! — порывисто обернулась к бесу. — Ты же клялся… Ты обещал, что все будет хорошо! Отпусти!

Игнат сжал руки, ставшие лапами, в кулаки. Судорога исказила лицо. Минуту он пристально смотрел на Аглаю. Потом перевел взгляд на Тимира, созерцавшего его с ледяным спокойствием.

— Храни ее и… проваливайте, — прорычал сдавленно. — У вас пять минут. — И выскочил, хлопнув дверью.

Смерчи в глазах Тимира погасли. Он, не проронив ни слова, схватил Аглаю за руку и выскочил на лоджию. Спуск был быстрым, по вьющемуся плющу. Аглая ободрала ладони, но приземлилась мягко, в руки Тимира. Хорь сидел, обхватив его шею и закрыв глаза.

— Уходим, — опустив Аглаю на землю, потянул в темноту Тимир.

В этот момент раздался вопль:

— Не надо!

И Аглая наконец вспомнила, кому принадлежал этот голос.

* * *

— Я не хочу, не надо, — умолял Горьян.

Собравшиеся вокруг посмеивались, скалили морды.

— Беги — беги. У тебя есть десять минут форы.

— Отпустите, пожалуйста! — молил хозяин лавки из Мирного.

— Время пошло! — гаркнул вышедший из дома обозленный Игнат.

— Если помнишь, то у нас тоже всего пять минут, чтобы покинуть владения. Не думаю, что в следующий раз твой «близкий и родной» будет столь благодушен, — прошипел в ухо Аглаи Тимир.

Они стояли под навесом в темноте, глядя, как Горьян, обливаясь слезами, отступает от особняка.

— Беги — беги, — покрикивали вслед. Горьян развернулся и побежал в темноту.

— Что с ним будет? — Аглая заглянула в глаза Тимира.

— Догонят, перегрызут горло, пустят кровь… Для тебя. Все это представление для тебя — ты должна выпить кровь, произнести клятву, или как там у них это делается, и стать как они… Как он… Но тебя не будет здесь. — Тимир схватил ее за руку и потянул. Аглая вырвалась.

— Мы не можем оставить Горьяна!

— Предпочитаешь составить компанию?

В темноте глаза Тимира казались совсем черными.

— Предпочитаю увести его.

— Нам бы самим уйти!

— Его убьют!

— А нас пощадят? Или надеешся на милость Игната? Ты посмотри, кто он!

Тимир указал на особняк.

На ступенях, на том самом месте, где минуту назад стоял Игнат, теперь поигрывал перепончатами кряльями бес. С жуткой мордой, с когтистыми лапами. Он внимательно смотрел в темноту навеса, и на какой — то момент Аглае показалось, что видит их. Но бес мотнул головой и отвернулся, а в следующую секунду взмахнул перепончатыми крыльями и, махнув лапой в призыве остальным, направился вслед убежавшему Горьяну.

— Хочешь вернуться к нему? — обернулся к Аглае Тимир и тут же выругался. Аглаи рядом не было, как не было и еще пару секунд назад сидевшего на его плече хоря.

* * *

Гроза отгремела. Лишь изредка горизонт окрашивался в лилово — багряный. Сразу за особняком высились деревья. Луна блеклым размытым кругом сквозь тучи пыталась осветить землю.

Аглая, прикрываясь руками от бьющих в лицо ветвей, продвигалась по темному лесу. Хорь убегал вперед, возращался, попискивал указывая путь. Недалеко слышалось улюлюканье бесов.

Хорь закрутился, запищал, тыкая лапой в сторону. Аглая поспешила за ним. Внезапно деревья закончились, открыв глубокий овраг. Хорь уверенно кивнул на него. Аглая сунула руку в лиф, пониже нащупала металл. И все же пригодился. Воткнула клинок в землю и начала спускаться, переставляя рукоять. Уже почти достигла низа, когда хорь вскочил на выпирающую из земли корягу.

Аглая остановилась. Вслушалась.

— Горьян, — позвала чуть слышно.

Тишина.

— Горьян! Это Аглая, мы были у вас вчерашним вечером. Вылезайте, я знаю, что вы здесь.

Из — под коряги высунулось перепачканное лицо хозяина лавки. Очки слетели, пока бежал, и он щурился на нее подслеповатыми глазами.

— Вы? — пролепетал, испуганно дрожа. — Вы жена капитана соглядатаев! Он вас забирал!

— Не жена, — поморщилась Аглая и протянула Горьяну руку. — Вылезайте, уходить нужно.

— Куда? — простонал тот.

Аглая замерла. И правда, куда? Совсем близко слышались выкрики погони. И вдруг, прерывая голоса нечисти, раздался многоголосый вой.

— Туда! — Аглая потянула Горьяна вверх.

Вцепляясь в острую осоку, они лезли вверх. И Аглая даже успела заползти на твердую землю и вытащить Горьяна.

— Ох, ну надо же!

Она обернулась на голос.

Рита стояла в паре шагов от них, тяжело дыша, волосы распались по бледным плечам. Теперь Аглая понимала, откуда эта бледность. Рита повела головой, принюхиваясь. Аглая покрепче вцепилась в рукоять кинжала с дивным витиеватым узором. Как назвала его Ника? Клинок ведьм. Что ж, остается верить, что в ее руках это действительно грозное оружие.

— И ты нечисть?

— Ну — у, знаешь ли, у нас выбора особо не было, — развела руками Рита и растянула рот в улыбке, за губами блеснули клыки.

— Упырь?

— Бог с тобой, не так низко пала, — поморщилась она. — Волколачка. Меня Емка обратил.

— Псина то есть.

— А ты стала грубой, Аглая. — Рита медленно приближалась, настороженно озираясь по сторонам.

— Зато ты просто сама вежливость. — Аглая медленно продвигалась по краю оврага, держа наготове кинжал.

— Слушай. — Рита снова оглянулась. — Не будем сориться. Ну не получилось у вас с Игнатом. Но мы — то остались подругами.

— А мы ими когда — то были?

Горьян тихо, крадучись двигался за Аглаей. Хорь рычал, вздыбив шерсть, сидя на ее плече. Рита косилась на всех разом. И вдруг улыбнулась. Из темноты леса возникли трое. Родственнички. Роксана, Витор и Серж. Упыри. Каждый повел носом, громко вдыхая воздух, и оскалился.

— Аглая, это наша добыча! — кивком указала посмелевшая Рита на бледного Горьяна.

— Была ваша, стала наша! — рявкнули со стороны.

Рита подскочила, ее лицо вытянулось, обнажились клыки, она вся вывернулась, покрываясь шерстью, платье разошлось по швам на преобразившемся теле. На землю задними лапами встала серая ощерившаяся волколачка. Упыри зашипели, не сводя хищных глаз с Горьяна.

Тимир стоял, смотря на них с ледяным спокойствием, за его спиной, грозно скалясь, выступали серые тела волков.

Волколачка оскалилась. Вскинула морду. Но вой так и не раздался. Серые тени метнулись быстрее. Схватки не было. Рита была слишком неопытна. Лапы серых разодрали обращенное тело, зубы впились в горло. Рита захрипела, сумела скинуть с себя волка, и тут же второй сбил ее с ног. Кувыркаясь и хрипя, волколачка полетела вниз, в обрыв.

Зато упыри были древними и сильными. Один, издав негромкий рык, бросился на ближайщего волка. В то же время второй, ловко увильнувший от нападения, кинулся на стоявшего в оцепенении за спиной Аглаи Горьяна.

Кинжал сверкнул в руке, всего один выпад. Упырь оторопел от неожиданости, девчонка не казалась боевой, он даже не пытался увернуться.

— Думаешь, меня можно простым ножичком, — схватил ее за руку и замер, покачнулся. Опустил глаза, смотря на вцепившуюся в рукоять ладонь. — Это… Как? Это… Клинок… Ты… — Рассыпался прахом. Упыриха взвыла, видя, как от родственника осталась горсть трухи. Клыки разодрали шею серого, будто у щенка, рукой с в мгновение отросшими когтями полоснула второго и, сделав прыжок, опустилась рядом с Аглаей. Ударом ладони выбила кинжал. Усмехнулась в лицо. И тут же была сбита с ног налетевшим Тимиром. Огромным черным волком с мечущейся в глазах тьмой. Напор когтистой лапы Роксаны распорол щеку, Тимир только отвел морду. Тьма в секунду поглотила его вместе с упырихой и тут же рассеялась, оставив неподвижное тело девушки с остекленевшими черными глазами и тяжело дышащего волка. Тимир перевел взгляд на Аглаю, на прах у ее ног и оскалился в ухмылке.

Тяжелое дыхание послышалось совсем рядом. На край обрыва, грязная и шатающаяся, выползла Рита и тут же столкнулась с темным взглядом Тимира. Взвыла, поняв собственную ошибку. Но тело волколачки уже прижимал к земле черный волк с дрожащей от ненависти губой, с которой сочилась и капала на грудь Риты черная слюна.

Раздался хруст ломавшихся костей, волколачка взвыла полным боли плачем. Тимир вжимал ее в землю. Она уже не сопротивлялась.

— Я пожалел вас, пожалей и ее, будущий жрец!

Тимир замер. Аглая, тяжело дыша, поднялась с земли, помогая встать и Горьяну. Взяла с земли кинжал, вытерла его о платье. Все равно уже не важно, как она выглядит.

Черный глянул на Аглаю. Она слегка кивнула. Он отступил, выпуская волколачку. Израненная Рита попытался отпозти, задние лапы не слушались.

Волки, прижав уши, смотрели на спутившегося на землю беса. Выскочил из ночи обращенный Еремей, на секунду глаза его встретились с глазами Риты, полными слез. Волколак тряхнул головой, издав низкий утробный рык, оглянулся на Тимира.

— Не тронь их, Ема, — мрачно приказал Игнат.

Волколак со злостью взглянул ему в лицо.

— Ты видел, что они сделали с Ритой?

— Если дойдет до Китара, будут проблемы. — Голос Игната был серьезен и глух.

— Если мы оставим их трупы здесь, то проблем не будет! — яростно тявкнул Емельян и кинулся на Аглаю.

— Ведьма нужна ему живой.

— Зато мне она живой не нужна!

— Стоять! — успел приказать Игнат. И Ема отпрянул назад от его голоса. Но было поздно. Тьма, сорвавшаяся с ладоней Тимира, в мгновение окутала волколака и разлилась по краю обрыва.

В ушах Игната зазвенело. Он зажмурил глаза и закрыл уши руками. Было слышно, как затрещали крылья, раздираемые невероятной силой. Начальника соглядатаев начало давить к земле. Воздух вокруг стал густым, обжигающим кожу. Визг Риты и хрип гибнущего Емельяна. Вой удаляющихся волков. Тьма спала. Игнат единственный, кто остался стоять, хоть и на коленях. В нескольких шагах от него мертвый волколак. У елей тело Риты, еще сегодня ночью бывшей самой счастливой невестой. Теперь они оба бездыханны. Окоченевшие тела упырей у обрыва. Серый тлен. Жалко, хорошие были ищейки.

Раздался шелест крыльев, и рядом опустился Давид. Осмотрел побоище. Сощурил глаза. Не было в них ни ненависти, ни злобы. Он был слишком стар и мудр. Это Давид с Еремеем встретились им в тот день. С ними и Китаром. И до сих пор его удивляло, отчего его оставили в живых. С Риткой было понятно, приглянулась волколаку. Но он — то… И сразу в начальники. И Игнат не отказался.

— Одна она не могла… — задумчиво протянул Давид.

— С ней был жрец.

Бес прикрыл глаза, обернулся вокруг себя, ловя в воздухе след.

— Несостоявшийся… А силу ему жрица разбудила. Настоящая, древняя… Я бы даже мог предположить, Верховная. Жалко только, давно все они вымерли. Однако готов поверить в воскрешение. Никому такое не под силу. Уже здесь обратился бы поглощенным. — Он открыл глаза и посмотрел на Игната. — Китар будет недоволен.

Игнат кивнул.

— Я могу догнать их, — продолжил Давид. — Сил у меня поболя, чем у несостоявшегося жреца. А ведьма… — Он смолк, вопросительно посмотрел на Игната.

— Это мое дело. Я найду их сам и верну ее, — не терпящим возражений голосом произнес Игнат и сильным взмахом крыльев вознесся в темное небо.

А Давид поежился. Как и в первую их встречу он заметил то странное, что шло от Игната. И то была не просто сила. А нечто большее, заставляющее старого беса побаиваться нового начальника.

— Вот и лети. Чем ты дальше, тем мне спокойнее.

* * *

Он уже покинул особняк, крылья гнали вперед, когда услышал зов. Далекий, на который ни один, будь то бес или иной нечистый не ответить не мог. Зов, от которого кровь стынет в жилах, потому как понимаешь, кто его издает. Никто из жителей Велимира бы не противостоял. Игнат не принадлежал Велимиру. Но он свернул с пути и устремился на зов. Не касаясь веток, опустился на землю. Зовущая стояла у сосны. Рваный плащ развевался на ветру. Бледное лицо и давно выцветшие от времени пустые глаза.

— Чего тебе нужно, поглощенная? Ты в курсе, кого призвала? — Смотрел на нее с интересом, однако ладонь все же легла на рукоять меча.

— Она понимает, кого призвала, — сказали рядом. Игнат обернулся и тут же усмехнулся узнав. — Советница Нейла. Далеко ли путь держите? Да еще в таком странном, если не сказать, отнюдь не доброжелательном сопровождении.

— Туда же, куда и вы, капитан! — улыбалась Нейла. И все таки он хорош, молод, красив, уверен в себе. Даже сейчас, прекрасно понимая, что Нейла знает о нем больше, чем хотелось бы, держит лицо, ухмыляется нагло.

— Неужели? — брови театрально взметнулись. — А вы наслышаны о моем деле?

— Мало того, я даже знаю, куда отправится ваша так и не состоявшаяся жена.

Игнат смерил советницу взглядом бесовских глаз. Потом растянул губы в тонкой ухмылке.

— Мне нужна подмога. А вам — ваша девчонка! — улыбнулась в ответ Нейла.

* * *

Слуга, молодой паренек, шарахнулся в сторону, когда из леса выскочили четверо волков, один огромный черный, на спине изнеможденная девушка и испуганый, таращащий глаза по сторонам мужичок. На голове волка, бегущего следом, воседал хорь.

Процессия пронеслась по двору усадьбы и, выбив ворота, вылетела в ночь.

Слуга перекрестился. Успел пройти до коновязи и снова упал на землю, прикрывая глаза, потому как над самой головой прошелестели крылья главнокомандующего беса.

— Чур, чур! Ну и ночка заполошная, — прошептал, когда и этот исчез. Слуга поднялся, отряхнулся. — Чтоб вас, нечистые!

— А что, не осталось ли в подвалах хорошего ведовского винца?

Слуга покрылся испариной. Вальяжно, неторопливо подходил к нему древний бес.

— Найдем, господин Давид. Для вас все найдем.

— Не торопись, мальчик. — Бес цыкнул. Остановился рядом со слугой. Наклонил голову, рассматривая паренька. — Неудачная нынче охота вышла, грустная, — проговорил, растягивая слова. Слуга под взглядом беса затрясся. Витор успокаивающе похлопал его по плечу. — Не бойся, ступай за вином.

И направился к особняку. Служка перекрестился. Опрометью бросился к подвалу, достал вина и так же бегом в залу, где сидел, поигрывая на пианино, Давид. Рядом лежали растерзанные тела трех музыкантов. Трясясь, слуга откупорил бутылку и налил в высокий бокал.

— Вино, господин Давид, — начал отступать к дверям.

— Вино — это хорошо, — протянул бес, оглянулся. — Но и ты не торопись, — встал из — за пианино и обернулся к пареньку, тот задрожал.

Давид преобразился и усмехнулся во всю бесовскую морду.

* * *

Иван Царевич и Серый волк. Немного не та сказка. Царевна и Черный волк.

Только последний был явно на издохе. Тяжело вздымающаяся грудь выдавливала хрипы. Несколько раз спотыкался. Аглая прижималась к пахнушей псиной шкуре.

— Тимир, остановись, пешком дальше пойдем.

Он не отвечал. Аглая обнимала его шею, прижималась к телу животного.

На очередном прыжке он внезапно встал и рухнул. Волки тоже остановились, окружили черного. Аглая успела соскочить, опустилась на колени перед ним.

— Тимир!

Он кивнул мордой, туша покрылась тьмой и, когда та расплылась, на земле осталось тело человека.

— Тимир!

Он открыл глаза, медленно сел, устало посмотрел на Аглаю.

— Если когда — то я стану поглощенным, то только благодаря тебе. И поверь, первой, к кому я приду и удушу, тоже будешь ты!

Аглая обняла, уткнулась в тяжело вздымавшуюся грудь Тимира. Он осторожно погладил ее волосы. Она сильнее прижала голову к его плечу.

— Тимир, я впервые убила… Я… убила.

Он чуть отстранился.

— Покажи мне кинжал.

Она сунула руку за пояс. Вытащила клинок. Тимир не притронулся, просто смотрел с интересом.

Потом аккуратно сжал ее ладонь вокруг рукоятки.

— Ты сильная, Аглая. Намного сильнее, чем думаешь.

— Ника сказала, это клинок ведьм… — Посмотрела на Тимира. — А кто она? Она тебя оживила в лавке. Она все знала, как и что делать, и она… молилась.

— И ее услышали. Как слышат боги Велимира всех жрецов.

— Она… — Глаза Аглаи расширились.

— Верховная жрица равновесия, Гаяна. А вернее, то, что от нее осталось. Навья в теле твоей подруги.

— А Ника? Где она?

Тимир прижал Аглаю к себе.

— Не думай о том. Не сейчас. Не здесь. У нас просто нет на это времени.

Аглая всхлипнула.

Тимир поцеловал ее волосы.

— Сегодняшний день для тебя закончился.

Она отстранилась, заглядывая ему в глаза.

— Закончился?

— Я не дам тебя в обиду, — коснулся губами ее щеки и начал подниматься.

— А я! Меня куда? — залепетал пришедший в себя Горьян.

Тимир развел руками.

— Земля огромная, но лучше, если куда подальше.

Горьян всхлипнул.

Тимир присвистнул, один из волков подрошел к нему, ткнулся в ладонь.

— Он проводит до ближайшей деревни, там уж сам…

Горьян подошел, с опаской похлопал волка по загривку, тот снисходительно посмотрел на мужчину и трусцой направился в глушь.

— Спасибо, — успел кивнуть Горьян и поспешил следом за зверем. Хорь стоял и махал им лапой, потом вздохнул, забрался по ноге на руку Аглаи и, прижавшись, блаженно заурчал.

Глава 15

Узкая тропа вела вверх на сопку.

— Ты прав, я хватаюсь за остатки того мира. Но я не могу по — другому. Мне страшно…

Тимир подал руку.

— Тебе придется привыкать, Аглая. Здесь нет твоего мира. И, скорее всего, не будет.

Нога соскользнула. Тимир поймал Аглаю в объятия. Сильные крепкие руки сжали внезапно задрожавшее тело. Аглая заглянула в его глаза. Серые, с вращающимися в глубине черными воронками. Он улыбался. И это было удивительно. Усмехался, ухмылялся, растягивал губы в подобии улыбки, а вот открыто, по — доброму — такое она видела впервые.

— Тимир, — произнесла с придыханием.

Хорь внизу пропищал возмущенно.

Тимир же стоял замерев, улыбаясь. Он осторожно прикоснулся губами к ее волосам, щекам, спустился до губ. Горячие ладони скользнули выше талии, прижимая Аглаю к себе. Хорек со вздохом прикрыл мордочку лапой. Тимир глянул на хоря косо, отстранился, отряхнул Аглае колени и потянул дальше.

Подъем крутой, с косой тропинкой. Аглая стыдилась своего внезапного порыва, смотрела в спину Тимиру, хмурилась. Слишком близко. Близко к сердцу, так, что даже ладони горели и щеки не переставали алеть. А он… Как же он смотрел! Даже смерчи в глазах замирали. Аглая, не сводившая взгляда с Тимира, в очередной раз запуталась в длинном подоле платья и рухнула коленями о камни. Тимир остановился. Оглядел Аглаю сверху вниз. Присел рядом, рывком оторвал подол.

— Так лучше будет, иначе мы тебя не приведем, — сказал и смолк, задержавшись взглядом на ее ногах. Провел ладонями по икрам, выше. Аглая сидела замерев. Ощущая, как учащается собственное дыхание. Смотря в полыхающие тьмой глаза. Он довел пальцами до бедра и остановился. Аглая судорожно выдохнула, Тимир поднял на нее взгляд, улыбка не сходила с лица. Встал, произнес короткое:

— Идем.

Аглая с трудом поднялась. Сердце стучало у горла. И руки дрожали совсем не от усталости.

Солнце начало играть рассветными бликами в верхушках сосен, когда

они вышли к дороге, хорошо наезженной повозками.

Тимир шел впереди, не оглядываясь на Аглаю, но она точно знала — прислушивался к ее шагам. Идти в платье без подола было удобно, но стыдно. Неровный край юбки колыхался выше колен. Аглая внутренне ругалась. Вот до чего довела ее жизнь в этом мире. Вполне приличная длина для нее, но не здесь. Коли попадутся на пути добры молодцы, не избежать позора. И от мысли даже щеки зарделись. А еще она в таком виде сейчас перед старцем Тихоном предстанет. Стыдобища. Ноги, ставшие за последние дни бледными и даже чуть сероватыми. На ступнях вычурно выделяющиеся и неимоверно натирающие пятки изумрудно — зеленые туфли.

— Далеко?

Тимир не ответил. Шел глядя вперед. Аглая вздохнула. Пожалуй, немного, и идти она уже не сможет, но разуться и шагать босиком по сырой после грозы тропе, усыпанной листьями и сухими иглами… Нет. Она постарается терпеть. Она… Тимир остановился резко. Аглая, рассматривающая свои многострадальные ступни, со всего размаху врезалась ему в спину. Охнула, потирая нос.

— Ты чего?

Он говоряще приложил палец к губам.

— Тш — ш.

Аглая замерла. Хорек на ее плече насторожился, заозирался по сторонам, шерсть на загривке встала дыбом. Спрыгнул на землю, повел носом из стороны в сторону.

— Ех — ха! — раздалось громкое далеко позади.

Лицо Тимира побледнело.

— Погоня? — испуганно прошептала Аглая.

Он кивнул, прищурился озираясь. В это время из леса вышла телега, запряженная рыжим конем. Животина понуро перебирала копытами, покачивая низко опущенной головой.

Тимир прикрыл Аглаю своим телом. Серая дымка сорвалась из глаз. Он не выл, но вой разнесся в воздухе, растворяясь в выси, всколыхнул испуганных птиц и ответил протяжно с двух сторон. Конь осел на круп, ошалело захрипел. Когда Тимир прыжком оказался в телеге, возница заорал в голос, бросил поводья и кинулся в лес.

Тьма вокруг Тимира сгустилась, ударила по вожжам, треснули оглобли. Высвобожденный конь выпрямился, хлестанул гривой, но был тут же ухвачен за уздцы вспрыгнувшим на круп мужчиной. Тимир протянул Аглае руку, она запрыгнула рядом.

— Их — ха!

— У — у — у!

Дикий вой пронесся у тропы, из — за деревьев выскочило не менее десяти волков.

Их — ха!

Лошадь, взрывая копытами землю, понеслась по тропе.

Единожды, входя в поворот, Аглая, вцепившаяся в гриву, оглянулась только для того, чтобы увидеть, как вдалеке катаются по земле в дикой бойне волки и упыри.

* * *

Конь захрипел и начал валиться набок. Тимир едва успел выдернуть из седла Аглаю и соскочить сам.

Идти далее пришлось снова пешком. Аглая посмотрела на загнанного коня. Но времени на жалость не было. Тимир тянул вперед. Не останавливаясь, не говоря ни слова.

— Почти пришли, — буркнул, когда они взобрались на невысокий откос, густо заросший деревьями. И вдруг схватил, повалил на землю.

— Ни слова! — шикнул. Хорь выбрался из — под волос Аглаи, застрекотал. Тимир шикнул и на него. Жестом приказал оставаться на месте. А сам скрылся за бугром. И почти сразу послышался вскрик. Аглая вопреки предостережению поползла вперед, остановилась у кустов, выглядывая сквозь ветви.

У ели внизу стояла Ника, рядом с ней… поглощенная. Бледное лицо смотрело на девушку, та вжималась в дерево. Губы шептали нечто неслышимое, но поглощенная лишь задумчиво смотрела на нее.

— Жрица! — Глухой пугающий голос. — Я же говорила, мы встретимся, — потянула к Нике тощую руку.

— Прочь! — рыкнул выскочивший Тимир и был отброшен назад кинувшимися из — за деревьев соглядатаями. Тьма крутанулась вокруг Тимира, замерла. Рядом с лицом Ники блеснуло тонкое лезвие, опустилось к шее, слегка оцарапав кожу. Аглая закрыла рот ладонью, чтобы не закричать. Рука, державшая клинок, была рукой Игната. Он с отчуждением смотрел на Тимира. Тот сжал губы.

— Она не может быть далеко, — прищурил глаза Игнат.

К нему подошла женщина — удивительное лицо, восточные раскосые глаза, белая кожа. Охотничий костюм облегает тонкую фигуру, на бедрах

ножны, за спиной лук.

— Она рядом, — проворковала девица Игнату. — Я чую ее. Да и куда ей деваться. В отличие от этих, она ни силой, ни чем — то примечательным не обладает.

— У нас договор, Нейла, — скинул женскую руку с плеча Игнат. — Тебе Ника, мне девчонка.

Женщина поморщилась.

— Забирай сам Нику, если хочешь. Я недожреца заберу.

— Мне нужна Аглая, — твердо произнес Игнат и сверкнул глазами на Тимира, лицо исказила усмешка. — И жрец.

Нейла скрипнула зубами. На нежном лице проступила злость.

— Насчет жреца договора не было.

— Считай, я изменил договор.

Нейла сцепила руки в кулаки, кивнула поглощенной. Та скользнула к Игнату. Меч с быстротой молнии переместился к горлу Нейлы.

— Не шути со мной! Твоя защитница не успеет даже приблизиться.

Поглощенная застыла. Тонкий приказ пронзил воздух. Зов. Игнат поморщился.

— Я не из этого мира… И тебе понадобится о — очень много сил, чтобы я повиновался зову.

Поглощенная снова воззвала. Игнат с нетерпением смотрел на нее, сильнее нажимая лезвием на горло Нейлы, по острию потекла тонкая струйка.

— Забирай! — судорожно, дрожа от негодования, выдохнула Нейла.

— Вот и хорошо. — Игнат вытер клинок о рукав и вложил в ножны.

Игнат уверенно шагнул к Тимиру. Тот усмехнулся в лицо бесу. Удар заставил его отшатнуться, по губам побежала кровь.

— Она рядом? — дернул Тимира за воротник Игнат, всматриваясь в лицо. Тот сплюнул кровь, выпрямился, улыбаться не перестал. Очередной удар заставил его задохнуться в кашле. Аглая поняла, что не выдержит смотреть на это. Рука скользнула к холодному лезвию кинжала на боку. Но на плечо легла маленькая ладонь. И тихий шепчущий голос невидимки шепнул:

— Тихо, девочка. Если и ты будешь у них, то помочь уж точно некому будет. Не станет больше никто защитой.

Тимир, словно услышав слова домового, выпрямился и слабо кивнул.

Игнат зверел на глазах.

Тимир вытер рукавом лицо и засмеялся, тьма просочилась из глаз, рванула ввысь, затрещали ветви деревьев, задрожали верхушки. Игнат

обнажил меч.

— Это глупо, мы перебьем твоих волчат!

Тимир смолк, но окровавленная улыбка не сошла губ.

— Они защитят его? — с надеждой всхлипнула, прижимаясь к земле, Аглая.

— Его? Нет. Он вызвал их не в свою защиту.

Аглая всхлипнула снова, по телу прошла судорога от страха, от понимания происходящего.

— В мою.

— Он не себя защищает, Игнат! — выкрикнула Нейла. — Девчонка здесь!

Взгляд беса скользнул по деревьям. Но уже впустую. Игнат зарычал, обозленно врезал Тимиру в лицо.

А Аглая бежала вниз с пригорка, увлекаемая Тихоном и окружающей ее дикой серой стаей.

* * *

Плохо. Как же плохо все выходило. Она бросила Тимира и Нику. Тихон сказал, что ей обязательно нужно спастись. И они бежали. Аглая и дороги — то не видела от слез и жалости к себе, к Тимиру, Нике.

Вытирала грязным рукавом лицо, утирала слезы, ползла, подначиваемая Тихоном. Волки неслись рядом, потом слышался крик погони, половина стаи отстала. Аглая не смотрела назад.

— Дорожка — дорожка, расступись немножко, нас пропусти, других в дебри заведи. Тропка — подружка, лесовика избушка, еге — гей! — кричал на бегу старик. — Лесовик — моровик, дорожку замети… Век помнить буду… Еге — гей! Светлую ведмачку, землею и небом венчанную, защити. Словом зову, делом ответь.

Позади послышалось шуршание, деревья словно ожили, расступаясь перед бегущими и вставая в плотную непроходимую чащу позади. Кусты выставляли на погоню острые ветви. Ручьи разворачивали бег, сливаясь в озерки за убегающими. Аглая неслась, давно скинув зеленые туфельки, сбивая ноги о камни. Потом ползла, раздирая руки и колени в кровь, поднимаясь в гору, куда указывал бегущий впереди хорь. Голоса погони уже давно стихли, и даже волки перестали прижимать уши к головам.

— Сюда, — заметил Тихон узкий проход меж двумя выступами. И они юркнули в темную пещеру.

— Здесь и переждем, — домовой плюхнулся на камень, переводя дыхание. Аглая и сама не чуяла ни ног, ни рук, распласталась на холодном каменном полу. Хорь, запищав, откинулся на спину. Один из волков подошел к Аглае, понюхал и, тряхнув головой, вывел остатки стаи на выход. Тоскливый вой по убитым собратьям разнесся над долиной, а удаляющий цокот когтей по камням был прощанием.

* * *

Нейла сидела, подбрасывая в костер ветки.

— Не нервничай, Китар уже на подходе. А девчонка вторая — она нам и не нужна… Зря только стражей загубил. Они бы спугнули, а догонять не стали. Придется теперь одной… — Она покосилась на поглощенную, поежилась. — У меня от нее тоже мурашки, но что поделаешь, приходится… Хотя от твоего друга, — кивнула в сторону Игната, разговаривающего со стражей, — мурашек не меньше.

Тимир отвернулся. Разговаривать с советницей ему не хотелось.

— Знаешь, а ведь я впервые вижу живого жреца, кроме Китара. Но, как понимаю, он последний. Без нее, — она кивнула на Нику, сидящую у дерева. — Ты им так и не станешь… Вот ведь судьба. Поглощенную ты ненавидишь, а ведь скоро сам таким станешь. Эх, жалко мне тебя. Вот коли б не Игнат… — Она перешла на шепот. — Толку от тебя больше. Я бы сама в Обитель препроводила. Куда как сподручнее с новым жрецом договариваться. А теперь, увы! Ходить тебе с нежитью вместе.

Поглощенная оскалилась.

— Ишь как она живых не любит…

Тимир смерил Нейлу презрительным взглядом.

— Что ты ей за помощь пообещала? Душу? Хотя это она и без любого договора могла бы взять.

Нейла поморщилась.

— Что бы ни обещала…

— Сердце? Любовь? — продолжал равнодушно перечислять Тимир. — Интересно, каково это, без души? Без сердца?

— Заткнись.

Тимир усмехнулся.

— А что я? Пусть и стану нежитью, да только есть ради чего. А ты? Кого ты предала, чтобы такие договоры заключать?

Нейла уставилась в огонь.

«Дура!» — пронеслись в голове последние напутственные слова Караха. Она прикрыла глаза. Никого не предавала, наоборот, сделала все, чтобы они были вместе, чтобы они были свободны. Чтобы не извивалась черным вензелем печать на столе Караха, и мог он без страха принимать решения. Вот если бы жрец был ее! Нейла вздохнула. Поглощенная сказала, он намного сильнее Китара. Мог бы дать Караху свободу? Темный жрец. Разве ж темные жрецы о других пекутся? Правильно, не было такого никогда. Значит, и этот, скорее всего, наоборот, сгнобил бы за прошлые обиды. Вот оно как, палка о двух концах. И хотела бы, да проверить уж, видать, не придется.

— Советница Нейла!

Голос глубокий, словно из — под земли. Она вскочила. Игнат стоял смирно, отдавая честь прибывшему. У дерева стояли трое всадников. Тот, что посередине, скинул уздцы, волевым движением спрыгнул с коня. Лица его под низко натянутым капюшоном видно не было. Руки прятали высокие черные перчатки.

— Верховный жрец Китар! — Нейла присела в глубоком реверансе.

— Лишнее, — бросил на ходу. Поглощенная, увидев жреца, отступила в тень деревьев.

Китар торопливым шагом прошел к Нике. Снял одну перчатку, стянул с головы капюшон, обнажив рассыпающиеся по плечам черные волосы. На красивом волевом лице блуждала довольная улыбка. Темные глаза блеснули.

— Ну здравствуй, Мерка!

Она подняла голову, оскалилась в глаза жрецу. Улыбка сползла с его лица. Дернулась щека.

— Ты не ведьма!

Напряглась вслушивающаяся в разговор Нейла. Гаяна усмехнулась.

— А ты ждал ее?

Китар выпрямился, досадливо пнул носком сапога землю. Поморщился.

— Какой мне прок от мертвой жрицы? Ты пуста, все на проклятие спустила.

Вытащил кинжал и занес над девушкой.

Та отшатнулась, кровь отхлынула от лица, теперь она выглядела по — настоящему мертвой. Прохрипела через силу.

— Я могу войти и открыть Обитель!

Лезвие медленно вернулось в ножны. Китар пристально всмотрелся в жрицу. В темных глазах крутанулись черные смерчи.

— Врешь!

Она скривила губы.

— У меня нет силы, но тело… Это тело ведьмы. Чуждой глупой ведьмы.

Рука Китара играла на рукояти кинжала. Он задумчиво смотрел на Гаяну.

— Тело ведьмы…

Гаяна молчаливо кивнула. Он схватил ее за подбородок, больно сжал, заставляя смотреть на него.

— Ты откроешь Обитель и отдашь ее мне, или… — Он перевел взгляд на стоящую в тени поглощенную.

— Я соберу всех, кого задело твое проклятие, и оставлю тебя наедине с ними.

Гаяна скосила глаза на поглощенную жрицу. Та стояла не двигаясь, вслушиваясь в их разговор.

— Я открою Обитель. — Голос Гаяны был глух.

— Вот и умница, — отвел руку Китар, брезгливо вытер ее о плащ и кивнул сопровождавшим его бесам. Те живо спрыгнули с коней.

— Темный жрец Китар, правитель Хлада и единый владыка Велимира, — обратился Игнат.

— Говори, — не оглядываясь, бросил жрец.

— С ней был темный, сила в нем неподчиненная. Жрец.

Китар рывком обернулся к Игнату.

— Где он? — голос сел до хрипа.

Игнат указал на сидящего на земле Тимира.

Жрец, сцепив пальцы, медленно подошел к нему. Присел на корточки, заглядывая в лицо.

— Жрец?

Тимир ответил ему прямым взглядом темнеющих глаз. И в глубине их закрутилась черная воронка, тут же нашедшая отражение в глазах правителя Хлада.

Китар поднялся.

— Чего хочешь за жреца, командир?

— Служить Нугору верно, — отчеканил Игнат.

Китар подошел к нему, натянул перчатку.

— Служи! — хлопнул по плечу. — Для себя чего хочешь? Проси.

Игнат посмотрел в лицо правителю.

— Девушка с ними была…

— Ведьма? — напрягся Китар. Игнат с трудом не отвел глаз от

пристального взгляда.

— Нет, — выдавил, сопротивляясь изучающей его Китаровской тьме. Зрачки стали почти черными. В голове зазвенело, как в лесу от тьмы Тимира. Игнат стоял, не отводя прямого взгляда. Китар кивнул. Тьма отхлынула, спряталась глубоко в зрачках.

— Где она?

— Сбежала.

— Понравилась? — Китар усмехнулся.

Игнат молчаливо кивнул.

— Отпуска тебе три дня. Найдешь — забирай. — Китар накинул капюшон, развернулся на пятках и направился к рвущему от нетерпения уздцы коню. Он уже запрыгнул в седло, когда подскочила Нейла, схватила за стремя.

— Не губи, правитель. Выслушай и меня. Это я нашла ведьму… жрицу!

Из — под капюшона сверкнули темные глаза.

— Чего ты хочешь, советница Нейла?

Она склонила голову.

— Свободы для Караха, правителя Нугора!

Китар поморщился.

— Поедешь со мной в Хлад. Там и решим, столь ли ценна для меня навья бывшей жрицы.

— Но…

— Только так. — Он поправил перчатки, похлопал коня по шее, тот фыркнул в лицо советницы.

Нейла отошла, зло сплюнула, глянула сердито на Игната.

Тот подтягивал стремя. Усмехнулся на ее ненавидящий взгляд, запрыгнул в седло и, пришпорив, быстро пропал из виду. Бес, глумливо усмехаясь, подвел к советнице коня.

Она одним махом оказалась на спине гнедого, искоса глядя, как еще парочка соглядатаев перекидывает Тимира через седло.

Подвели коня и к Гаяне. Навья гордо вскинула голову, бесы почтительно склонились, помогая ей. И только когда она уселась, отошли на почтительное расстояние.

— У — у — у — ы — ы — ы! — протянули рядом. Гаяна обернулась. Заглядывая ей в лицо, стоял мертвяк. Порванная одежда раскачивалась на худом теле.

— Пшел отсюда, — рыкнула жрица. Нежить отшатнулась в сторону.

— Давай двигай отсель! — взмахнул хлыстом подбегающий

соглядатай. Мертвяк кинулся к кустам и уже оттуда наблюдал, как правитель, махнув рукой в черной перчатке, открыл портал. Закрутилась темная воронка, открывая ход прямо в Хлад. Конь Китара фыркнул и пошел к воронке.

— Эй, Стас, или как там тебя, — прозвучал тихий шепот.

Мертвяк повернулся к зовущему.

Тимир, висевший через седло, приподнял голову.

— Подойди.

Мертвяк опасливо посмотрел по сторонам. Бесы стояли поодаль переговаривались.

Нежить недоверчиво приблизилась к Тимиру.

— Найди Аглаю, скажи, чтобы шла в Храм. Только так она домой попасть сможет, если дар бабки своей получит… — Он смолк. — И скажи, что я… я…

— Эй! А ну пошел отсюда, мертвяк! — замахнулся кулаком подошедший бес. Стас ловко увернулся от удара и шмыгнул в кусты.

Тимир бросил на него тоскливый взгляд.

— Не понял…

Кнут ударил коня, тот недовольно мотнул головой и галопом припустился к порталу, нагоняя остальных.

— П — п — понял! — прошелестела нежить и направилась в обратную сторону, внюхиваясь в воздух.

* * *

Аглая проснулась от холода. Тянуло уже не только от каменного пола, но и со стороны входа в грот. Аглая поежилась, покрепче прижала к себе хоря. Села. В пещеру заглядывала полным диском луна.

— Тихон! — позвала тихо. Никто не отозвался.

— Тихон!

Вход в грот преградила тень.

— Тихон! — вскочила Аглая и тут же завизжала. К ней, вытянув руки, направился мертвяк.

— Ы — ы — ы!

Хорь спрыгнул и кинулся на нежить, впился зубами в плоть и с куском отвалившегося мяса шмякнулся вниз, ошалело замотал головой.

— Ы — ы — ы! — продолжал мертвяк. Аглая задохнулась, на миг смолкла, только для того, чтобы набрать больше воздуха в легкие и

завизжать снова.

Мертвяк остановился. Лунный свет лизнул почти неузнаваемое лицо. Аглая задохнулась криком и хрипло выдавила, чуя, как пошел из — под ног пещерный пол:

— Стас!

— Ы — ы — ы!

Аглаю затрясло.

— Ни — и, — затянул он. — Ни — и — и…

Хорь снова бросился на нежить.

— Что здесь! — Голос Тихона заставил оглянуться всех. — Чтоб мои седые волоса повылазили! — Хлопнул глазами, выронив охапку сухих веток. — Тихо, не двигаемся. Он вроде не агрессивный.

— Это Стас, — заплетающимся языком проговорила Аглая.

— Да хоть кто! Нежить вся опасна.

Тихон начал по стеночке подкрадываться к нежити.

— Ы — ы — ы? — вопросительно полюбопытствовал мертвяк, смотря, как старик то приседает, то подпрыгивает, направляясь к нему. А хорь, пристроившись за спиной, зло цыкает, проводя лапой по шее. Кирдык тебе, нежить.

— Ы — ы — ы! — посмотрел на Аглаю мертвяк. И тут же взвизгнул, кинулся за ее спину от остервенелого вопля.

— Стоять!

Тихон тоже завопил и бросился к Аглае, схватив за подмышки хоря.

В проеме пещеры стояли двое с мечами наизготовку. Нежить тряслась, вцепившись в плечо Аглаи и тыкая костлявым пальцем в воинов.

— Ы — ы — ы — ы — ы!

— Отойди от нее, нечисть! — зарычал один из ворвавшихся знакомым голосом.

— Радомир?

— Бей нечистого! — рявкнул охотник и кинулся на Аглаю. Следом, обнажив меч, кинулся второй воин. Аглая вскрикнула.

Они уже достигли ее, но обрушить мечи на прячущегося за спиной мертвяка не успели. Тот вдруг вытянул руки, от страха закрыв глаза, и четко выкрикнул:

— Тимир!

Аглая прикрыла нежить своим телом.

— Не тронь! — И от ее голоса по гроту прошел гул, от которого остановились и замерли все. Аглая и сама испугалась, отскочила в сторону. И только нежить осталась стоять с испуганным лицом.

— Тимир! — четко на выдохе повторил мертвяк.

— Что?

— Ти — и — им…

— Тимир! Это мы поняли! — Домовой воззрился снизу вверх на нежить.

— Пе — е — е — е — ре — е — е — ед — д — д… — дрожащим голосом затянул мертвяк.

— Передал?

Нежить кивнула.

Аглая подскочила к Стасу, схватила за плечи.

— Ты видел Тимира?

Кивок.

— И Нику?

— Не — не — не Ника… чу — чу — ж — ж — жая…

Аглая опустила глаза.

— Это больше не Ника.

Стас глухо застонал, начал заваливаться набок, обхватив голову руками.

И вдруг весь вскинулся. Мертвые глаза уставились на Аглаю.

— Г — г — где?

Аглая растерянно смотрела на Стаса.

— Кто его знает, — вместо нее ответил, вздыхая, домовой. — Одно ясно, та, что была Никой, теперь жрица. Мертвая древняя жрица.

Аглая села на каменный пол грота. Вместе они судорожно всхлипнули. Домовой опустился рядом с Аглаей.

— И потому ты как никогда нужна. Живая и на свободе.

— Зачем? — рыдала Аглая, домовой вытирал ей слезы маленькой ладонью. — Что я могу?

Всхлипывал и Стас. Но на него домовой покосился и вытирать слезы не решился.

— Ты нужна, мне… Тимиру. — Тихон поднялся, кивнул застывшим с обнаженным оружием мужчинам на рассыпанный у входа хворост. Те переглянулись, звякнули вкладываемые в ножны мечи. Тихон снова обернулся к Аглае.

— Я при первой встрече говорил, — продолжил домовой. — Сплело вас с Никой, ох как сплело…

Аглая подняла голову.

— Разве ж сможет простая ведьма против жрецов верховных, против соглядатаев…

— А ты и не простая ведьма.

Аглая вытерла кулаком нос.

— Не простая! — Эхо разлетелось по пещере. — Простая! Тая! Ая!

— А то ж! — кивнул Тихон.

— Тим… Тимир сказал. В Храм, — протянул Стас.

— И он прав. — Тихон согласно посмотрел на нежить. — В Храм тебе нужно.

— В места жуткие заповедные? — У Аглаи мурашки прошли по коже. — К мертвым ведьмам?

— Тут уж выбор за тобой…

Аглая вытерла последние слезы. В щеку ткнулась мордочка хоря. Стас заглядывал в лицо мертвыми глазами.

— Мы идем в Храм ведьм, — уверенно проговорила Аглая. — Только знать бы, куда идти?

— А чего не знать, — вздохнул, скидывая хворост на середину пещеры, Радомир. — Бывали там, гм… мои ребята. — Помолчал, на глаза набежала пелена. Аглая вспомнила рассказ охотницы. Один только вернулся. Еле откачали. И тут же в подтверждение ее догадки глава кивнул. — Тропу знаю. Проведу.

Святозар зажег огниво, с интересом посматривая на Аглаю. Вот она какая — ведьма! А ведь с виду обычная девчонка. И чего это Радомир за ней поперся? Хотя… и тут же чертыхнулся, не хватало еще, и грудь потер. Слышал он, что сила ведовская к себе любого хуже любовного приворота тянет. А вот не думал, что самому придется столкнуться. Тряхнул головой — гнать, гнать из головы и сердца внезапную дурноту. А то смотришь, вместе с Радомиром последние мозги подрастеряет из — за ведьмочки. Главе, может, и можно, а Святозар воин! Задание у него от самого правителя Нугора. Ему не до сладких страданий.

— В храм, значит, в храм. — Перевел взгляд на нежить. — А скажи, друг наш неживой, не видел ли ты темну девицу, глаза раскосы цвета неба синего, лицом бела, с именем Нейла?

Нежить кивнула головой.

— Жрец… В Хлад увел…

Святозар нахмурился.

— В Хладе без помощи ведьмы точно не обойтись, — чиркнул огнивом. Радомир присел у разгорающегося костра, достал из — за пазухи пачку, вытащил из нее сигарку. Стас приподнялся, удивленно воззрился на пачку, протянул руку. Радомир сигарки отдал, с недоверием смотря, как нежить крутит их в руках.

— Что там? — поднялась и Аглая. Стас оглянулся, демонстрируя ей пачку. Картонная, с синими разводами наполовину и надписью: «Беломорканал».

Глава 16

В сером небе привычно кричали вороны. Солнце белым диском просвечивало сквозь плотные облака. Ветер стучал ставнями заброшенных домов и гнал по заросшим дорожкам сухие травы.

Седой старик, подвезший путников до Калымища, поспешил уехать, даже не оглядываясь. Торопливо стегал лошаденку, пока не скрылись из виду.

— М — да! — протянул Святозар задумчиво, смотря на покосившиеся остовы хат. — Мрачно.

— Готично, — кивнула Аглая и направилась к первому дому. Нравится или нет, а ночевать им придется здесь. Солнце клонится к закату. И хотя храм недалеко, купол виднелся над верхушками покачивающихся деревьев, мрачный и пугающий, а ведь до него еще и через погост ведьм пройти нужно. У Аглаи не было никакого желания направляться в глушь на ночь глядя. От самой мысли у нее леденели руки. Даже мертвый Стас озирался и поеживался.

Аглая прошла до ближайшей калитки, потянула на себя. Старые доски вросли в землю и не двигались. Радомир, подошедший сзади, рывком вырвал трухлявую калитку и отшвырнул в сторону.

— Извольте! — подал руку.

Аглая прошла мимо. Хоть и старался глава всем своим поведением показать учтивость, однако всю дорогу до Калымища чувствовала его взгляд, пронзительный, раздевающий. Хотелось натянуть ниже оборванное Тимиром платье. И запахнуть хоть чем — нибудь декольте. С этим помог Святозар, отдавший свой плащ, но ноги при каждом шаге предательски дразнили и без того замутненный ее близостью взор Радомира. В конце концов, в деревеньке, где они заночевали напоследок, хозяйка, увидевшая Аглаю в таком виде, всплеснула руками и достала одежду одной из дочерей. В длинном глухом платье в пол Аглая почувствовала себя намного лучше. Да и взгляд Радомира стал поспокойнее.

Аглая поправила безрукавку, отданную на прощание хозяйкой постоя. Не глядя на главу, прошла к дому. Дверь, как и ожидалось, закрыта не была. Аглая с легкостью ее открыла. Собралась внутрь, но ее опередил Святозар. Поймал за руку, молча посторонил и юркнул первым, жестом приказывая ожидать. Выглянул, кивнул.

— Чисто! Вы бы, голубушка, так рьяно везде первой не шли! Все же

надежды на вас возлагаются, а вы несетесь сломя голову, ничего не видя. А ведь мы в крайней близости с могильником ведьмовским. Бог весть, отчего это калымищенцы все враз с хат съехали.

Аглая побледнела. Она и сама этим вопросом задавалась, как только согласился их подвезти старик. Трижды перед тем перекрестившись и цену зарядивший такую, что, кабы не Святозар, идти бы им сутки пешим шагом. Всю дорогу старик косо на путников поглядывал да приговаривал, мол, делать в Калымищах нечего, смерть бродит вокруг покинутой деревеньки.

Радомир молчал, смотрел мутным взглядом мимо говорившего. И брови сходились на переносице то ли от дум тяжелых, то ли от воспоминаний. Спросить Аглая побоялась. И теперь чувствовала сковывающий озноб. И прежде чем войти в хату, перекрестилась. Успела увидеть, как двуперстом сотворил крест побледневший Радомир. Тихон — и тот прошептал слова молитвенные. Хорь с его рук соскочил, поводил носом и заскулил.

— Не пугай! — шикнул на него Радомир. — Ты входить будешь? — кивнул на нежить. Стас покачал головой, ткнул на косую скамью у дома. — И то ладно, в оба смотри!

Стас кивнул.

— Вот дожил, — раздосадовано пожаловался глава Святозару. — И так душу тянет, а к тому же приходится с нежитью путь держать. А ведь сколько вот этими самыми руками закопал, руки — ноги отрывал да землей святой присыпал. А теперь что?.. Тьфу… А все ведьмы да жрецы…

Аглая бросила на него быстрый хмурый взгляд, Радомир прикусил язык.

Девушка вошла в хату. Было понятно, что люди уезжали, забирая только необходимое. Дорожки, скатерть на столе, даже рушник у рукомойника, покрытый пылью. На божнице иконка, от пыли не разглядеть образ. Пустая лампадка. В затянутое паутиной окно видно опускающийся за вершины деревьев солнечный диск. Времени до ночи час, не более.

— Дров бы да воды…

Святозар кивнул.

— Будет. — И хлопнул по плечу Радомира.

Тот почесал затылок, оглядываясь, взгляд выцепил из угла ведро, он на ходу подхватил его и вышел вслед за Святозаром.

— Маятно? — подошел к Аглае Тихон.

— Тяжко, душу будто в тиски заковали. Продыхнуть не могу. — Она перевела взгляд на видимый в окно купол храма. — И страшно.

— Не бойся, девочка. — Тихон взобрался на стул и тоже уставился в

окно. — Это с виду он хмурой.

— А внутри хороший? — горько усмехнулась Аглая.

Домовой вздохнул и сполз со стула.

Хлопнула дверь, вернулись Святозар и Радомир, один — с ведром воды, второй прошел по хате, высыпал дрова к печи.

Зашумела невесть откуда взятая метла, это домовой постарался. Хорь вытащил из — под лавки тряпку, чихнул и, макнув в таз с водой, начал вытирать пыль.

Когда солнце село, в избе горел огонь. Шипел закипевший чайник, булькала вода в котелке, куда Святозар горстью насыпал крупы.

— Жалко, маслица нет, знатна греча вышла бы.

Аглая сидела на лавке, откинувшись спиной на стену. В прикрытых глазах мелькали картины. То улыбающаяся Ника, там, далеко, в их мире, смеющаяся, с коротким ежиком черных волос, и тут же волосы отрастали, начинали виться по плечам, улыбка стиралась, глаза щурились озлобленно. Она криво усмехалась. Аглая вздрогнула, сгоняя дремоту. По хате плыл хороший запах гречки и тепла. Глаза сами собой закрывались. Тимир, обычно строгий, с язвительной усмешкой, держал ее за руку, заглядывал в глаза, и его лицо изменялось, он улыбался тепло и хорошо.

— Я буду защищать тебя, — шепнул и начал пропадать, расплываться в одно сплошное темное пятно.

— Тимир!

Пятно становилось больше и темнее, и уже ничего не было, только чернильная тьма, которая вытягивалась, обретала человеческую плоть. Аглая отшатнулась, увидев перед собой высокого человека в черном плаще. Жрец, Китар. За его спиной была видна огромная Обитель с высокой, уходящей в темное небо башней. Из окон башни лился яркий свет. Жрец протянул к Аглае руку. Она сдавленно вскрикнула и открыла глаза.

Тихон сидел у стола и вел тихий разговор с Радомиром. Тот хмурился. В отблесках печного огня на его лице расплывались красные пятна, глаза поблескивали. Святозар выхватил котелок из печи и водрузил на стол.

— А вот и готово!

Хорь уже растаскивал по столу вымытые им чаши. Святозар взял одну, шмякнул поварешку каши, дунул и сунул Тихону.

— Отнеси нашему мертвому другу, оголодал небось. Понимаю, что кашей нежить не накормить, однако… Чем можем…

Тихон сграбастал чашу и выскользнул за дверь. Через секунду послышался приглушенный смех, от которого у Аглаи мурашки пошли по коже, а Святозар громко икнул, перестав накладывать каши остальным, и

уставился на дверь.

Тихон вернулся с пустой чашей, волоча что — то за собой. Выйдя в середину комнаты, бросил тушку зайца.

— Не голоден наш мертвый друг, он еще и о нас побеспокоился. Но за кашу сказал спасибо, давно не ел.

Святозар положил ложку в котелок, прошел, поднял тушку, покрутил в руках.

— Вон оно как, ну — у, значит, от голода не пропадем. Разделаю, к обеду будет знатная жареха. — Швырнул тушку в угол. — А сейчас все за кашу.

Аглая ела нехотя, вкуса совсем не чувствовала. Темный лик жреца стоял перед глазами и Обитель со светящейся башней. Далеко за окном раздался волчий вой. Святозар приподнял голову от тарелки.

— Тьфу ты, полоумные, совсем близко воют…

— Стая. На гоне, — поддакнул, метеля кашу, Радомир, выгреб остатки. Отставил чашу и с удовольствием облизал ложку, исподлобья посматривая на вяло ковыряющуюся в тарелке Аглаю. — Вы как хотите, а я спать. Завтра рано подымемся, успеть нужно до ночи обратно вернуться. — Демонстративно зевнул и, кинув ложку в пустую чашу, направился к скамье. Лег и уже через минуту засопел.

Святозар продолжал сидеть.

— И ты бы ложился, — предложил ему убирающий посуду в сторону Тихон. — Я подежурю, коли чего — разбужу.

Святозар кивнул, но вставать не тропился, смотрел на Аглаю.

— Чего — то совсем ваша девка приуныла. Коли и от еды откажется, сил не будет… С чем завтра в храм пойдет?

— И то прав Святозар, — обратился к Аглае домовой. Она приподняла голову, посмотрела на обоих. И начала вяло заталкивать кашу в рот, жевать и глотать.

— Вот и хорошо, — забирая от нее пустую тарелку, улыбнулся Тихон. Аглая не ответила, поднялась, прошла к соседней от Радомира лавке, села и прикрыла глаза.

Потрескивал в печи огонь. Святозар залез на полати. Вскоре захрапел громко, по — мужицки, прогоняя весь сон у Аглаи. Да и не спалось. Только глаза прикрыты. Хорек попискивал на окне. Тихон убирал посуду.

За окном громко испуганно ухнула сова и унеслась с криком.

Дверь тихо отворилась, и заикающимся шепотом позвал Стас.

— Ти — ти — тихон!

— Тш — ш — ш! — шикнул тот. И быстро топая, пробежал к выходу.

Дверь скрипнула закрываясь. Аглая открыла глаза. В полутьме комнаты, освещенной лишь огнем очага, слышался храп Святозара и тихий посвист Радомира. Пищал, подергивая лапками на скамье у стола, хорь. Аглая поднялась, потянулась и прошла к окну. В лунной ночи явственно и жутко выступал купол храма. Темные точки кружили над ним.

«Вороны, — уверенно подумала Аглая. — С тех пор как мы пришли, они кружат и кружат, оголтелые, нет спокойствия». Птицы словно услышали Аглаю, смолкли, собрались вместе, в одно темное пятно.

Чудится?

Аглая протерла глаза и в следующий миг с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть. В нескольких шагах от окна стояли три силуэта. Длинные темные платья колыхал ветер. Тени стояли, обернув головы к единственному окну, испускающему тусклый свет. К тому, в которое смотрела, остолбенев от страха, Аглая.

— Ведьма? — прошелестел вопрос.

Аглая, как ни старалась, не могла оторвать глаз от силуэтов.

— В храм? — качнула головой вторая.

— Светлая? — вставила третья.

И тут же все оказались рядом с окном. Три бледных лица всматривались в Аглаю.

— Ведьма! Светлая! В храм! — зазвучали голоса.

Порывом распахнуло дверь, ударило прохладным воздухом, огонь полыхнул и затух. В избе стало темно. Тени скользнули внутрь. Длинные платья прикрывали босые ноги, словно порхающие над землей. Аглая кинулась к лавке, где отдыхала, она оставила на ней свой клинок. Никто — ни Святозар, ни Радомир, ни спящий хорь — даже ухом не повел.

Тени женщин окружили Аглаю. Призрачная рука поманила за собой. И Аглая, так и не взяв клинок, шагнула следом.

— Ведьмы! — прошептала благоговейно. — Навьи!

Они остановились, склонили головы в легком реверансе.

— Мы ждали… Мы верили… Мы отведем…

— Я разбужу остальных…

Навьи заметались вокруг. Закружили, залепетали быстро.

— Нельзя, нельзя… Место заповедное. Только ведьма может… нельзя… живому…

— Но как же? Я не могу оставить их здесь.

— Можешь, можешь… — Навьи тянули Аглаю из дому, и она безропотно шла, сама не заметив, как пропала заросшая бурьяном улица и по сторонам появились деревья.

Только когда возвысились из тьмы кресты на холмиках, она вдруг пришла в себя. И волосы на голове зашевелились. У каждой из могил стояла мертвая ведьма. И все они смотрели на нее.

— Светлая… светлая, без дара, — пронеслось ветром меж крестов. — В храм… храм…

От одного креста отделилась высокая навья. Скользя между могил, остановилась в шаге от Аглаи.

— Идем, — протянула призрачную руку. Та коснулась Аглаиной ладони. Девушка вздрогнула. От ведьмы исходил холод. — Я укажу…

И снова помутилось в глазах. Передвигала ли Аглая ногами, или все вокруг просто исчезло, размылись в сознании могилки, растаяли в ночном воздухе навьи, все, кроме одной, ведущей ее сквозь густой лес. Храм вырос внезапно, встал на пути с покосившейся дверью, возвышавшейся над одной — единственной ступенью, и та с прогнившими досками.

Мертвая ведьма впорхнула в открытую дверь. Махнула рукой, зазывая Аглаю.

Старая половица жалобно скрипнула под ногами, давая знать об их приходе.

Навья, чуть касаясь ногами дощатого пола, шла по храму. В высоких сводах облупившиеся образы смотрели на пришедших грустными глазами. В разбитые стекла окон заглядывала удивленная луна. Ведьма подошла к старой, потертой временем двери и пропала за ней. Аглая поспешила следом. За дверью зиял кромешной темнотой проход. В лунном свете угадывался узкий коридор, уходящий вниз. Навья уже спускалась. Но едва Аглая шагнула на ступень, сразу поняла — это будет нелегкий спуск. Через тонкие пробоины меж каменных ступеней пробивалась вода. Ступени склизкие, устоять на них трудно. Мало того, едва Аглая сделала пару шагов, как дверь с хлопком закрылась, погрузив ее в полную тьму. Аглая нащупала стену и, ведя по ней рукой, начала спускаться. Ноги скользили вместе со сбегающими струйками. Аглая про себя позавидовала и изумилась прыткости своей провожатой, едва поспевая за удаляющимся миражным светом навьи. Но, спустившись на несколько ступеней, поняла: навья слишком быстра. А еще через пару ступеней свет пропал далеко внизу. Аглая оглянулась назад. Да что толку, тьма там стояла точно такая же.

«Да и поздно возвращаться. Я уже в храме. Теперь только вперед!»

Она пару раз вдохнула — выдохнула, успокаивая тревожное сердцебиение, и продолжила медленно спускаться.

Ступени тянулись и тянулись, вода журчала то сильнее, то слабее.

Сапожки, так благодарно подаренные хозяйкой постоя, промокли, и в них хлюпало.

— Эй! — позвала Аглая пропавшую навью.

Звук отразился от стен и, вернувшись обратно эхом, резанул по ушам.

Аглая про себя отсчитывала ступени. Когда досчитала до ста, остановилась, переводя дыхание. От напряжения дрожали ноги, а на руках скопилась неприятная слизь.

«Это какие — то бесконечные ступеньки. Я что, в преисподнюю спускаюсь?» — подумала и невесело улыбнулась своим мыслям. Какая уж тут преисподняя? Ад, он вон, наверху, в темной чаще леса, в обозленной жрице, завладевшей телом ее подруги, в навечно остановившихся глазах Риты. В черных зрачках Тимира. При мысли о Тимире ноги соскользнули, и Аглая шлепнулась на ступень, больно ударившись копчиком.

«Черт! — От боли навернулись слезы. — Господи, я никогда отсюда не выйду. Я устала и больше не могу. И навья пропала. А может, это и не ведьма? Может, меня сюда специально нечистые заманили? И ведь никого рядом нет. — От страха по коже пошли мурашки, тело начал бить озноб. Вот так! Сама дура, поплелась за призраками. И зачем? А разве она понимала, куда шла? К боли прибавилась обида, и захотелось завыть. Аглая шмыгнула носом, обняла себя руками и начала раскачиваться из стороны в сторону на холодных ступенях. Ноги озябли, ледяная вода бежала журча. — Вот и все! Здесь и помру. И надо же так глупо попасться. Дура!»

«Хлюп, хлюп», — послышалось внизу.

Аглая перестала раскачиваться, прислушалась.

«Хлюп, хлюп», — поднималось по ступеням.

«Хлюп, хлюп», — а следом дребезжащее ворчание: — Абргн, драмкам, рам, до — док.

Аглая вскочила, поскользнулась, успела ногтями вцепиться в склизкую стену.

— Эй, кто здесь?

— Драм, подрав, до — док!

Внизу появился небольшой огонек, он поднимался к Аглае, издавая хлюпанье и непонятное бормотание. Аглая вжалась в стену. Бежать вверх бессмысленно, только ноги переломаешь.

— Дика повери, стрампарам.

Чем ближе, тем явственнее проступал силуэт, несший в руках факел. Поднимавшийся был чуть сгорблен, голову скрывал платок. Длинная юбка волочилась следом. Древняя бабка поднималась навстречу Аглае, неся полную тарабарщину.

Когда до Аглаи осталось несколько ступеней, остановилась, задрала голову всматриваясь. Лицо у нее было доброе, щенячье, все сплошь покрытое морщинами.

— Она, что ль? — спросила бабка в темноту.

Из стены появилась призрачная навья, закивала головой.

— А с виду и не скажешь, — с интересом рассматривала гостью старуха. — Амбра, тгатгари. Пуф — пуф лалари.

Аглая с таким же интересом смотрела на нее.

— Ты откуда будешь?

Аглая растерялась. Что она должна ответить? Откуда она?

— Издалека.

— Видимо, совсем издалека. — Пламя факела колыхнулось, вырисовывая на стенах изломанные тени. — Ну, идем со мной, одаренная. Посмотрим, что ты за ведьма. А то эти оголтелые все уши прожужжали, кричат, мечутся — ведьма, светлая, живая! — Старуха развернулась и начала неторопливо спускаться. — Сейчас мы и посмотрим, правда ли ведьма, правда ли светлая.

— А если не ведьма?..

— Помрешь, — резанула бабка.

У Аглаи похолодело на сердце.

— А ты, поди, и не знала? — Старуха остановилась, оглянулась с прищуром.

— Не знала, — прошептала Аглая.

— Теперь уже поздно вертаться, — махнула бабка рукой и пошла далее. — Ты не боись, рядом с храмом похороню. Могилку какими цветами обложить?

— Розами, — одними губами прошептала Аглая.

— Роз у нас нет, это в город нужно, я тебе шиповник высажу, белый, ежели чего. Ты как к белому?.. Замужняя? Нет, по всему видать. Значит, точно белый.

Старуха замолчала, остановилась у стены, преградившей им путь. Сделала пасс рукой, кивнула седой головой и толкнула стену, та послушно отошла прочь, открывая вход в просторную залу. По всему периметру висели круглые фонари с играющими внутри огоньками.

— Входи, ноги — то небось все выстудила? Ишь как чавкает. Здесь на пороге и сбрасывай. Я тебе сейчас тепленького дам.

И направилась через залу.

Аглая стянула мокрые сапоги, ступила на каменный пол и удивилась: тот не был холодным, напротив, от каменьев шло тепло. Аглая сделала пару

робких шагов, ошарашенно осматриваясь. Высокий купол украшало изображение Обители. Башня возвышалась над деревьями, водная гладь упиралась в подножие. Синий свет исходил из башни, озаряя все пространство.

Под фреской купола вытянулись в шеренги стеллажи, на них сложенные стопками рукописи. Аглая осторожно притронулась к одной, та ответила тонким жужжанием и кольнула в пальцы. Аглая отдернула руку.

— Не тронь, это истории.

Откуда появилась старуха, Аглая не увидела. Моргнула испуганно.

— Чьи истории?

— Ясно дело, ведьм. Просто так открыть нельзя.

— А что произойдет?

— Ежели ведьма мертва, то дар ее открывшей перейдет. А коли жива, то все ведовское из нее заберешь. Здесь же в каждую страничку сила вложена, связанная с хозяйкой. Прочтешь историю, выпьешь ведьму.

— Это что же, каждый может прийти, открыть и лишить ведьму силы?

Старуха усмехнулась беззубым ртом.

— Прийти может, а вот прочесть… Слово знать нужно, для каждой истории свое. — Старуха любовно погладила фолиант, неслышно прошептала, и тот смолк. Протянула Аглае мягкие тапки.

— Сапоги твои сохнуть поставила. — Зазывая, махнула рукой. Аглая, завороженно смотря на стеллажи, пошла по ряду за старухой.

— А если кто — то узнает слово?

Бабка глухо засмеялась.

— Да какая ж ведьма, будучи живой и в здравии, тебе его скажет? Скорее, смерти предастся и дар выпустит.

— А что, и такое было?

Старуха разом осунулась.

— Было. Во Времена Ухода… Вона сколько их… — указала на стеллаж у самой стены, где лежали ровными стопками покрытые пылью сотни рукописей.

— Это те… — прошептала Аглая.

— На погосте у храма. Они, родные. Неприкаянные. А как хотел Китар слово узнать…

— Китар?

Старуха качнула седой головой.

— А ты небось другую историю слышала. О любви и предательстве, о войне между жрецами и ведьмами.

Аглая во все глаза уставилась на старуху.

— Не так было?

— Не совсем так. — Старуха двинулась вдоль ряда. — Любовь была… Казалась сначала любовью. Это уж после Китар себя показал.

— Как показал?

— Ясно как! — старуха хмыкнула. — Душою черною. Очень уж горел в тайники Обители попасть.

— Разве жрецы не могут попасть в Обитель?

— Без ведовского соизволения в Обитель вообще мало кто попасть может, а в тайники и подавно. Я уж не говорю об артефактах, каждому слово свое нужно знать. Каждый только на ведовскую руку окликается.

— И Китар хотел их заполучить?

— Ох, как хотел. Уж как он Мерку уговаривал, чего сулил. Отказала. Тогда — то они с Миро и придумали для Гаяны эту историю. — Старуха остановилась, поправила выбившийся с полки уголок рукописи. — Думали, она их поддержит, тогда уж под натиском трех жрецов и сломают ведовскую мощь, узнают секреты. А она вишь, чего удумала… Женщины! Не разобравшись. Э — эх! Проклятие уничтожило всех ведьм, а история, придуманная Китаром и Миро, так и осталась бродить по деревням да слухами пополняться.

— И никто не стал разбираться?

— А кто бы стал? — Нависшие брови метнулись вверх. — Мерка исчезла, ведьмы — кто ушел за грань, кто погиб от проклятия. А Гаяна… Гаяна так и не вернулась. Кто знает, куда ее ненависть завела.

Старуха резко смолкла и остановилась. Стеллажи закончились. За ними, насколько хватало глаз, находились образа. Высокие, закрывающие стены от пола до потолка. Светлые лики, озаренные внутренним свечением, и темные, будто занавешенные дымкой. На выступах стояли сосуды замысловатой формы, в каждом трепетал огонь, играя тенями на образах. У дальней стены огромный камень с возвышающейся на нем серебряной купелью.

— Идем, — проговорила старуха и направилась прямиком к купели. Аглая пошла следом. Едва приблизились, как вода в купели всколыхнулась, покрылась рябью.

Голова старухи затряслась.

— Кровь нужна.

— Кровь?

— Твоя. — И глянула на Аглаю. Вытащила из кармана маленький ножичек. — Руку давай.

Аглая напряглась.

— Не боись, всю не выпущу.

Сама схватила ее за запястье и выпрямила ладонь. Острое лезвие раскроило мизинец. Тонкая струйка скользнула по подушечке, свернулась в каплю и стекла в воду. Рябь разгладилась, проглатывая каплю, и тут же взбурлила. Потемнела. Старуха нахмурилась, но вода изменила цвет на ярко — синий. Брови старухи взметнулись вверх. Вода стала искристой, золотистой, словно шампанское. Старуха с недоверием посмотрела на Аглаю.

— Ишь оно как… — Нахмурилась и направилась к стеллажам, оставив Аглаю одну. Вернулась быстро, неся с собой толстую рукопись.

— Твое! — сунула в руки Аглаи.

— Я ведьма?

— Однозначно!

— Так я ж слово не знаю.

— А тебе и не надо! Тот, кто это оставлял, — кивнула на рукопись, — догадывался, как все сложится. — Она постучала пальцем по виску. — Там есть кое — что. И «слово» там…

Она махнула рукой, и купель пропала, оставив только камень. Аглая положила на него рукопись, та слегка дрожала и звенела в ее руках.

— Что делать дальше?

Старуха не ответила. Аглая оглянулась, в зале никого не было. Горели в лампах огоньки. Взирали на нее лики с икон.

Аглая задумчиво посмотрела на рукопись. Пожелтевшие от времени листочки с завернувшимися краешками. Аглая попробовала положить руки на рукопись. Может, что — то почувствует, и «слово» само встанет в памяти? Не встало. Мало того, ладони будто иголочки пронзили. Аглая ойкнула и руки убрала.

— Ничего не вспоминается! — крик пронесся эхом и пропал в своде храма.

И что дальше? Каждая приходящая ведьма оставляла здесь свою историю. Аглаина, выходит, вот она. Лежит перед ней, звенит так, что уши закладывает. Только как ее получить? Аглая вертела рукопись в руках. Звон слишком громкий. И мочи уж нет его слушать. В висках стучит. И вся зала будто кругом пошла. Поплыли стеллажи у стен, ряды стали неровными.

«Это от перенапряжения!» — Аглая покачнулась. Успела ухватиться за камень. Вот тебе и ведьма! А сколько пафоса — то в слове. Ведьмы! Аглая усмехнулась. За грань головы сложили! Обитель покинули, в другие миры направились. И что за сила такая ведовская, ежели сами себя отстоять не смогли? М — да!

«…извела меня кручина, подколодная змея. Догорай, моя лучина, догорю с тобой и я…»

В голове шум.

«Кто сказал — не смогли? Другое дело — не захотели. Могли в Обители закрыться, артефактами воспользоваться, пол — Велимира бы вместе со жрецами полегло!»

— А чего ж не положили! Себя не пожалели, а людей и жрецов пожалели…

Вздох, тяжелый.

«Так любила ж… Как же его… Рука не поднялась».

Аглая растерялась.

— Китара любила? Он же предал!

«И что ж с того? А ты разве сразу поверила, что Игнат бес? До последнего хваталась за уже пропавшие чувства. Вот и я… До последнего любила».

— А когда любовь закончилась?

«Любовь не закончилась. Надежда пропала. Когда Гаяна пришла… Историю мне рассказала… И потребовала Миро вернуть. А я как могу, ежели он никогда мне не принадлежал… Не поверила. Обещала наутро прийти за ответом… Тогда — то я тех, кто остался, собрала да за грань повела. Да только не все пошли. У кого семьи здесь, кто просто не привычен был к чуждым. Уже у грани слышала, как проклятие жрицы по следу идет. И она вместе с ним. Я силу вложила в последнее заклятие, вязь пустоши заговорила, чтобы оградиться от жрицы. Слышала вой ее, когда она в вязь попала. А выбраться из нее без силы ведовской невозможно».

— Ты оставила ее там?

«А был выбор?»

— Она умерла в этой вязи… — Ужас скользнул в голосе.

«Мертва телом, дух в заточении остался. Я грань в Велимир и закрыла. Стражи пустоши не должны были пропускать ведьм. Опасно им в Велимире стало. Кто ж знал, что она вызвать ведьму из — за грани сможет. А с ней и ты пришла. Связала вас судьба».

Аглая молчала, смотря на открытую рукопись. Вот как вышло, что навья жрицы оказалась в теле Ники. Она попала в ту самую вязь. А Аглая их вытащила.

— Это можно исправить? Вернуть Нику?

«Исправить? Вернуть?» — задумчиво.

Рукопись осветилась серебристым. Свет разлился, заполонил залу, поглощая храм. И уже ничего не было. Все пропало. Зала, огромный валун.

Стеллажи за спиной и иконы расплылись в ярком сиянии.

Аглая стояла, смотря в зависшую в воздухе рукопись, и видела. Забытые воспоминания.

Улица, она ее почти и не помнила. Узкая, с чередой четырехэтажных домов и запахом сдобы, ее готовили на углу в маленьком синем вагончике. Он стоял рядом с магазином. Аглая в детстве часто ходила туда с мамой.

«Алька, не дергай за руку».

Мама! На глазах выступили слезы.

«Я боюсь собаку».

«Она не тронет, подожди здесь, я зайду в магазин».

И уходит, оставив ее одну.

Собака в нескольких шагах, привязанная к перилам. Щерится. Рычит.

Аглая сторонится.

«Не лай, не пугай меня». — Пес делает стойку, внюхивается и вдруг садится на задние лапы, высовывает язык, смотрит доверительно.

Мама выходит через пару минут. Аглая гладит пса по голове, тот заглядывает ей в глаза. Добрый пес.

«Я же говорила, не бойся». — Мама улыбается, берет за руку и уводит.

По страницам проходят серебристые волны, открывая новую картину.

Аглая стоит в книжном магазине, она любит читать. А вот и книга, она давно хотела купить. Но та в руках другой девушки. Аглая вздыхает. Жалко. Громкая трель сотового, девушка откладывает книгу, начинает разговаривать, отворачивается. Аглая берет книгу в руки и довольная идет к кассе, расплачивается и выходит, у дверей слышит, как девушка спрашивает точно такую же.

«Извините, это был последний экземпляр», — извиняющийся ответ.

Серебристые волны.

Нечаянный взмах рукой, и любимый мамин цветок слетает с полки. Земля рассыпается по зеленой дорожке. Аглая в ужасе закрывает глаза. Открывает — горшок без единой трещины стоит на полу. Дорожка чиста.

Волны.

Игнат улыбается ей, в лунном свете блестят его глаза. Нежные. Прижимает ее к себе. Аглае хорошо.

«Я провожу до квартиры».

«Не надо», — смущается. Это их первое свидание. Так не хочется расставаться. Он осторожно касается губами ее щеки. Он еще близкий и родной. Она отходит, оглядывается. Его нет. Пустота.

От этой картины ее бьет ознобом.

И снова все меняется перед взором.

Высокие деревья. Мрачная топь. Ника смотрит испуганными глазами.

«Не бросай меня!»

«Не брошу!»

Аглая ползет за ней и слышит, как дышит в спину жуткая тварь. Хранитель вязи. Тянется к ним носом, тыкается и вдруг отшатывается, скрывается в чаще. А следом хрипящие иноходцы. Взгляд пса скользит по болоту и не видит их.

Волны перелистывают страницы.

«Решишь искупаться, не ходи одна. Вы мне живые нужны».

Тимир. Аглая сжала руки в кулаки. Не пропадай. Не исчезай, видение.

Глаза у него темные, уставшие.

Лицо напряженное.

А за спиной мавки смотрят на нее. И что — то в их взглядах пугливое. Шлепают по воде и уплывают.

— Тимир, — шепчет, протягивая к видению руку, но парень блекнет, исчезает в серебристой волне. Зато отчетливо видна подплывшая к берегу мавка.

«… извела меня кручина…» — тягучий голос.

— Подколодная змея, — глотая навернувшиеся слезы, повторяет Аглая. — Догорай, моя лучина…

Нет, это не Тимир спугнул мавок. Они увидели, почуяли, кто она. Они вспомнили!

Аглая похожа на бабушку, мама всегда это говорила. Это бабушка пела мавкам песню.

Аглаю начало трясти.

Она постаралась оторвать взгляд от страниц рукописи. И не могла, тело застыло каменным изваянием, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. А волны все перелистывали и перелистывали историю, волнуя воздух. И вокруг Аглаи поднимался сизый туман. И ничего в нем не видно, кроме раскрытой рукописи и серебристых букв на желтых от времени листах. Они, сложенные в непонятные символы, вспыхивали и тут же пропадали.

Дар — вот он!

В тумане проявились, начали кружить вокруг синие тени древних ведьм. По ногам потянуло холодом. Послышался шум бора над головой. Менялись листы. И пропадали с них слова и история, будто ее и не было.

«Смотри, смотри…»

«Смотри, запоминай …» — шепот навий.

Аглая уже не в Храме. Шумят от ветра деревья. Совсем рядом

пронзительно ухнула сова. Вороны испуганно хлопают крыльями и кричат возмущенно.

«Ты, ты, твоя история, твой дар». — Навьи метались, дрожали их призрачные тела.

Книга под Аглаиными руками светилась мягким светом.

«Смотри, запоминай. Смотри, внимай!..»

Тепло. Тянет травой и ягодой.

Дождик. Летний, слепой. По сенцам. Крап — крап. А она лежит на свежевыкошенном и смотрит в щели толстых балок, прикрывающих крышу амбара. А потом босиком по влажной траве до дома. Там уже бабуля крынку с молоком на стол поставила и хлеба свежего. Запа — ах!

Бабушка с улыбкой на худощавом лице, зеленые глаза ясные, без старческой мути. Морщинки только у глаз. Синий платок прикрывает уложенные в косу седые волосы.

— Бабушка! — Аглая потянула руки в объятия старушки. — Бабуля!

— Девочка моя, Аленька! — Тепло.

— Почему ты не сказала?

Бабушка вздыхает. Горько. Судорожно. Гладит Аглаю по щекам дрожащей ладонью. И пахнет от нее травами и земляникой. А на щеки Аглаи падают капли. Дождь начинается. Она стоит босиком на влажной траве у домика. Серого, покосившегося.

— Бабушка!

— Не плачь, Аленька. Слушай! Слушай меня!

— Мне страшно!

— Не бойся, девочка моя. Ничего не бойся…

И на траве рядом с Аглаей появляется крынка молока и ломоть хлеба. Запашистого белого, по коричневой корочке сбегают капли дождя. Аглая протягивает руки.

— Ешь. — Она откусывает, жует.

— Пей, все пей. Весь дар. До капли.

Аглая опрокидывает в себя крынку и пьет. Захлебываясь.

Пальцы обдало жаром, крынка выпала из рук, жар разливался по венам. Усталость многовековая, будто шапка, накрыла с головой. Рукопись отпускала, пропадали видения, туман рассеивался. Осталась только влажная земля. Аглая не сразу поняла, что она уже не в храме. И не было рядом привидевшейся бабушки, а крынка была. Все еще наполовину полная.

«Пей. Все пей…»

Аглая прильнула губами к краю. И вовсе уже не парное молоко, а

горькое, обжигающее горло зелье.

«Пей! Все до капли!»

Аглая прикрыла глаза. От питья стучало в висках и кружилась голова. Дар лился в тело, обжигал.

Аглая отшвырнула пустую крынку и заплакала, шепча то, что успела сказать бабушка.

Мохнатая лапа выхватила рукопись и одним рывком разодрала ее на части.

Аглая не поднимала глаз. Только губы шевелились в древнем ведовском заговоре, несмотря на склонившегося над ней беса.

Глава 17

— Где Аглая?

Тихон схватился за сердце, потом глянул на Стаса.

— Навьи — и — и — и… — протянул мертвяк.

Из груди Радомира послышалось рычание. Одним прыжком он пересек хату и выскочил в дверь.

— Аглая! — Крик разнесся по мертвой деревеньке.

— Нас отвлекли и увели ее, — сел, обхватив голову, Тихон.

— Ведьмы! — Святозар ударил кулаком по столу. — Теперь нипочем не сыщем. И клинок вон он, на лавке оставила.

Хорь упал с лавки и заломил лапы.

— Аглая!

Испугано взметнулись с заборов вороны.

Святозар сел на лавку.

— М — да — а, дела. Вот и сходили к храму.

Радомир вбежал в дом. Схватил плащ.

— Куда ты?

— К храму, я эту нечисть, всю… подчистую!

Нежить закивала головой, стукнула себя в грудь.

— Идем, — хлопнул его по плечу Радомир. Но выйти они не успели.

В распахнутую дверь вплыл прозрачный силуэт.

Радомир, издав рык, бросился на него, замахиваясь мечом. Навья лишь усмехнулась, лезвие прошло насквозь, не причинив ей вреда. Зато рукоять покрылась колючим льдом. Охотник вскрикнул, отшвырнул оружие в сторону и схватился за раненую руку.

— Дурень, — шепнула мертвая ведьма, оглядела всех, устремила взгляд на хоря.

Тот замер, смотря в глаза мертвой ведьме. Навья подплыла к зверьку.

— Ты! Я покажу… Утес… Аглае нужна ваша помощь…

Хорек кивнул. Навья выпрямилась, глянула презрительно на остальных и выплыла из хаты.

— А чего это она с хорем разговаривала? С людьми мертвые ведьмы ладу не находят? — Радомир, все еще потиравший ладонь, с осторожностью поднял с пола меч. Покрутил, сунул обратно в ножны.

Тихон отвел глаза.

— С людьми… Она к своей обратилась.

— Что значит, своей? — сощурил глаза Святозар.

— То и значит, дар в зверьке, — выдавил Тихон и тут же замахал руками. — Не о том думаешь, светлый глава. Ты слышал, что ведьма сказала?

Охотник сощурил глаза, недоверчиво покосился на хоря. Зверек стрельнул на главу темным глазом и бросился к двери.

— И то верно! — прикрикнул Святозар и рванул следом.

Ветви хлестали. Кусты цеплялись за одежды, вонзались в кожу. Жухлая трава скользила под ногами.

— Быстрее! — шепот навьи подгонял.

— Вы вперед бегите, — переводя дух, протянул Тихон и рухнул на колени. — Я так скоро не могу…

Святозар вскользь глянул на домового, схватил за шкирку так, что затрещал ворот, закинул на плечо. Тихон только охнул, отросшая бороденка хлопала по спине воителя. Оставалось лишь вытянуть руки и висеть мешком.

Где — то впереди рубил ветви направо — налево Радомир. Клял все и вся на чем свет стоит, прокладывая путь в заросших бурьяном дебрях. Слышен был только свит меча и хруст ветвей. Несколько раз подбегал к нему хорек, заламывал лапы и уносился далеко вперед. Снова возвращался.

— Да что ж я тебе, не тороплюсь? — отдувался Радомир.

Зверек поморщил нос и бросился вперед. Некогда всех ждать. Помощь нужна сейчас. Мелькала впереди навья, хмурилась, торопила.

«Быстрее, быстрее… — молоточками стучало в голове бежавшего хоря. — Э — эх, не успею!» Ловко перепрыгивал с дерева на дерево, лавируя меж густо сплетенными ветвями. Мелькал коричневый хвост, испуганные белки кинулись врассыпную. Проводила голодным взглядом росомаха, бросилась следом, но столкнулась нос к носу с шипящей навьей, взвизгнула и скрылась.

Деревья закончились внезапно, открыв поляну.

Травы легли, помятые тяжелыми лапами. Огромный бес стоял, внюхиваясь в землю. В стороне валялась разорванная рукопись с пустыми страницами. Запах Аглаи витал в воздухе. Ощетинившись и издав грозный визг, хорек бесстрашно бросился на беса. Тот медленно повернул громадную тушу и издал клокочущий смех. Расправил перепончатые крылья. Сморщенный поросячий нос громко вдохнул воздух, белые клыки блестели из — под приподнятой деформированной губы.

— Оборотка. А ты не мала, чтобы нападать на меня?

С ожесточением, не свойственным ему, хорек впился в трясущуюся от

смеха лапу беса.

Навья, остановившаяся у края поляны, вскрикнула. Бес только зыркнул в сторону мертвой, и та пропала испарившись.

Бес, взмахнув второй лапой, наотмашь ударил по рычащему, беснующемуся телу зверька. Отлетев на несколько шагов, хорек вскочил на ноги и с новым ожесточением кинулся на врага. Слезы горя и ярости застилали ему глаза. Еще раз. Мимо. Снова за лапу. Удар. Смех беса приводил в неистовство. Тряхнув пушистым хвостом, хорь проглотил стоящий в горле ком. Снова прыжок. Смех прекратился, послышалось бульканье. Чудовище махнуло громадной мохнатой мордой и взвыло. Кинувшись на землю, оно яростно каталось, пытаясь оторвать от шеи маленького оборотня. Хорь сильнее сжимал пасть. Мелкие острые зубы продирались сквозь шерсть, ближе к горлу. Наконец бесу удалось ухватить юркое тело в тот самый момент, когда тонкие зубы прокусили вену. Кровь хлынула по шерсти. Густая, темная. Бес захрипел. Ему понадобился всего один удар. Хруст. Яркая боль свела тело хоря, еще хруст. В глазах потемнело, запрыгали серые блики, закрутилась перед глазами поляна, куда — то в сторону поплыли большие зеленые ели. Всего один удар для маленького тела. Хорек не выпускал шею противника. И тогда лапа рванула еще раз. Вой, короткий, болезненный разнесся над поляной. Хорь дернул в агонии лапами, падая на стылую землю.

— Аглая! — И прикрыл залитые кровью глаза. Он не чувствовал вывернутых лап и переломанной спины. Сосны и ели подернулись кровавой пеленой и начали меркнуть.

«Аглая…» — Отблеск восходящего солнца яркой радугой вспыхнул в темных бусиничных глазах и погас. Бес рыкнул, подошел к затихшему зверьку и остановился прислушиваясь. Хвоя хрустела под ногами двух крупных воинов. Летели в разные стороны щепки рубленых ветвей. Бес заворчал, кинул косой взгляд на неподвижного хоря, взмахнул кожистыми крыльями и пропал в вершинах елей.

* * *

Тихон рухнул на колени перед маленьким тельцем. Затряслись плечи. Рядом присел Стас. Всхлипнул, осторожно потрогал хорька. И снова всхлипнул, уже громче.

— Опоздали!

Домовой сокрушенно уронил голову, слезы растеклись по разом

постаревшему лицу. Святозар опустил руку ему на плечо. Его лицо было каменным, взор с яростью искал того, кто сотворил это с хорем. Он пытался разглядеть и второе тело. Носился по поляне разъяренный Радомир, впустую сотрясая воздух выкриками и мечом.

— Аглая!

Святозар, хмурясь, окинул взглядом поляну. Разорванная рукопись лежала недалеко. Поднявшись, он подошел к ней. Потрогал ногой. Пустые листы рассыпались прахом. Святозар чертыхнулся отступая. Оглянулся. Радомир стоял, опустив горестно голову. Стас сидел рядом с Тихоном и скулил по — звериному.

Святозар еще раз огляделся. Помятая трава. Погибший хорек.

— Ее здесь нет.

Радомир не откликнулся. Стоял трясясь, не поднимая головы. Повис в руке меч. Святозар подошел, тряхнул его за плечи.

— Приди в себя, глава! Ты охотник или баба? Ее здесь нет! Зверушку жалко. Но Аглаи здесь нет!

Радомир будто и не слышал, раскачивался из стороны в сторону причитая. Святозар со злостью выдохнул, развернул охотника к себе лицом и уже готов был врезать ему, приводя в сознание. Но тут теплый ветерок всколыхнул волосы. Святозар оглянулся, возглас удивления и поражения невольно вырвался из его уст.

Над Тихоном стояла Аглая. Она нежно гладила домового по плечу. Тот, обхватив ее за ноги, всхлипывал сильнее.

— Прости, Аглая, прости. А вот Талу мы не уберегли.

В глазницах Стаса зашевелилась пустота.

Пораженный Святозар отпустил не видящего ничего вокруг Радомира и направился к Аглае.

— Как ты выжила?

— Когда я почувствовала дыхание беса, дар уже был во мне, осталось только воспользоваться им. — Она грустно улыбнулась. — Не спрашивай больше, я все равно не сумею рассказать.

Она осторожно отодвинула от себя рыдающего Тихона. Глянула искоса на Радомира. Тот поднял голову, увидел Аглаю, в глазах вспыхнуло недоверие.

— Аглая!

— Останови его, — прошептала она.

Святозар встал на пути бросившегося вперед охотника. Тот рыкнул на него. Но встретил обнаженный меч.

— Не мешай ей.

Радомир сник. Стоял, замершим взглядом смотря на опустившуюся на колени перед хорем Аглаю.

— Стас, ты как никто ближе к смерти. Вправь ей кости.

Нежить кивнула и взялась за маленькое тельце.

— Что ты собралась делать? Он погиб с честью в бою, — нахмурился Святозар.

Аглая повернула голову, холодно смерила воителя взглядом.

— Я не собираюсь осквернять ее, но я вижу, что искра жизни еще не угасла в теле.

Святозар недоверчиво посмотрел на Аглаю.

Стас уверенными движениями вправлял зверьку кости.

— В вашем мире лекарем был? — поинтересовался Святозар.

— В моем мире он был хорошим человеком. А здесь… — Аглая вздохнула. — Знания эти посмертием даны.

— В смысле — не одного такого хоря разделал?

Стас бросил колючий взгляд на Святозара.

— Все, молчу. Вишь, и здесь пригодилось.

Нежить кивнула Аглае и отодвинулась. Аглая жестом приказала всем отойти. Подняла лежащую на земле палку и прочертила вокруг зверька круг. Внутри вывела пятиконечную звезду. Оторвав кусок от подола, Аглая соорудила пентакль и опустилась перед маленьким тельцем на колени.

Слова, громкие и странные, начали вылетать из уст. Святозар и Радомир завороженно наблюдали, как пентакль в ее руке преобразился и, ожив, выпрыгнул из рук, начал прыгать по нарисованной звезде, с каждым новым прыжком ускоряя свой бег. И вслед ему поднимались волной земля и травы. Ожившая скачущая тряпочка остановилась, вспыхнула серебристым светом. Тот с каждой секундой разгорался сильнее, и вот уже вся звезда пылала холодным огнем. Языки пламени извивались, дрожали в такт с вознесшимся над полем голосом. Белые березы склонились. Сосны качались из стороны в сторону, роняя и разбрасывая вокруг пожелтевшие разом иглы. Птицы сбились в стаи и, звонко перекрикивая друг друга, кружили над трещавшей и пляшущей огненной стеной.

Смолкло все разом.

Стена начала медленно тускнеть, потом резко взметнулась ярким серебристым столбом и рассыпалась на мелкие тухнущие звездочки. Птицы взвились в рассветное небо и разлетелись по сторонам. Пентакль сверкнул огоньком и пропал.

— За всю свою долгую жизнь я никогда такого не видел, волшебство! — протянул пораженный Святозар.

Тихон и Стас широко раскрытыми глазами смотрели на то место, где была Аглая. А рядом с ней, слегка покачиваясь, сидела бледная знахарка Тала. Радомир очнулся первым, кинулся к ним. Подхватил обессиленную Аглаю, прижал к себе светлую русую голову. Святозар присвистнул.

— Да, дивные дела твои, ведьма.

Аглая попыталась отстраниться от главы. Он прижал ее сильнее.

— Нам пора идти, — высвобождаясь из крепких объятий, выдохнула Аглая.

— И то верно, нехорошее место! — поддакнул Святозар, помогая подняться знахарке.

— Надо же! — удивленно протянул, уже вынося ее с поляны. — А такой мелкий хорек был. Кто бы мог знать!

Тала покраснела и постаралась не смотреть начальнику Нугоровской стражи в глаза. Но крепче прижалась к могучей груди.

Под свист птиц и крик воронов они уходили из леса. И никто не увидел под низкими ветвями деревьев внимательно наблюдающего за процессией беса.

Глава 18

— Можно было сразу и двинуться, зачем время терять! — Святозар мрачно ходил по комнате.

Аглая толкла в чаше травы, собранные по дороге.

— Можно было. Но Тала слаба. Да и вы все уставшие.

— Тьфу! — сморщился Святозар. — Время уходит.

Аглая не ответила, продолжая заниматься зельем.

— А ты чего молчишь? — взъерепенился Святозар, хмуро глянув на охотника.

Радомир пожал плечами.

— А мне чего?

— И правда, — психанул Святозар. — Ты свою сердечную нашел, дальше хоть трын — трава!

Тихо застонала лежащая на полатях Тала, Святозар исподлобья глянул на нее, взгляд его смягчился, и уже себе под нос пробубнил:

— Может, и верно, куда спешить… — И направился к выходу.

Глухо стукнула дверь. Аглая посмотрела воителю вслед и поднялась. Сунула чашу с зельем рядом сидящему Тихону.

— Воды холодной добавь. А как выпьет, пусть спит.

— А ты? — вскочил Радомир.

Она не ответила, вышла.

Стас сидел на пороге, мертвыми глазами смотря на блеклое солнце, почти невидимое за сумрачными облаками.

Аглая тронула его за плечо.

— Идем.

Он кивнул, поднялся и пошел за Аглаей.

К погосту шли молча. Стас ничего не спрашивал. А Аглая и не хотела говорить. Слишком уж тягостно было на душе от задуманного.

Остановились только когда дошли.

Даже при дневном свете стояли у крестов неуспокоенные души ведьм.

Аглая обвела навий взглядом, ища нужную ей. Одна подплыла совсем близко. Аглая протянула руку. Стас хотел было удержать, но, увидев странное выражение лица, отступил, остановился за спиной.

Губы Аглаи шевелились в немом вопросе. Навья, смотрящая ей в глаза, отвечала. Задумчиво.

— Умерла! — пустым голосом повторила Аглая, и по щеке поползла

слеза.

И снова немой разговор. И столь же мрачные лица мертвых ведьм, обступивших их.

— Она ведьма! Жрице ведьма нужна была. Без нее в Обитель хода нет.

Навья согласно кивнула.

Аглая смотрела на нее: мертвенная бледность лица, выдающиеся скулы. Темные круги под глазами. Ведьма тяжко вздохнула, перевела взгляд на Стаса, покачала головой. Мрачно вздохнула и пропала. Остальные окружили новую ведьму, касались призрачными руками, шептались. Стас не слышал слов, но точно знал, Аглая их понимает и говорит, а они слушают. Вот несколько навий устремились в лес и вернулись, шепча что — то Аглае.

Она кивнула.

— Стас! Иди за ними, собирай то, что покажут.

Нежить с недоверием посмотрела на мертвых ведьм.

— Иди! — пустым голосом приказала Аглая, и он, горестно опустив голову, пошел.

Вернулся, когда солнце подходило к горизонту, и стало совсем сумрачно.

Высыпал на землю ворох травы и листьев.

Аглая сидела в центре погоста, вокруг нее зиял черный круг, ведьмы витали над крестами. Услышав вернувшегося Стаса, кивком подозвала его к себе.

Он помотал головой отказываясь. Странно это все было и страшно даже для него, мертвого. Аглая поднялась, подошла к вороху трав, собрала и отнесла в круг. Стас так и стоял у деревьев, не осмеливаясь подойти.

Навья вернулась, когда солнце село. Подплыла к Аглае, и по кругу прошел шелест голосов. Стас стоял у дерева, с тоской глядя на Аглаю. Ветер трепал ее распущенные волосы.

Стас отвернулся. Не было мыслей, их вообще не было с тех пор, как он увидел нависшие над ним глаза черного пса у болота. Воспоминания, как волны, накатывали и пропадали. Но иногда были особенно четкими.

Он не хотел бросать Нику. Он видел ее искаженное от ужаса лицо, перепачканное болотной жижей. Игнат тянул его за руку.

— Ни себя, ни ее не спасешь! — прошипел в ухо. И что — то щелкнуло. Страх? Наверное.

Он развернулся и побежал вслед за Игнатом и Риткой.

Да только убежали недалеко. Псы возникли внезапно, преграждая путь. Из оскаленных пастей вырывался глухой рык. С клыков капала

слюна.

Ритка завизжала. В то же время из — за деревьев выступили двое. Огромные серый волк и рыжий монстр с жуткой мордой. Уже позже Стас узнал, что перед ними появились волколак и бес. Но тогда… Это было просто страшно. Будто попали в оживший фильм ужасов.

— Они наши! — Голос беса шипел, волк обозленно хлестал себя по бокам хвостом.

— Они чуждые, — Стас никогда не слышал такого голоса, каким просвистел страж пустоши. Черный иноходец под ним встал на дыбы.

— Властью Нугора… — рыкнул серый. У Стаса в голове помутилось: животное говорило!

— Нам Нугор не приказывает, — прошелестел страж. — Не им выставлены на грани. Не ему нами повелевать!

Оборотень зарычал. Рука стража потянулась к рукояти меча, но так его и не достала.

Между деревьями потемнело, воздух скрутился, образовывая уходящую вдоль земли воронку. Псы зарычали, подняли загривки. Стражи переглянулись. Черные иноходцы начали рыть землю тупыми копытами.

Из воронки вышел мужчина, длинный плащ тянулся следом. Он остановился, поправляя перчатки, невозмутимо взирая на собравшихся. Глаза у него были странные, Стас сразу заметил. Будто живые черные смерчи внутри извиваются.

— Стражи пустоши не властны за пределами грани! — возвестил пришедший. — Здесь уже моя земля!

— Жрец Китар! — Стражи заскрежетали зубами. Взвыли псы от бессилия, с ненавистью смотря на мужчину.

— Вон с моей земли! — Мужчина не повысил голос, но земля завибрировала, смерчи в зрачках вспыхнули. Стасу почудилось, будто тьма потянулась из глаз пришедшего. Стражи хлестанули рвущих удила коней. И рассыпались прахом только для того, чтобы через минуту вдали послышалось крикливое и страшное:

— Гик — гик — га — а — а!

— А здесь у нас кто? — жрец перевел взгляд на остолбеневших ребят.

На лице промелькнуло любопытство.

— Чуждые?

Только тогда у Стаса прорезался голос. Он схватил за руку Игната.

— Нужно вернуться и найти Нику! — зашептал возбужденно.

— С вами еще кто — то? — Зрачки жреца снова вспыхнули, и Стас тут же пожалел о сказанном. Странным и страшным показался ему вопрос их

спасителя.

— Нет! Мы… мы одни. — Голос задрожал.

Жрец не смотрел на Стаса. Он смотрел на Игната. Подошел совсем близко, заглянул в глаза.

— Просто люди, — сказал разочарованно. — Мне не нужны просто люди.

И щелкнул пальцами. Бес сделал порывистый шаг, зарычал, потирая мохнатые лапы с крючковатыми когтями. По спине Стаса пробежали мурашки.

— Но они пришли из — за грани, — рыкнул волк, рассматривая Риту.

— Это не те, кого мы ищем. Убей их…

— Ну уж нет! — Волчара сел, почесал за ухом. — Я требую возмещения. Зря, что ли, такой путь отмахал. Вам проще с Давидом — крылья, порталы, а я на лапах с юга греб сюда!

— Что ты хочешь, Еремей? — покосился на него жрец.

— Отдайте хоть девчонку, — прорычал серый и облизнулся.

— Зачем она тебе?

— Да уж найду применение…

Жрец закатил глаза.

— Ненасытный! Забирай.

Рита завизжала, когда серый волк подошел, встал на задние лапы и хозяйским жестом притянул ее к себе. Ухмыльнулся во всю пасть.

— Тебе понравится, — дыхнул в лицо.

— Не тронь! — не стерпел Стас. Игнат схватил его за руку. Жрец посмотрел на невзрачного парнишку удивленно. Волк тоже. Бес усмехнулся. И вдруг повел носом.

— Запах… Они соврали. С ними еще кто — то был.

Жрец изменился в лице. Быстрым шагом подступил к Стасу.

Заглянул в глаза. Тьма и правда была в его глазах. Жуткая, навевающая тоску и подавляющая волю. Смотря в нее, Стас вдруг очень четко понял, что его ожидает.

— Где они?

Стас сжал зубы.

Жрец сощурил глаза.

— Где они?

— В болоте… — дрожащим голосом вставил Игнат. — Ника провалилась в болото, а Аглая осталась ее вытаскивать…

Стас возненавидел его в этот момент. Как же зачесались кулаки врезать в трусливую морду! Смерил его презрительным взглядом. Жрец

посмотрел на Игната. Внимательно так посмотрел. Стасу показалось, что даже немного побледнел. И отступил на шаг.

— Сумрачная вязь! — Голос его стал глухим. Он глянул на беса. Тот кивнул, взмахнул крыльями и исчез.

Жрец остался наедине со Стасом и Игнатом. Минуту рассматривал Игната, уже не бледнея, но с заметным интересом. Потом обернулся к Стасу, его не рассматривал, поморщился.

— Зря не сказал. — Тьма в зрачках закрутилась. — Толку от твоего молчания никакого… А девчонок я все равно найду…

В это время хлопнули крылья, и рядом со жрецом опустился бес.

— Пусто. Ушли. Им след замели. Хорошо замели.

— Давид, ты, видимо, стар стал, видишь плохо!

Бес сощурил глаза.

— Не забывайся, жрец, а девчонок увели… Как есть увели… И готов биться об заклад, что лапу к этому хранитель вязи приложил!

— Хранитель вязи!

— След его вокруг болота.

— Ведьма?

— Иначе с чего бы хранителю их уводить? — хмыкнул бес.

Жрец обернулся к Стасу.

— Значит, из — за грани пришли. — И улыбнулся. Зло так улыбнулся.

— Мы их найти можем! — быстро вставил Игнат. Жрец кивнул.

— Конечно найдете. Вернее, найдешь. Толку от твоего друга… Он жизнь отдаст, а девок ваших мне не приведет. А ты прямо сейчас и здесь докажешь свою преданность мне… — И в зрачках сверкнула тьма. А в руках Игната — серебреная сталь длинного кинжала.

Стас больше ничего не помнил. Ни боли, ни того, как поднялся позже на ватных ногах, еще не понимая, кем стал. Мыслей не было. Ничего не было. Были голод и пустота. А еще он шел по ее следу. Не знал зачем и не знал почему. И когда увидел, не понимал. Он даже не сразу ее вспомнил.

— Ста — а — ас — с — с!

Ее голос.

Она заговорила с ним. «Скажи, что ты жив!.. Ты помнишь? Ты же обещал всегда быть рядом! Ты обещал!» И он словно очнулся и вдруг понял, кто он. Боль. Может ли мертвый ощущать боль? Куски тела отставали от костей, нет, то не та боль. Хотелось закричать, но гортань почти не слушалась, а от напряжения ощущалось, как отваливаются внутренности. А ведь ее нужно было предупредить. Там, в последние минуты жизни он понимал, что нужно сказать ей. А потом… он все забыл.

Вспомнил, только когда взглянул в глаза той Ники, но было поздно. Ее больше нет. Его нет давно.

— Ста — а — ас — с — с!

Как же он любил этот голос. Любил и предал. Поддался минутному страху. И пожалел.

— Стас — с — с!

Глаза нежити распахнулись.

Голос Ники, вполне слышимый.

Он оглянулся. В ночи, в темном круге, выведенном посреди погоста, стоял бледный силуэт дрожащей девушки.

— Ы — ы — ы — ы — ы! — судорожно протянул Стас и поднялся. Ведьмы отступили, давая проход. Рядом с навьей оставалась только Аглая, держала за призрачную руку.

— Стас!

Он торопливо, насколько мог, прошел к кругу, вступил в него.

— Ы — ы — ы… Ник… Ни — и — ик — к — к — ка!

Она рванула к нему, прижалась прозрачным телом. По лицу побежали слезы.

— Она… она… обманула, — прошептала Ника.

— Ы — ы — ы, — не сдерживая дрожи искореженного тела, мычал Стас, не в силах выдавить ни буквы.

А Ника плакала капельками росы.

— Я поняла, кто я! Поняла и испугалась. Я позволила ей… А теперь я навья. Призрак.

— Ы — ы — ы, — замотал головой Стас.

Ника провела ладонью по его щеке.

— П — п — про — о — о — ос — с — с — сти! — он смог это сказать. Сказать то, что так его глодало.

Слезы застыли на щеках, глаза стали тоскливыми. А он вдруг ощутил, как внезапно легче стало дышать. Рука Аглаи легла на его плечо.

— Прости, Ника! — сказал Стас нормальным голосом.

Навья обняла его, тело ее дрожало.

— Нет, это я… глупая… дура…

— Малышка… — Провел по Никиным волосам рукой, заметив, что та стала прозрачна. Не было серой, проглядывающей через гниющую плоть кости. Это была нормальная чистая кожа, только… Он оглянулся. Мертвое искореженное тело лежало в круге, ведьмы заботливо кружили над ним, земля сама раздвинулась, и тело скатилось вниз.

Стас судорожно выдохнул, посмотрел на Аглаю. У нее по лицу бежали

слезы.

— Спасибо, — шепнул едва слышно. Она покачала головой. — Позаботься о ней, Аглая!

Ника прижалась сильнее.

— Нет, нет, не уходи!

— Его нужно отпустить, Ника! — тихий голос Аглаи. — Он не может больше страдать, ты ведь не хочешь, чтобы он был таким.

Ника перевела взгляд на мертвое тело Стаса в яме. Отвернулась.

— Я не могу, не хочу…

— Отпусти! — шепнул Стас и коснулся губами ее призрачного лика.

Она уткнулась ему в грудь. Всего минута, и Стаса обволокло мягким светом, он вспорхнул солнечной птицей ввысь и растаял в ночном небе.

Аглая молчала, по щекам текли слезы, она не вытирала их. Это делали склонившиеся к ней навьи. Ника бросилась к Аглае, упала в ноги.

— Упокой и меня.

Аглая покачала головой.

— Это не твоя судьба.

— А какая — моя?! Остаться навечно навьей?

Она порывисто отвернулась.

— Нет, — прошелестел голос Аглаи. — Ты ведь знаешь, кто ты? Без тебя она попросту не смогла бы даже зайти в Обитель.

— Она упокоит меня, как только получит силу, — глухо отчеканила Ника. — И кто я, уже ничего не значит.

— Значит! — Аглая указала в сторону возвышающегося над деревьями купола храма.

Ведьмы, переглядываясь, разом кивнули. И устремили белесые глаза на Нику. Та вытерла призрачные слезы.

Аглая подошла ближе.

— Ты ее упокоишь. И сделаешь это так, как и подобает истиной ведьме.

Глаза Ники сощурились, она оглядела стоящих вокруг навий и кивнула. А после подошла и кинула первую горсть земли в могилу Стаса.

* * *

— Не прошло и полгода! — рявкнул Святозар.

Выскочил на середину комнаты Радомир, сжимая в ярости кулаки.

— Где ты была?

Аглая устало опустилась на скамью. Протянула руку. Тала подала оставшееся зелье. Аглая сделала несколько глотков. Усталость отступила.

— Тала! — шепнула она. — Спасибо, что ты пошла с нами.

— Разве ж я могла вас оставить, — прошептала знахарка. — Да и дома больше нет.

Аглая обняла ее за плечи.

— Дома больше нет.

Поднявшись, посмотрела на хмурого Радомира.

— Готовы?

Он кивнул. Святозар радостно выдохнул, схватился за ножны проверяя. Накинул плащ.

— Пора, — поднялась Аглая и начала оглядываться.

— Это ищешь? — Радомир протянул ее клинок. Она благодарно улыбнулась, прижала оружие к себе, быстро сунула под безрукавку.

Они уже вышли, прикрыв за собой дверь.

— А где наш мертвый друг? — спохватился Святозар.

— Покоится с миром, — едва слышно ответила Аглая, не глядя на него. Разом наступила тишина, и только ветер гулял между покосившихся брошенных домов, в то время как двое помрачневших бледных мужчин сняли в молчании шапки. Тала перекрестилась. И разом с Тихоном они прошептали:

— Да будет земля пухом.

Глава 19

Кони хрипели, рыли копытами землю и косились на Аглаю.

— Хороший конь! Не подведет!

Хозяин хлопотал вокруг, заглядывал Святозару в глаза, как чуял, что именно он будет платить. А может, на него подействовал уверенный взгляд воина, которым тот осматривал животину.

— Парой отдашь дешевле!

Не спросил.

Купец сморщился, взглянул в лицо воителю и закивал.

— Отдам, батюшка.

Святозар заглянул коням под губу. Поморщился.

— Совсем нынче наглый народ пошел. — Гневно зыркнул на торговца. — Что ж ты кляч нам подсовываешь? Они и пару верст не пройдут, падут!

Хозяин задрожал.

— Из стойла приведу. Так, что дорого смотреть.

Но Святозар уже не слушал, шел по ряду дальше.

— Лихо ты с ним! — улыбнулся Радомир. — Я по рынкам не ходок. Когда и приезжали на ярмарку, все больше девки мои… — и сбился с разговора. Мои. Как там Марья? Тряхнул головой, скидывая наваждение.

— Рынок Анжирана всегда жульем славился, — зевнул Святозар, — глаз да глаз. Смотри! — указал в сторону, где оживленно торговались двое. — Хороший обоз, крытый. И под дождь не страшно попасть, погода не жалует… — Посмотрел на затянутое серой дымкой небо.

К обозам подошли неторопливо, прислушиваясь к разговору.

— Говорю тебе, завтра деньги будут… — щурил глаза смуглый тощий мужичок, поправляя висевший на худощавом теле чапан.

— Завтра и получишь, — скалился коренастый черноглазый мужик, поправляя колпак на голове. Много здесь таких было. Кто в одеянии белом до пола, кто закутан шкурами. Тонкобородые мужчины, перебирающие в руках бусины. Остроглазые, с властными лицами, руки в толстых кожаных перчатках лежат на рукоятях кинжалов. И сами кинжалы удивительные. Носы загнутые, ручки каменьями поблескивают. Много бы Радомир отдал, чтобы такой в руке подержать.

Святозар на все это глядел настороженно. Радомир с любопытством.

— Сколько просишь? — Святозар рассматривал обоз. Торгаш сразу

потерял интерес к собеседнику и расплылся в улыбке.

— Два золотых да три серебряных…

Святозар кивнул.

— Берем…

— Что значит берете? — подскочил второй мужик. — Мы уж договорились!

— Не договорились, — рявкнул в лицо ему торгаш. — Ты денег давал? Нет. Какой тебе договор…

— Ты обещал?

— Это когда же? Завтра? Вот завтра и приходи…

Он повернулся к воителю. Тот хмурился.

— Что ж ты, любезный, человеку обещаешь? Завтра обоза — то уж не будет.

Тот подмигнул.

— А я смотрю, вы издалече будете?

— Издалече, — согласно кивнул Святозар. Отпираться смысла не было. Слишком уж они выделялись на восточном рынке. Белоликие, светловолосые.

— И далеко дорогу держите?

— Далеко, — сощурился Радомир. Ему выспрашивания смуглого торгаша совсем не нравились.

— Небось не только обоз, но и коней добрых ищете?

— Ищем.

— И заплатить готовы?

Святозар вытащил мешочек с монетами, перекинул из руки на руку.

Глаза торгаша загорелись.

— Этот товар не для вас!

Святозар и Радомир переглянулись.

— Иди сюда, — махнул торгаш рукой смуглому босоногому мальчишке. — Смотри здесь.

И направился через рынок.

На выходе указал на широкую улицу, куда и свернули.

— У меня кочевая жизнь в крови. Обозы да кони выносливые. Дед всю жизнь породу выводил да приноравливал…

— Ты нам историю свою рассказывать собрался?.. — нахмурился Святозар.

Торгаш осекся. Но тут же расплылся в улыбке.

— Я к чему это говорю, — дело мое многолетнее. Я за него отвечаю. Уверен, господа заинтересуются. — Торопливо, широкими шагами отмерял

ухабистую дорогу. Свернул с улицы в узкий переулок, указал на дом с высокими воротами.

— Проходите, господа дорогие. Зулейка! Гостей встречай.

На порог выскочила смуглая чернобровая женщина. Смолянисто — черная коса за спиной. Она шустро вытерла руки о вышитый узорами передник.

— И чего тебе?

— Ты мне не чего, гостей, говорю, встречай.

Она уперла руки в боки, глянула на входивших хмуро.

— Кого еще…

— Конями моими интересуются с кибиткой!

Она выпучила глаза и даже рот открыла, после всплеснула руками и бросилась в избу. А торгаш заюлил рядом.

— Идем, пока чай — май приготовит, я вам покажу.

И направился за дом. Прошел к высокому амбару, распахнул ворота.

— Вот!

Святозар и Радомир разом глаза протерли. Крытая повозка стояла посреди амбара. Высокая полукруглая крыша не материалом затянута, а железом обита. Окошки по обе стороны под стеклом, из крыши труба небольшая. По углам висят крытые фонари.

Входы с двух сторон.

— А вот и лошадки, — распахнул второй амбар.

Знающий толк Радомир глаза протер.

— Что за чудо такое?

Четверка черномастных коней, холка на четыре головы выше Радомира. Упругие тела, длинные ноги. Ноздри трепещут, глаза горят.

— Сила, как у тяжеловеса, скорость хорошего скакуна, выносливость восточных иноходцев. И едят… как верблюд. Один раз хорошо накорми, и будет несколько суток идти. А уж умные — что с человеком говоришь, все понимают! Золото, не порода!

— Хороши лошадки! — прицыкнул охотник. — Это как же вы их?..

Торгаш улыбался.

— Понравились?

— Сколько ж ты хочешь за коняг? — поскреб в затылке Святозар.

Торгаш снял колпак, почесал голову.

— Идем, за чаем договоримся. — Торговец уже торопливо тянул их в дом.

Усаживал на расшитые цветные одеяла, расстеленные на полу.

Зулейка смотрела широко распахнутыми глазами, разливала чай в

пиалы и поближе придвигала тарелку с пловом, насыпала боорсаков, в другую пиалу подливала жирной шоорпы.

— Пейте, ешьте, гости дорогие!

* * *

— Ты смотри — уж сутки без продыха шагают.

Пара, запряженная в удобный для дальней дороги обоз, тянула его по неровной каменистой дороге. Скорости за весь день не сбавляла, ни воды, ни еды не просила.

— А мне все же не верится. Вот к утру посмотрим, не взбрыкнут ли наши коняги золотые. — Святозар нащупал в кармане мешочек с деньгами, похудевший больше чем наполовину.

— Да ты на морды их посмотри, — не успокаивался Радомир. — По мордам видно — умные!

— Что нам от их ума, до Хлада бы довезли, и ладно.

— Это ты не прав! Коньки денег своих стоят! Вот заводик бы открыть по разводу породы, такие за золотую монету, а может, даже к правительственным дворам. Да что правительственным, стражам твоим, и тем друг и товарищ будет и в службе, и в бою. Святозар кивал сонно и зевал. Повозка неторопливо ехала по высокогорью, отбивая из — под колес камушки. Кони шли спокойно, звуков ночных не пугались. Да и хвала хозяину обоза за предусмотрительность. Едва темнеть начало, как зажгли фонари. Они чуть раскачивались и светили тускло, но все же разгоняли вездесущую тьму и освещали дорогу не только по сторонам, но и перед кибиткой.

— Живы останемся, соорудим тебе завод. Коники и впрямь хорошие. Разводи, тебе радость, Велимиру служба, — потянулся Святозар. — Ты за дорогой следи, я спать пойду, через пару часов разбудишь, сменю. — И полез в широкий кузов. Кивнул шушукающимся Тале с Аглаей, залег у стены на расстеленных на полу одеялах. Через минуту засопел.

Аглая вскользь посмотрела на нугоровского стража и кивнула Тале продолжать беседу.

— А куда мне было деваться? — зашептала знахарка. — Когда бесы на деревню налетели, и солнце не взошло. Как говорила глава, селяне тут же указали, что вы приходили, куда ушли. Они, может, и про Тимира рассказали бы, да не успели. Я ж зверушкой — то оборачивалась редко… Больше из любопытства, а тут… Спасибо бабкиному дару. — Она

вздохнула. — Видела, как дома горели… Селяне уж не кричали, все как один мертвы были. Никого не пожалели, ироды… Киллу первую в поля вывели, что сделали — не знаю. Но чую, не жива глава.

Она тяжело вздохнула. Аглая прикрыла глаза. Лицо Игната так и вспоминалось. Когда же он так успел измениться? Тот самый Игнат, что с ней вместе обрабатывал лапу соседского кота, попавшего в мышеловку. Игнат, которому стало плохо при виде крови, и он долго отдыхивался, стоя у окна. Откуда такая жестокость? Или бесовская сущность так изменила? Аглая обняла себя руками и повыше натянула шерстяное одеяло.

Спать в кибитке было тепло. Мягкие кошмы, понизу теплые шкуры и одеяла. В углу несколько корзин с едой, бурдюк с водой и кымызом, рядом сумы с вещами. Радомир прикупил ей на рынке мягкие сапожки взамен оставленных в храме.

Аглая, тяжело вздохнув, уткнулась в одеяло.

Рядом заворочался Тихон.

— Пойду к Радомиру, — проворчал чуть слышно и ушел.

Тала больше не рассказывала. Было слышно ее сровнявшееся дыхание.

Аглая старалась и не могла уснуть. Несколько раз развернулась, запуталась в одеяле. В конце концов убрала его в сторону и встала. Накинула плащ. Прошла к концу кибитки и, откинув полог, села на порог, свесив ноги. Раскачиваясь, тускло светили фонари. Деревья появлялись в млечном свете и тут же пропадали во тьме, искаженные дрожащим отсветом.

Аглая сидела, поплотнее укутавшись в теплый мех плаща. Думала об Игнате, так странно переменившемся, и своем столь же странном отношении к нему. Была же любовь? Или не было. Аглае было удобно с ним в ее мире. А здесь? Не могло бы, потому что появился в ее жизни Тимир. И он оказался для нее важнее и ближе… Намного ближе, чем она сама хотела.

Кибитку тряхануло и мысли тоже. Образ сероглазого жреца заменила бледная навья — Ника. Аглая видела потухший взгляд подруги. Видела и то, как сжимаются ее руки в кулачки при одном упоминании Гаяны или Игната. И потому на Аглаино предложение она согласилась сразу же. Но сама Аглая уверена в Нике не была. Не слишком ли много в ней ненависти? Не слишком ли много они предложили ей?

Поглощенная мыслями, Аглая не сразу заметила скользящую за кибиткой тень. Та внезапно появилась в свете и пропала. Аглая вскинула голову. Показалось? Дыхание ее стало тяжелее, и сердце сжалось в страхе.

Тень снова мелькнула и пропала. Аглая успела уловить коричневую

шерсть и сверкнувшие желтым глаза. Вознамерилась закричать, но не успела. Тень вынырнула из тьмы, уселась рядом, зажав ей рот мохнатой лапой.

В дрожащих огоньках фонарей усмехалась бесовская морда.

— И куда ты от меня собралась?

Аглая сидела боясь шевельнуться. Бес чуть видоизменился и теперь смотрел на нее Игнатовскими глазами. Протянул вторую лапу и коснулся щеки, провел пальцем по ее губам. Аглая поморщилась. Игнат усмехнулся.

— Не кричи, ты же не хочешь всех разбудить. Я не причиню никому вреда. Просто выслушай.

Она кивнула. Он опустил лапы. Аглая сидела, глядя на беса ошарашенными глазами.

— Твой новообретенный дар не поможет против меня. Не сейчас. Знаний у тебя нет. Тебе в Обитель нужно.

Она согласно кивнула и тут же покачала головой.

— Я… Мне за Тимиром…

Глаза беса сверкнули яростью.

— Все — таки из — за него…

Аглая отвела взгляд. Игнат вцепился в скамью, прикрыл бесовские глаза. Тяжело выдохнул.

— Я готов был отдать тебе все. Если это дойдет до Китара, меня не пожалуют! Чем я тебя обидел? — В голосе Игната звучала злоба. Аглая обернулась к нему. Он ненавидящим взглядом смотрел на исчезающую в темноте дорогу. Могла ли Аглая быть с ним счастлива? Выпирающая нижняя губа и клыки, виднеющиеся под ней. Уши, прижимаемые к бесовской голове. Кроме омерзения, никаких чувств в ней он не вызывал. Игнат порывисто оглянулся, морда оказалась совсем близко к ее лицу. От него пахло кровью. Аглая отшатнулась, вцепилась в край полога, чтобы не упасть. Рот Игната искривился.

— Противен? А так?

Шерсть сровнялась, втянулась губа, Игнат повел плечами преображаясь.

Аглая продолжала смотреть на него с отвращением.

— И так не нравлюсь, — прошипел Игнат. Схватил ее за руку, притягивая к себе. Тяжелое дыхание ударило в лицо. Лапа скользнула под плащ, затрещала ткань рубахи. Игнат впился в губы Аглаи. Она дернулась вырываясь.

— Что тебе нужно, Аглая? Чем доказать любовь? — Голос стал хриплым.

— Ты доказал ее у болота… — дрожа, сообщила Аглая.

Его рука перехватила ее за локоть и больно сжала.

— Это минутное… страх… Я сожалею. Все это время сожалел.

— И когда Стаса убивал, доказывая свое служение темному, тоже сожалел?

Игнат отпустил руку Аглаи, отвернулся.

— Он… — Сжал кулаки. — Там не было выбора…

— Выбор всегда есть. Ты свой сделал.

Игнат зарычал, соскочил с козел, хлопнули кожистые крылья, унося его в темное небо.

И почти сразу послышалось ржание коней. Кибитка остановилась.

— К оружию! — рев Радомира.

Выскочил заспанный красный Святозар.

— Что случилось?

Переполошенный Тихон стоял с ощетинившейся бородой перед повозкой и зло посматривал вокруг.

Радомир резал кинжалом воздух.

— Где она?

Тала испуганно хлопала глазами, ежилась сонно.

Все озирались. Аглая пожала плечами.

— Это был Игнат. Он ушел.

— К черту Игната! — взревел Радомир.

Аглая растерялась. Радомир сунул кинжал в ножны, кинулся к повозке. Выхватил из паза один фонарь и начал оглядываться. Остальные с удивлением следили за действиями главы.

Кибитка стояла у широкого моста над рекой. Серый лунный свет играл на спокойной водной поверхности. На противоположной стороне выгуливался дикий табун, покачивая гривами. Тонко ржали игривые жеребцы. Впряженные им вторили, рыли копытами землю и косо поглядывали на переполошенного Радомира.

— Это всего лишь табун! — выдохнул Святозар, подошел и успокаивающе хлопнул Радомира по плечу.

— Не туда смотрите! — раздраженно рявкнул Радомир и указал рукой в сторону моста.

Все оглянулись.

Аглая напрягла взгляд. Ничего… Или… Волосы зашевелились на голове. Силуэт, практически сливающийся с опорой моста. Живой… Отделился. Теперь было хорошо видно укутанную в рваный балахон старуху с отвисшими по колено грудями. Силуэт прикрывал лицо рукой.

— Суш суш таркумда.

Вышел из тени.

У Аглаи волосы зашевелились, когда старая убрала руку от лица. Горбатая, со сморщенным жутким, поеденным оспой лицом. С вытянутым носом и отвисшими губами. Длинные космы висели спутанными клочками с полулысой головы.

В тот же момент в реке послышались всплески. Аглая с трудом оторвала взгляд от старухи. В воде, раскачивая головами и хлопая огромными водянистыми глазами, зазывали мавки. Тонкие голоса выводили заунывное:

— К нам, к нам иди!

И Аглая шагнула.

— Своя! Своя! — прошептала мавкам. И голос ее стал так же тонок и тягуч.

Мавки переглянулись. Аглая смотрела в прекрасные лица.

— Им дарла… тар тарилор, — путаные сложные слова выплывали откуда из глубины сознания. — Своя!

— Своя, своя… — По воде хлопнули длинные волосы. — Беги, беги… новообращенная ведьма… беги, беги…

— Ведьма! — Жуткая старуха протянула худую руку с когтями и указала на Аглаю. Из тени выскользнули еще две такие же сгорбленные бабки.

— Тур тукрк маркутарп.

— Лобасты! — едва шевеля губами, прошептала Тала.

— Кто они?

— Злобные, проклятые ведьмами русалки!

— За что проклятые? — схватилась за плечо дрожащего Тихона Аглая.

— За то, что убивали, сживали со света молодых ведьм…

— Зачем?

— За то, что те красивы и живы, а они нет.

Тала начала осторожно отступать.

Святозар схватился за эфес и тут же вскрикнул. Лицо первой лобасты исказила довольная гримаса. Весь эфес был покрыт ледяной острой коркой. Радомир, видя такой поворот событий, раскинул в сторону руки, с воплем кинулся на старух и тут же оказался в руках первой. Она без малейшего усилия отшвырнула охотника в сторону.

Тала завизжала.

— Беги, беги, ведьма, беги… — заверещали на десятки голосов суетные мавки и кинулись из воды. Десяток стройных женских тел встали

на берегу. — Ах, загубят новообращенную… Прочь, прочь… старые злобные… Прочь!

Лобасты обернулись к ним и зашипели. Мавки сморщили разом ставшие жуткими лица и зашипели в ответ.

— Вон, старые! — вскрикнула первая вышедшая мавка, крепкая девица с землисто — водяными глазами и болотным волосом по колено. Старухи оскалили зубы. Мавка топнула ногой, и земля вокруг покрылась тиной. Рядом встали еще четыре девицы.

— Вон! — пронзительными звенящими голосами. И река за их спинами забурлила.

Мавки, наступая, смотрели на лобаст. Те оскалились.

Радомир бежал к повозке. Кони ржали, трясли гривами, хрипели, плененные оглоблями. Охотник вспрыгнул на козлы. Схватившись за руки, бежали к повозке Аглая со Святозаром. Следом за ними скакал Тихон. Тала уже сидела в кибитке и усердно молилась.

— Ех — ха! — удар кнута заставил коней встать на дыбы. — Теперь покажите, стоите ли вы отсыпанного золота!

Мавки шипели, окружая старух. Когти блеснули в лунном свете. Одна из старух заскрежетала зубами, увидев, как рванула с места повозка. Проклятая бросилась наперерез, но была отброшена к реке. Разъяренный бес ворвался в круг мавок. Те взвизгнули и кинулись в воду. Лобасты взвыли и набросились на беса. Кибитка, стуча колесами, уносилась по мосту. Аглая стояла на краю порога, смотря на схватившегося в бое с нежитью Игната. Одна из лобаст вырвалась и бросилась в погоню. На противоположенном берегу вскочила на жеребца. Тот встал на дыбы. Рванула проклятая за гриву, направляя дикого за повозкой. Над рекой пронеслось громкое ржание. Следом понесся весь табун.

— Шик, атк раморотти — и — и!

Пегий вожак покрылся пеной, бока тяжело вздымались.

Хрипела черная пара, уносящая повозку.

— Ех — ха!

Из — под копыт вылетала земля. Колеса отбивали бешеный ритм, и пегий под завывание грозящей кулаком проклятой пропал за поворотом. Аглая облегченно выдохнула и тут же чуть не закричала. На порог, откидывая Аглаю в глубину кибитки, встал тяжело дышащий бес.

Святозар, увидев беса, прикрыл собой поднимающуюся Аглаю, с опаской взялся за эфес.

Игнат ухмыльнулся и вошел.

— Да ладно! Не думаешь же, что одолеешь… — И тут же вздохнул,

переведя взгляд на Аглаю. — Дай мне шанс!

Она отвела глаза.

Крепче сжал рукоять меча Святозар. Аглая покачала головой.

— Там, куда мы идем, нам любая сила понадобится.

Святозар ушам своим не поверил, посмотрел удивленно на ведьму.

— Он нужен нам.

— Она права, — подал голос Тихон.

— Вы не дойдете до Обители. И жреца своего не спасете…

Все устремили взоры на Игната.

— Кони у вас резвые, да только не нагнать Китара без меня. Они порталом ушли, в Хладе уж.

— Летать, в отличие от некоторых, не умеем, — вызверился Святозар.

— Да и не нужно, — в ответ ему оскалился Игнат.

Все переглянулись.

Он встряхнул крыльями.

— Я портал открою… К дворцу. — И посмотрел на удивленную Аглаю. — А ты небось даже не знала. А оно здесь так… Ведьмы, жрецы, порталы…

Она вскинула голову, блеснули презрением глаза.

— Собрался помогать — помогай. А что я знаю, чего не знаю, не твое дело!

Он усмехнулся. Кивнул.

— Дышите медленнее, портал силы вытягивает. Хотя коники у вас что надо, вытянут.

Взмахнул лапой. Радомир покрылся смертельной бледностью, когда прямо перед несущейся кибиткой открылась серая вращающаяся воронка. Под ржание коней и вопль охотника повозка влетела в портал.

— Не ори! — гаркнул под ухом присевший рядом бес. — Помощь пришла.

Мир стал серым, сумрачный лес, деревья, все казалось миражным. Смывались в серость реки и деревья, лесная тропа. Они проносились над ними, те клубились в серой дымке и пропадали.

У Аглаи закружилась голова, перед глазами все поплыло. Она покачнулась и начала заваливаться к стене, когда поймали чьи — то руки.

— Можешь дышать, мы вышли из портала. — Ее опустили на дно повозки. Аглая судорожно вдохнула. В голове прояснилось, над ней стоял серьезный Игнат. — Вот мы и в Хладе, — выскочил из повозки.

* * *

Город был шумным. Много людей, много животных, много красивых домов и широких улиц. Прилегающие к дорогам ресторанчики с вызывающе яркими вывесками. Нарядные лавки со снедью, с одеждой. И даже книжный! Аглая уже и забыла, что это такое.

Повозку оставили у трактирщика, заплатив за постой. Накинули на головы капюшоны.

Радомир восхищенно кивал. Святозар шел, угрюмо глядя под ноги и иногда с тоской посматривая на Талу. Тихон веселился, забегал в каждый магазинчик, заглядывал в лавки, махал удивленным прохожим.

А с каким же удовольствием окуналась Аглая в мир большого города! Игнат смотрел на нее и улыбался.

— А ведь я предлагал, — шепнул быстро, наклонившись к ней.

Аглая поскучнела.

— Я бы и не против не с тобой.

— С Тимиром. Знаешь, я даже считаю это удобным. Личный бес у тебя уже есть. А будет еще и собственный темный жрец. Огромные шаги в карьерной лестнице новоявленной ведьмы.

Аглая поморщилась.

— Карьерист здесь только один…

Игнат отшатнулся.

— Это не карьера, это выживание.

Аглая смерила его презрительным взглядом и отвернулась. Игнат сцепил зубы. Резко свернул в переулок.

— Налюбовалась? А теперь позволь представить тебе палаты белокаменные…

Остальные направились следом за ним и почти сразу попали в серый портал. И тут же из него вылетели в широкий коридор дворца.

Аглая шагнула последней, ощутила, как сперло дыхание, и рухнула на что — то мягкое.

Протерла глаза. Она лежала на мягкой кровати. Рядом тут же утроился с удовольствием рассматривающий ее Игнат.

Сердце застучало у горла. На тяжело вздымающуюся грудь легла крупная ладонь. Губы скользнули по шее.

Аглая уперлась одной рукой в Игната. Второй нащупала под плащом лезвие клинка и, выхватив его из ножен, уткнула острием в грудь Игната.

— Вот уж никогда не думал, что ты в меня ножичком тыкать

будешь, — оскалился он. — А зарезать сможешь?

Игнат прижал ее к себе, кинжал задрожал в руке. Бес ухмыльнулся, вытащил его из ослабевших рук. Поднялся и отряхнулся.

— Это я себе оставлю, — покачал кинжалом и сунул в сапог.

Аглая зло сверкнула на него глазами и тоже поднялась озираясь. Они находились в комнате с огромным окном, запахнутым тяжелой парчой. Бардовое кресло, столик, к которому и подошел Игнат, плеснул из стоящей бутылки в широкий бокал темной жидкости, выпил одним глотком.

— Тебе тоже не помешает, — налил наполовину и протянул Аглае.

— Где мы? — нахмурилась она и бокал не приняла. Игнат пожал плечами и опрокинул его в себя, поставил на столик.

— В моей дворцовой опочивальне, здесь это так называется. Думал домик прикупить… — протянул задумчиво.

— Где остальные?

Игнат порывисто обернулся, шагнул к Аглае. Она отпрянула.

— Где? Куда ты их отправил?

Игнат усмехнулся.

— Я лишь немного подкорректировал твой выход. Да ладно, Алька, неужели и правда меня монстром считаешь? Никуда они не делись.

Уверенно прошел к двери и открыл. Сложив руки на груди, позвал.

— Что вы там шарашитесь? Так всю охрану на ноги поставите. Вам сюда.

В коридоре послышались приглушенные голоса, и в комнату вошли Святозар, Радомир, Тала и Тихон.

— Бравая команда в сборе.

Дверь прикрыл. Развернулся, оглядел всех.

— Я найду ваших. А для этого мне нужно стать тем, кем я и являюсь при дворе. Думаю, где найти Гаяну, я знаю.

Тряхнул головой преображаясь. Ухмыльнулся во всю бесовскую морду.

— А вам лучше ждать здесь. — И вышел из комнаты.

Едва вышел, как Святозар отдал честь.

— И мне пора. Вам нужны ваши, а мне Нейла.

— А ежели… — начал Радомир.

— Не боись, постоять сумею… Мне без нее возращения нет. — Слегка склонил голову. — Было приятно идти с тобой одной дорогой, глава Радомир.

Глава 20

— Кто идет?

— Начальник соглядатаев, Игнат, не узнал? — гаркнул бес и зарычал.

Трое стражей потупили головы.

— Приказано привести пленников.

Соглядатаи переглянулись.

— Так вроде до утра…

— Спорить? — взметнулись брови Игната. Соглядатаи снова уставились в пол.

Двое бросились по коридору каземата. Через минуту перед Игнатом стояла Гаяна.

Один из бесов глянул на девушку и плотоядно усмехнулся, переводя взгляд на начальника.

— Нечего скалиться! — огрызнулся Игнат. — А жрец где?

— Так у Китара. Он его сразу к себе забрал.

Игнат махнул стражам, отпуская, и направился по коридору.

Жрица шла, не смотря на беса. Поджав губы.

— Не боишься? — в ухо ей прохрипел Игнат.

— Не тебя ли, нечисть? — скривила губы Гаяна.

— Как же ты похожа на другую, на ту, кого я знал…

— Плохо знал, — сквозь губу прошелестела она. — Хочешь выделиться в глазах Аглаи? Так вот тебе мое слово. Что бы ты ни сделал, она тебя не простит. И Ника не простит.

— Не говори за других! — Игнат схватил жрицу за шиворот, встряхнул и тут же ощутил, как пальцы свело судорогой, в голове зашумело.

— Совсем ум потерял, бес? Я тебе не Аглая… Я Гаяна! Верховная жрица! Пусть и опустошенная, но ты будешь в моем подчинении, стоит захотеть. — Голос шелестел в голове. Игнат схватился за горло, пытаясь освободиться от невидимых рук Гаяны. Она смотрела пристальным взглядом, губы не шевелились, но слова лились в голове, принося дикую боль.

— Ты всего лишь бес, отвратительная нечисть. Мало того — предатель. Сначала предал друзей, теперь правителя. С тобой противно дело иметь. Да я и не буду. Ты мне не нужен. Передавай привет недалеким!

Игната откинуло в сторону. Но почти сразу же он вскочил, мотнул башкой. Рыкнул. Гаяна глянула на него удивленно.

— Ты не бес! Ты?.. — Вопрос так и остался в воздухе. Гаяна развернулась и бросилась бежать.

Игнат перевел дух, потер шею. Странно все вышло. И лицо Гаяны, ставшее бледным, когда он поднялся. Стоило нагнать жрицу, но ему совсем не хотелось.

— Нам тоже особенно сильно не нужна. Было бы у тебя силы побольше да знания в порядке, уже бы в портал ушла… А так… Ну и ладно, баба с возу — кобыле легче.

Прокашлялся и направился в другую сторону.

— Тимир у Китара, — сказал, едва войдя в комнату. Сидевшая в кресле Аглая вскочила. Игнат успел заметить, что в комнате не хватает Святозара, бросил настороженный взгляд на Тихона, тот вздохнул. Понятно, за Нейлой рванул. Можно было ожидать. Преданный страж своего правителя.

— А где девчонка? — сощурил глаза Радомир, заглядывая за спину беса.

Игнат поморщился.

— Мы ей больше не нужны. Небось в Обитель побежала.

Аглая побледнела.

— Она не должна попасть туда раньше нас.

— Не должна — не попадет. — Игнат устало посмотрел на Аглаю. Неужели никогда не простит? Он смог улыбнуться. — У вас же есть я! У Гаяны силенок меньше, чем ей хотелось бы.

Аглая с сомнением покачала головой.

— А Тимир? Как мы его уведем?..

Бес замер, с тоской глядя на нее. Не простит. Порывисто отвернулся, чтобы не видела, как исказилась его морда.

— Будет тебе жрец… — И махнул рукой, призывая за собой.

* * *

Китар смотрел в глаза стоявшего напротив него Тимира.

— Значит, жрец?

Тот молчал.

— Ах да, Гаяна. Что она пообещала девчонке — ведьме за ее тело? Разочарую. Верховная никогда не отличалась честностью.

— Честностью? — усмехнулся Тимир. — Это говорит тот, кто любовью прикрыл жажду обладать знаниями Обители.

Китар замер посреди кабинета. Темные глаза смотрели мимо Тимира.

Пусто в них было.

— Может, и так… Не вижу ничего плохого в том. Великие знания… Кому они достались в итоге? А мы могли ими воспользоваться.

— Чтобы повелевать всеми мирами.

На губах правителя заиграла улыбка.

— Сколько же ты не знаешь, жрец. Миры… Хотя я бы был не против. Но ты не прав, говоря, что я не любил. Я любил Мерку. Даже слишком. — Китар сжал губы, да так, что заиграли желваки.

— Ты любил? — Голос Тимира прозвучал с ненавистью. — Ты предал ее. Ты убивал ведьм, а когда понял, что не в силах справиться, отдал на проклятие Гаяне.

Китар медленно прошел к длинному, на ползалы столу, присел на край.

— Слишком много власти. Люди забыли, кто такие жрецы. Вся жизнь страны в колдовских руках. За советами, за карой, за словом шли к ним. Я говорил Мерке, так не должно быть. Велимиром правят жрецы, а не ведьмы. Она не слышала. Они ведьмы, а не правители. Велимир… Да если бы только он. Во всех мирах были они! Ведьмы!

— А ты хотел, чтобы везде были вы?

— Я хотел равенства. — Он встал. Скрестил руки, меряя залу шагами, остановился у окна. За ним распускались первые лучи восходящего солнца. — Женщины! — Китар невесело усмехнулся. — Глаза бы мои не видели ни ведьм, ни жриц Верховных. Одна решила пожертвовать ведьмами ради любви, вторая… Ради чего?

Он оглянулся, пристально смотря Тимиру в глаза. Плясала и вертелась в зрачках тьма.

— Тоже ради любви.

— Ради любви наслать проклятие? Потушить Трисвет?

— Не они поднимали нечисть из земли, не они лили кровь…

— А по — твоему, это я сделал?

Китар засмеялся и тут же резко смолк. Зубы скрипнули.

— Нечисть поднялась, когда погас Трисвет, защищающий Велимир.

— Кто же тогда воевал с ведьмами? — Тимир недоверчиво смотрел на правителя.

— Никто, — отрезал тот. — Не было озер крови и сотен невинно убиенных ведьм. — Сложил руки за спину. — Удивил? Это все присказки, людьми сложенные.

— Но Времена Ухода?

— Проклятие. Это все Гаяна. Глупо все вышло. Сама же и попалась. — Правитель прошел к трону, сел. Взял с подлокотника корону, покрутил в

руках и поставил обратно. По ободу прошелся необычный перелив. Тимиру почудилось, что из золота на него глянула черная морда с кровавыми глазами. Китар погладил по зубьям, чернь прикрыла глаза и пропала. — Где девчонки нашли ее навь? В сумрачной вязи. Туда ей и дорога была. Так нет… Это же она их вызвала, она тропу указала. Я знал, что она вернется… Слишком мстительна. Собственно, как и все жрицы.

— Она дойдет до Обители.

— Только поэтому я не убил ее сразу. Она не только дойдет, но и войдет в нее.

— И тогда ты уничтожишь ее?

Китар глаза открыл, воззрился темными зрачками на Тимира. Спокойствие на лице разбавляла легкая улыбка.

— Нет. Она снимет проклятие. Позовет ведьм всех миров. Они благословят новых жрецов. Провозгласят Верховных. Мы зажжем Трисвет. Мертвые упокоятся.

— Так благородно все?

— Не совсем все. — Пальцы правителя гладили корону. — Это поднимет авторитет Хлада в глазах народа.

— Твой авторитет.

Жрец поморщился.

— Пусть и так. Согласись, это все же лучше, чем попасть под еще одно проклятие обезумевшей от злобы жрицы?

Он замолчал, изучающе смотря на Тимира.

— Ты со мной, темный жрец?

Тимир молчал.

Китар поднялся, подошел к Тимиру.

— Посмотри в окно, — глухо шепнул, указал в него. — Видишь, там, за вершинами…

Тимир оглянулся. За вершинами поднималось солнце.

— В прошлые века обзор закрывала башня Трисвета. Ее не видно. Но она появится, как только Гаяна войдет в Обитель. Вместе со мной войдет. И будут жить все долго и счастливо.

Тимир смотрел в окно. Солнце уже наполовину поднялось. Лучи скользили по вершинам, играли солнечными зайчиками по стенам залы.

В залу тихо поскреблись.

Китар кивнул, и дверь сама отворилась. В нее, боязливо озираясь, вошел бес.

— Что еще?

— Гаяна, — заплетающимся языком прошептал бес.

— Что с ней?

— Увели. — Бес кинулся к открытой двери. Не успел. Та захлопнулась перед носом.

— Кто? — Интерес жреца к Тимиру пропал, он тяжелым шагом, сузив черные глаза, приближался к бесу. Монстр вжал голову в плечи. — Игнат… у — увел…

— А вы так просто отдали? — От шипящего голоса Китара по коже пошли мурашки.

— Так он же начальник, — выдавил бес.

— А я кто? — Стекла тонко зазвенели. — Я приказал никому ее не показывать даже!.. Для чего она ему?

— Он ничего не сказал… Просто увел…

Из короны скользнула черная тень, красные глаза вспыхнули. Китар стоял, сложив руки на груди. Извивающаяся черная тень скользнула через залу. Тимир отвернулся. Бес заорал. Стекла содрогнулись, по ним пошла паутинка трещин. И крик смолк.

— Ты можешь подумать, — раздался спокойный голос Китара. — Гаяна все равно пойдет в Обитель. Там ее и настигнем. Она сможет тебя благословить, едва мы войдем. Ты станешь жрецом. В противном случае, — он развел руками. Шепот превратился в зловещий шелест. — Я оставлю тебя там. Чтобы ходил вокруг башни и знал, что потерял.

Правитель развернулся на каблуках, скрипнули под ними половицы, прошел, взял с трона корону и неспешно вышел из залы.

А Тимир продолжал стоять, смотря на блестящие в рассветных лучах вершины деревьев. Туда, где была пустота.

Дверь открылась тихо, и в нее скользнул бес. Тимир ощутил его спиной. Как и ту, что шла следом. Лицо жреца вспыхнуло облегчением и злостью. Аглая жива! Но с ней снова бес.

Тимир оглянулся.

Топот маленьких ног рванул через залу. Тихон остановился рядом, сопя и бормоча. Ручонки обняли за ногу.

Тимир погладил домового по голове.

— Я догадывался, — кивнул бросившейся к нему знахарке. Обнял.

Радомир почесал лоб и все — таки подошел, хлопнул по плечу. А Тимир все не сводил напряженного взгляда со стоявшей в нескольких шагах от него Аглаи. Губы ее дрожали. Она сделала неуверенный шаг и снова остановилась. Едва сдерживая себя, чтобы тоже не кинуться ему на шею, не уткнуться в грудь, не заплакать от счастья видеть его живым.

— В гляделки успеете наиграться, — прервал встречу Игнат, взмахнул

лапой. Посреди залы образовалась воронка. Он оглянулся. — Так и будем стоять, ждать, когда нас здесь накроют?

* * *

Это я их нашла!

Нейла в бешенстве мерила комнату шагами.

Правитель за всю дорогу не сказал ни слова. Отвел место в покоях, приказал ожидать и пропал. Единожды к ней зашла седая неразговорчивая тетка с желтыми глазами и жутковатым лицом. Вид портили еще и выпирающие из — под толстой губы кривые клыки. Она молча поставила поднос с едой и удалилась. Нейла сразу же кинулась следом, но дверь уже была закрыта снаружи. Зло пнула створку. Перекусив, начала обследовать комнату. Небольшое окно зарешечено. Кровать, тумба и шкура на полу. В стене единственная дверь, за ней небольшая купель и ведро для нужд.

Вот так.

Нейлу от злости перекосило. Она пнула ведро и вернулась в комнату. Легла на кровать, уткнувшись лицом в белоснежную подушку. Хотелось выть. Нейла колотила по подушке ладонями, кусала ее угол.

Легкий шорох заставил остановиться. Нейла подняла голову. Из — за портьеры выступила поглощенная.

— Вовремя! — сухо бросила Нейла и села, приглаживая растрепанные волосы.

— А чего ты ожидала?

— Свободы! — честно призналась Нейла.

Поглощенная зевнула, прошелестела балахоном по комнате, выглянула в зарешеченное окно. Внизу было шумно. Да и не мудрено, почти полдень. За воротами стучали лавочники, кричали торгаши и шумно проносились кареты.

— Тебе никогда свободы не видать, или ты забыла?

— Не для себя.

Поглощенная пожала плечами, отошла от окна. Провела тощей рукой по тумбе, поморщилась, на бледных пальцах осталась пыль, а на поверхности тумбы разводы. Нежить еще раз коснулась, поверхность с треском лопнула, почернела, по стенкам пошли трещины.

— Не люблю пыль. Напоминает о том, кто я сама.

— Прах… — поморщилась Нейла. Поглощенная покосилась на девушку.

— Я прах. Твоя жизнь прах. Наивная. Нужна ли Караху свобода такой ценой?

Нейла обхватила голову руками.

— Что теперь говорить…

Поглощенная вытерла ладонь о балахон, присела рядом с советницей.

— У меня к жрице дело свое, особое. Если все сложится, может, и будет свобода, — тяжело вздохнула. — Не одна ты о ней мечтаешь, советница.

Помолчала. И спокойно добавила:

— Слышишь топот? Гаяна сбежала.

Нейла вскинулась.

— Откуда знаешь?

Исказился в усмешке рот поглощенной, она поднялась, отряхнула балахон и направилась к двери. Коснулась ее рукой, та пошла трещинами, почернела.

— Так и будешь здесь сидеть? — покосилась на Нейлу.

Всего один удар понадобился по трухлявой двери, чтобы та осыпалась щепками.

Нейла переступила через остатки и вышла в коридор. Где — то слышались крики и беготня. Нейла, озираясь, прошла по коридору, уперлась в лестницу, подумав, направилась вверх. Шла, беззвучно ступая на каменные ступени. По стенам раскинулись цветные фрески. Нейла смотрела на них с любопытством. В их дворце фресок не было. Дворец Хлада отличался величием и мрачностью. Фрески темные. Ступени каменные. Окна, хоть и высокие, пропускающие, казалось бы, много света, но задрапированные тяжелыми серыми гобеленами. Мрачные тени, появляющиеся в стенах и в них же исчезающие.

Нейла шла озираясь. Боясь, что сейчас сюда могут выскочить соглядатаи.

Свернула еще раз и увидела распахнутую дверь. Осторожно, на носочках прошла, заглянула. В самый момент, чтобы увидеть, как вспыхнула серая воронка посреди зала правителя.

— Они уводят жреца! — Ее визг эхом разнесся по коридору, и тут же, перекрывая его, грянуло:

— Нейла!

Голос был знаком. Она оглянулась и увидела спешащего к ней начальника стражи Святозара. Серая круговерть зашелестела, закрываясь.

— Ну уж нет! — выкрикнула Нейла и кинулась к ней, в последний миг успела впрыгнуть, и воронка закрылась.

Святозар, тяжело дыша, остановился в пустой комнате.

* * *

Из окон дворца хлынула тьма, вороны шарахнулись к лесу. Тьма взвилась и разлеглась над Хладом, закрыв город от солнечного света.

Игнат нахмурился.

— За жрицей собрался?

Тимир покосился на беса.

— Она направилась в Обитель?

Игнат пожал плечами.

— Собиралась.

Тимир побледнел.

— Не успеем.

— Ближе портал нельзя было сделать? — ткнул в спину беса Радомир.

— Ближе нельзя! — оскалился бес. — Заповедные места. Порталы в них не глушатся…

— Боялись ведьмы, что к ним враги полезут?

— И правильно боялись, — продолжал скалиться Игнат.

Тихон подскочил на месте от нечаянного хруста ветки под ногой.

— Здесь везде проклятия!

— Проклятия? — охнула Тала и начала озираться.

— Нет здесь проклятий, — выдохнул раздраженно Тимир.

— Я бы не был так уверен, — хмыкнул бес, с удовольствием глядя, как застонал Тихон, закатывая глаза.

— Милые ведьмы всех миров, приходите к нам в Обитель за знаниями. Если повезет… — усмехнулся Радомир.

— Это необходимость, — скупо буркнул Тимир и направился вперед.

— А как мы найдем Обитель, если ты утверждаешь, что она невидима?

— Это для нас она невидима. — Тимир кивнул на Аглаю. — Ведьмы ее видят.

Аглая побледнела, кивнула и направилась мимо деревьев туда, где сквозь них, словно путеводная звезда, играл световой блик на куполе башни.

Легкие солнечные лучи проглядывали сквозь листву, в ветвях шуршали мелкие птахи. И даже животные, чересчур смелые, останавливались, глядя на путников. Радомир то и дело хватался за лук, но

Тихон сразу его предупредил:

— Нельзя в заповедном, бед не оберемся… — И лук лег обратно за спину. Оставалось только смотреть на красоты дивного леса.

Ближе к вечеру не выдержала Тала.

— Никак леший кругами водит. Сколько уж времени идем, а будто и с места не сдвинулись.

Аглая не ответила. Шла, смотря вперед и хмурясь. А в лесу становилось мрачнее, крючковато изгибались кроны деревьев, листва осыпалась от прикосновений. Слякотно чавкало под ногами. Птичий щебет уж и не был слышен, даже дикий зверь, и тот не пробегал. Тянуло ко сну. Веки сами собой закрывались, и шаг у путников становился все медленнее. Аглая еле перебирала ногами, глядя уже не на посеревший купол Обители, а в землю.

«Зачем мы туда идем? Вернуться домой? Кто? Я. Одна. Некого больше возвращать. Стас погиб, Риту я сама убила. Ника, даже если и вернется, то уже никогда не станет прежней. Игнат… Разве такой может вернуться в мир? Бес». А Аглае как возвращаться? Что она родителям друзей говорить будет? По спине ледяным ознобом страх. Нечего ей сказать. Нечем оправдать себя за то, что она жива, а они… Аглая шмыгнула носом и остановилась. — Незачем идти.

— Не смей. — Руки Тимира подхватили, не давая упасть. — Это морок… Все мысли и страхи — всего лишь морок.

Аглая уткнулась в его плечо, всхлипнула.

— Зачем? Для чего я туда иду?

— Чтобы жить, чтобы позволить жить другим. — Он гладил ее по волосам. — На тебя только надежда. Оглянись. Посмотри, что ты делаешь?

И Аглая оглянулась. В потемневшем лесу они одни остались стоять на ногах. Даже бес Игнат и могучий охотник Радомир лежали у высокого дуба.

— Почему?

— Потому что ты не хочешь.

— А ты?

Он приподнял ее лицо за подбородок, посмотрел в глаза.

— Я единственный, ради кого ты все еще готова войти в Обитель.

Аглая запустила пальцы в густые волосы Тимира, коснулась губами его лица и шепнула:

— Ты должен стать жрецом.

— Я не настаиваю.

Аглая потянулась всем телом к Тимиру, чувствуя, как он напрягся.

— Я знаю, чего хочет Гаяна.

— Я знаю, почему она этого хочет. — Голос его стал хриплым.

— Ее предали…

— Ее обманули. Она горит мщением. И если ты откажешься… Ника никогда не станет человеком. Не спадет проклятие. Не возгорится Трисвет. Нежить будет блуждать по землям Велимира.

Аглая задрожала. Тимир прижал ее к себе, осторожно прикоснулся губами к ее губам, и они раскрылись навстречу. Аглая запустила пальцы в черные жесткие волосы. Не было больше звуков вокруг, кроме их сердцебиений.

Тук — тук, единый ритм.

Не было никого, кроме двоих.

— Люблю! — обжигающим шепотом.

И сердце замерло, а потом ухнуло бешеным ритмом.

Поцелуй уже прекратился, а они еще стояли, прижавшись друг к другу, слушая дыхание.

— Выбор за тобой. — Он не выпускал ее из объятий.

Она грустно улыбнулась.

— Обитель близко. Очень близко. Я чувствую ее. Ведовские наветы кружат рядом. Они шепчут.

И вдруг замерла вслушиваясь. Тонкий звон. Аглая отстранилась, кинулась к лежащему у дерева Игнату. Он мирно спал. Аглая вытащила из его сапога клинок. Он светился и звенел. Ведьма поднялась, подошла к Тимиру. Посмотрела в его глаза.

И на выдохе резанула по руке тонким лезвием. Свет разлился вокруг, поглощая Тимира и Аглаю. А когда рассеялся, они стояли в высокой зале.

— Она здесь! — выдохнул Тимир.

— Да, — кивнула Аглая. — Но прежде… — Положила окровавленную ладонь на грудь Тимира. Серебристые нити потянулись сквозь ее пальцы. По телу его прошла судорога. Глаза потемнели. Лицо стало мертвенно — серым, а после и вовсе почернело, превращая своего обладателя в черного, тяжело дышащего волка. Зверь мотнул голой, в сумрачных глазах закружились воронки. Волк тяжело дышал, трясясь всем телом, едва сдерживая рвущую его боль. Аглая осторожно, смотря в глаза тьмы, положила на черную голову руку и шепнула тихо в горящие ненавистью глаза.

— Да будет благословлена сила твоя, жрец.

И тут же зрачки ведьмы стали черными.

Тьма метнулась через ее тело, вцепляясь в душу. Аглая с силой сжала

холку зверя, руки поддерживали, не давая упасть тому, кто много лет сдерживал силу жреца. Волк с благодарностью посмотрел на Аглаю, она заглянула ему в глаза. Клинок ведьм распорол черную шкуру, войдя в шею. Волк содрогнулся и рассыпался прахом. На его месте поднялась воронка.

— Узри хозяина, сила тьмы. Узри Верховного жреца! — тьма взвилась в небо, упала наземь, подняв вокруг Аглаи клубы пыли. А потом рванула через окна. Почернели вокруг Обители деревья. Заполыхали черным огнем травы. Земля встала дыбом. Озеро ударило волнами. Ничего больше не было вокруг, только мрак.

— Узри хозяина, сила тьмы! Аш каринари тор марали тор!

Аглая покачнулась, и тьма, еще минуту назад готовая растерзать ведьму, рванула к ней, обняла, прижала к себе, тихо шепнула:

— Девочка моя, — голосом черного жреца Тимира.

Глава 21

Нейла быстрым шагом шла через лес следом за поглощенной.

— Они не могли далеко уйти. Куда они пропали?

— Она ведьма, — прошелестела поглощенная. — Она видит путь. Я — нет.

— И что будем делать?

— Ты же советница, советуй.

Нейла остановилась, замерла, прислушиваясь к шорохам вокруг.

— Это странно… Лес будто дышит… Я слышу его дыхание…

— Он зачарован, — кивнула поглощенная. — Вечная печаль в нем. Он ожидает своих хозяев. Оберегает то, что ему назначено. Как верный пес. Не хотелось бы мне попасть сюда, будь я живой.

— Хватит нагонять жути, — рыкнула Нейла.

Нежить засмеялась.

— Жуть впереди, советница. Я лишь предупредила.

Нейла не верила словам поглощенной, но все же перекрестилась и пошла дальше. Останавливалась у нечаянно сбитых камней, у глубоких следов, оставленных тяжелыми сапогами.

— Туда! — указывала поглощенная. И все чаще оглядывалась. Ей, мертвой жрице, было открыто чуть больше. И она видела, как сквозь солнечные блики проступают темные тени прошлого. Как смотрят голодные глаза древнего морока на советницу. Слышала, как позади торопливо по их следу идет человек, она даже знала кто — Святозар. А чуть поодаль сам темный жрец Китар, не один. С ним, вынюхивая, бредут бесы. И поглощенной это не нравилось.

— Погоня за нами, — прошелестела она советнице в ухо, когда та остановилась, рассматривая странный след.

— Почему за нами? — удивилась Нейла. — За Гаяной!

— Кто — то за жрицей, а кто — то за тобой.

Нейла посмотрела назад, в густые ветви частых деревьев. Тень. Листья. Ничего не видно. И даже до слуха не доносятся голоса.

— Я видела в замке Святозара. Никак Карах послал.

Мертвая кивнула.

— Не вернусь, — настырно проговорила советница. — Пока своего не получу, ни за что не вернусь.

Поглощенная кивнула.

— Не вернешься… Живой. — И направилась между деревьев.

Нейла поежилась. Не вернется. Она не вернется к Караху. Никогда. Стоит это его свободы? А она сама стоит его любви? Кто она? Советница. Наглая девчонка, никогда не слушающая своего правителя. А он всегда ее слышал. И слушал.

Нейла с усилием сдержала дрожь. Она никогда не будет с ним. Она продала тело, молодое, красивое взамен на его свободу. И теперь ее участь — стоять рядом с правителем Нугора, улыбаться и делать вид, что она Нейла. Или все сложится по — другому, и настоящая Нейла просто уйдет. А сумрачная останется жить, разве что сила ее пропадет во мраке, в том самом, в котором будет биться и метаться от страданий душа Нейлы. Стоит ли оно свободы Караха?

«Стоит!» — упорно, кусая губы, прошептала Нейла и направилась вслед за мертвой жрицей. Прошла она немного. Поглощенная стояла у дерева вслушиваясь.

— Тихо! — приложила палец к губам.

Приглушенные голоса. Нейла не могла разобрать слов. Силуэты не видела вовсе, слишком густые деревья и высокие кусты.

А потом серебристый свет разлился между деревьев. Нейла стояла замерев и почти не дыша. Внезапно по деревьям прошла волна, ударил порывом ветер, снося желтые листья. И все стихло.

Нейла пробралась через кусты, больно ободрав кожу рук. Оглянулась на поглощенную. Той около не было. Зато рядом послышался голос.

— Кто?.. Кто здесь?

— Девица! Посмотри на меня. Я всем хорош.

На секунду меч дрогнул в руке советницы. Из — за дерева вышел кособокий парень, слипшиеся волосы висели паклей. Из одежды только гнилые листья. Темные глазницы. Земля под ним чавкала. Неупокоенный! Нейла уже встречалась с подобными и прекрасно знала, какими последствиями может обернуться такая встреча. Она покрепче сжала рукоять меча. В этот момент рядом кто — то зашевелился.

* * *

Усталость пропала внезапно, как и сонливость. Игнат открыл глаза. Напротив него стоял жуткий паренек.

— Не шевелись и не смотри в глаза, — тихо шепнули рядом.

Игнат покосился. Советница Нейла.

— Не похоже, что он злобный.

— Это пока не злобный. А посмотришь в глаза, и за собой потянет. Под землю. Он неупокоенный. Ходит людей губит. Особенно молодых…

— Девушек.

— Их в большинстве.

В это время неупокоенный снова затянул глубоким голосом:

— Девица, я жених хороший. Пошли к тебе, с родителями познакомишь. Я мужем нежным буду.

— Ага, сейчас, — шепнула Нейла. И выпадом снесла ему голову. Та покатилась по земле, чавкая губами. Тело растопырило руки, пытаясь ее найти.

— Ах — ха — ха. Недобрая! Подожди, я тебя найду, со мной пойдешь! — Голова клацала зубами. Игнат подскочил, пнул ее подальше. Тело побежало следом, чавкая ногами.

Игнат оглянулся, заметил, как и остальные начинают подниматься. Радомир тряс головой, терла глаза Тала. И даже домовой зевал, прикрывая рот рукой.

— Веселое местечко, — хмыкнул Игнат и подскочил на месте от громкого:

— А кто здесь у нас?

Раздался вскрик Нейлы.

Еще двое неупокоенных стояли у кустов. Игнат снес и этим головы, на несколько частей разрубил тела.

— Так — то надежнее.

— Злые! Злые! Найдем! С собой заберем! — орали головы.

— Нам лучше побыстрее убраться отсюда. — Игнат сунул меч в ножны, огляделся. — Где Аглая? И Тимир?

Радомир услышал, захлопал глазами, бросился заглядывать за деревья. Тала настороженно осмотрелась. Тихон принюхался.

— Бросили вас ваши силой одаренные, — усмехнулась Нейла. — В Обитель пошли.

Игнат зло пнул землю. Радомир крякнул. Тихон потер бороду и посмотрел на Талу. Знахарка пожала плечами.

— Так кто знает, что там, в Обители. Может, они нас оградить хотели.

— Вот именно, а если помощь нужна? — взревел Радомир, начав ходить туда — сюда.

— Им лучше знать, они…

— Люди… Такие же, как и мы… — гаркнул Игнат.

— Ага, — присвистнул Тихон. — Вот ты сейчас особенно человек. И

рыльце у тебя совсем человеческое.

Игнат рыкнул и бросился на Тихона, путь ему преградил Радомир.

— Не по силе ноша… Нужно, так на меня рычи, бес!

Игнат схватил Радомира за грудки, тот вцепился в широкие плечи беса.

Пронзительный, разрывающий слух визг так и застал их, смотрящих друг на друга с ненавистью. А из кустов донесся довольный смех неупокоенных.

Нейла оглянулась, отступила на шаг и пронзительно закричала:

— Бежим!

Радомир оттолкнул Игната, схватил на ходу за руку Талу, та успела уцепить за шиворот Тихона, и они помчались следом за утекающей советницей. Игнат, хлопнув крыльями, взвился ввысь. И сразу понял — это была не лучшая идея. Резко спикировав вниз, побежал со всеми.

— Кто там? — заикаясь и семеня ногами, выкрикнул Тихон. Рука Талы то заставляла его подпрыгивать, то он падал и смиренно волочился по земле.

— Бес его знает, — гавкнул Игнат. — Но оно летает.

— Вороны! Какие они большие! Неупокоенные! — заорал домовой, оглянувшись и встретившись с озверелым взглядом огромной птицы, несшейся следом.

Игнат подхватил орущего Тихона из рук Талы, подсадил себе на плечи и понесся вперед.

Нейла не бежала, она скакала огромными прыжками, перепрыгивая кусты, рубленые на бегу мечом. Карканье, несшееся следом, резало уши. За очередной куст Нейла зацепилась и рухнула вниз лицом. Тут же перевернулась только для того, чтобы уткнуться в птичью голову с обломанным клювом и ощипанной головой. И она явно ей не нравилась. Клюв щелкнул. Неупокоенная птица наступила лапой на меч. Нейла взвизгнула и начала отползать. Жуткая нежить двинулась за ней. Ударила лапой. Едва задела по лицу, но вдоль щеки образовался багровый след. Нейла вывернулась, вторая лапа распорола землю.

Нейла вскочила. Убежать не успела, огромные когти вцепились в ее плечи.

— А — а — а!

Советница изо всех сил пыталась вырваться из цепких лап. Земля все быстрее удалялась от нее. Внизу, прямо под ногами, остановилась и бросилась за ней преследуемая летающими тварями Тала. Кинулся, вытаскивая на ходу лук, Радомир. Ударил перепончатыми крыльями, скидывая с себя домового, Игнат. Бес успел перехватить Нейлу, прежде чем

стрела охотника пронзила голову твари. Опустив девушку на землю, бросился к бьющемуся с очередной парочкой воронов Радомиру. Охотник прикрывал Талу и Тихона. Лук валялся поодаль.

Твари, обступившие их, мерзко хрипя, хлопали большими крыльями.

Радомир размахнулся. Бес, рыча, снес лапой одного ворона, второй рванул вверх. И уже оттуда начал оголтело кричать, крыть непонятными, но явно ругательными выражениями.

Путники перевели дыхание.

— Я так понимаю, неупокоенные здесь все обитатели?

Ответом был перепуганный взгляд Талы.

— Что ж, значит, убираемся быстрее. Только куда? — тяжело дыша, спросил Игнат и посмотрел на Тихона. Тот пожал плечами, возвел глаза вверх. К ним подошла, морщась от боли, Нейла. Ворон изрядно порвал ей костюм.

— В сторону солнца.

— Это отчего же? — ехидно поинтересовался Радомир.

— Оттого, что там Обитель.

— А откуда тебе знать, что там Обитель?

Нейла усмехнулась в лицо охотнику.

— Оттого что она там. — И ткнула рукой. Недоверчиво обернулся Радомир.

В заходящем свете солнца играла в лучах бликами башня Трисвета.

— Ведьма вошла в Обитель, — протянул Тихон.

— Или Гаяна, — поправила Нейла.

*** * ***

Солнечные лучи сверкнули в верхушках деревьев и пропали, погрузив лес и башню в сумрак. Слышался легкий плеск ударяющихся о камни волн. Обитель была гигантской. Она простиралась далеко, на сколько хватало взора, окруженная стеной, омываемой водами озера. За стеной угадывались широкие окна в массивных каменных плитах. Круглая башня, уходящая настолько высоко, что у Игната заломило шею при попытке ее разглядеть. Обитель торжественным величием возвышалась над деревьями зачарованного леса. Фризы с древними письменами над входом, от которого вверх уходил мост.

— Могли бы и приспустить, — вздохнул Радомир, трогая воду. — Студена…

— И наверно, глубоко, — нахмурилась Нейла.

— Тебя могу перенести, — изобразил любезную улыбку Игнат. — И тебя, — обернулся к Тале.

Радомир скрипнул зубами. Тихон тоскливо вздохнул.

Игнат расплылся в улыбке.

— Домовенка Кузю тоже перенесу. А вот тебя, бугай… — Он смерил главу насмешливым взглядом. — Увы, не по силе ноша.

Игнат подошел в Нейле и уже взял ее за руку, та благодарно улыбнулась.

— Завораживающее зрелище, не находите?

Нейла обернулась на голос. Лицо исказила недобрая гримаса. К берегу приближался Китар верхом на черном коне. Позади брели десять соглядатаев, нехорошо поглядывающих на Игната.

— Много столетий я был лишен возможности видеть это чудо. Обитель ведьм! — он спешился. Кинул поводья одному из соглядатаев. Подошел к берегу, снял перчатку и опустил ладонь в воду. — Вы знали, что эти воды заживляют раны? Нет. Обидно, заживляют только ведьмам. После тяжелого пути обладающие даром, изнеможенные и раненые, они входили в воды Озера ведьм и выходили совершенно бодрыми. Одно из чудес Обители. Кстати, а как вам прогулка по лесу с неупокоенными?

Китар поднялся, стряхнул с рук влагу, неторопливо натянул перчатку. Подошел к Нейле.

— Так о чем вы меня просили, советница? И начальник моей собственной стражи. — Китар поморщился. — Хотя от тебя, Игнат, вполне ожидаемо.

Нейла побледнела.

— Я не с ними! — попыталась оправдаться. Правитель не слышал, он, прищурив глаза, сверлил взглядом Игната.

— Бес! — нервно дернулась щека. Он весь передернулся. И перевел пронзительный темнеющий взгляд на советницу.

Нейла попробовала отступить. Игнат бросился на помощь, но был откинут глубоко в озеро. Взвыл, пытаясь вынырнуть, придавливаемый тяжелой рукой извивающейся тьмы. Закашлял, захлебываясь и проклиная бесовское подчинение правителю Хлада. И почти одновременно с этим ощутил, что тьма не давит, а всего лишь сдерживает.

«Прочь!» — и она послушно отпустила. Игнат рванул из воды, но не успел.

Меч возник из заклубившейся вокруг Китара мглы. Тонкое лезвие вошло под ребра советницы.

— Нейла! — голос ворвавшегося на берег Святозара приглушил ее вскрик.

Он успел поймать ее на руки. Кровь хлынула из раны. Нейла слабо улыбнулась.

— Не успел, Святозар… Не успел.

Игнат напал на Китара сзади. Тяжелый удар оглушил правителя. Он вскрикнул. Тьма вокруг него взвилась, устремилась к Игнату, откинула его в сторону и метнулась обратно к Китару. Заорал, выхватывая меч, Радомир. Соглядатаи кинулись на Игната. Тьма рванула к охотнику. Рев Святозара пронзил воздух, меч ударил в сгусток мглы. Тьма вывернулась, поглотила и его. Были слышны лязг оружия, вскрики охотника и стража и тяжелое дыхание мглы.

Тихон кинулся на помощь Игнату. Запрыгнул на одного соглядатая и начал дубасить его по голове прихваченным камнем.

Тала всхлипывала, прижимая к ранам Нейлы травы, шептала молитву.

Поглощенная возникла из ниоткуда. Тала вскрикнула, пытаясь прикрыть умирающую.

Мертвая жрица покачала головой.

— Не бойся, знахарка. Мне не нужно умирающее тело, — наклонилась над советницей. — Ты обманула меня.

— Ты меня тоже, — едва слышно шепнула Нейла.

— Что ж, мы в расчете. — Кивнула и выпрямилась. Повернула голову к Обители. — Надеюсь, я не опоздала.

Глава 22

Во тьме было хорошо. Руки Тимира обнимали, губы касались лица и скользили вниз, к ее губам.

— Аглая!

Она выдохнула. Вся задрожала в его руках.

— Она здесь…

Аглая не сразу поняла.

— Нам успеть нужно. — И отпустил. Тьма рассеялась. Они стояли в огромной зале Обители. Стены ее возносились высоко и терялись в звездном куполе. Несколько лестниц по сторонам, уходящие в стенные проемы. Выше еще лестницы. Они выныривали из стен и погружались в них полукольцами, на сколько хватало взора. Множество коридоров. Аглая готова была поверить, что в былые времена здесь и правда проживало огромное количество ведьм.

Тимир потянул ее в самый широкий коридор, но не прошли и пары шагов, как уперлись в несколько лестниц. Тимир выбрал среднюю, вниз. Едва ступили, как со стен сорвались цветные светляки, закружили, огоньками освещая путь. Спускались быстро, Аглая еле поспевала. Мимо мелькали фрески. Спокойные лики образов. Грустные и молчаливые. Возвышенные, в светлых и темных одеждах, в лучах восходящего солнца и под серым светом полной луны. Лик, изображенный на одной из фресок, показался знакомым. Обрамленный светлыми тонами, восход и закат по сторонам, луна и солнце над головой, трава и черная земля под ногами, пристальный взгляд на уверенном, смотрящем вдаль лице, но времени рассматривать не было. Они уже спустились в коридор, по которому бежали так быстро, насколько у Аглаи хватало духа.

Длинный коридор, множество дверей. Одна открыта в самом конце.

Гаяна стояла посреди комнаты, возложив руки на черный алтарь. От него по рукам жрицы струились темные нити. Просачивались и тут же осыпались прахом.

Аглая шагнула к жрице. Тимир схватил ее за плечо.

— Она не может, — сказал удивленно. — Не тронь.

Гаяна снова возлагала руки на алтарь. И снова струилась тьма и осыпалась, так и не одарив жрицу утерянной силой.

— Почему? — зубы Гаяны заскрежетали.

Алтарь затрясся, покрылся трещинами. Гаяна в страхе отскочила. Тьма

появилась из трещин алтаря, разрослась, расплываясь по комнате.

— Ты забыла одну маленькую деталь! Обитель не только возвращает силу, она может забрать и последнее! — прошептали из тьмы.

— Она не может… без ведьмы. Без истинной Верховной ведьмы! Кто ты?

Тимир прижал к себе Аглаю. Но она отстранилась, с надеждой смотря на трепещущую чернотой мглу.

— Ника!

Раздался смех, тьма пропала, оставляя посреди комнаты навью. Та отряхнулась. Темный ежик волос топорщился во все стороны. Глаза горели черным, землисто — серая кожа излучала посмертный свет.

— Ты? — Гаяна во все глаза смотрела на Нику. — Ты умерла.

— Да, — согласно кивнула Ника. — Ненависть начистую выбила разум и память, ты же сама прокляла всех ведьм. Не можем мы найти упокоение в смерти. Так и ходим навьями. А тело это мое. И оно живое и здесь, в Обители, оно слушает меня, свою истинную хозяйку.

Ника прошла по комнате, по дороге подмигнула Аглае. От Ники веяло силой и обретенным даром. Не просто даром, а древним ведовским. Тимир прижал к себе Аглаю.

— Как ты смогла?.. — Жрица сощурилась, всматриваясь в Нику. — Ты… ты простая глупая… — И осеклась. — Они тебе сказали? Слово! Они! Ведьмы! — Визг Гаяны разлетелся по комнате. — Они провозгласили тебя!

— Да! — довольно пропела Ника. — Десятки, нет, сотни ведьм, все сказали мне свое слово. Я наполнена даром сотен ведьм. И да, они провозгласили меня Верховной. Знаешь, мало кому нравится бродить по свету ни жив ни мертв по твоей вине. Кому — то хочется простого покоя. — В черных глазах Ники блеснула тоска.

— Мне тоже хотелось, — холодно резанула Гаяна. — На что они меня обрекли? Ты знаешь, что такое прозябать в сумрачной вязи? Чувствовать, как твое тело глодают жуки и черви. Знать, что ты мертва и навечно прикована к мутной вонючей жиже, которую даже звери лесные стороной обходят. Кто за это ответит? Мерка сбежала вместе со своим отродьем. Китар властвует. А я? Кто вернет мою жизнь? Я ведь не была жестокой! Я… — Она перевела взгляд на стоящих у входа Тимира с Аглаей. И отчего — то той стало невыносимо жаль жрицу. В конце концов, она все же не бросила умирающего в Мирном Тимира. Она помогла им. Что бы ни было у нее на душе. Она не причинила им вреда. Не причинила? А Ника?

— Я хочу получить свое! — Навья подошла вплотную к Гаяне. Та

отшатнулась.

— Я бы тоже не против. — Холодный голос разрезал воздух.

Поглощенная вошла в комнату. Бросила мимолетный взгляд на Нику. Усмехнулась.

— Темная Верховная, давно эти покои не видели ведьму, а тут сразу две!

Гаяна испуганно посмотрела на поглощенную, потом перевела взгляд на Аглаю и снова на приближающуюся поглощенную. В глазах мелькнул страх.

— Каково это, зависеть от силы, не подвластной тебе? — Темнота вырвалась из — под одеяний мертвой жрицы и потянулась к Гаяне. Та вскрикнула, кинулась к стене и застыла там не в состоянии двинуться.

— Прочь! Прочь! — Голос стал хриплым, сорвался на визг. Она с ненавистью посмотрела на Нику. — Ты… ты не станешь истинной, живой. Я не позволю. Я уничтожу тело. — И шагнула к тянувшейся к ней убивающей темноте.

Но та отшатнулась от жрицы, втянулась обратно под одеяние. Поглощенная жрица стояла, смотря устало.

— Хватит, Гаяна. Я пришла за тобой, а не за этими девочками. Ты дала обещание, сдержи его. — Жрица посмотрела на застывшую Нику.

Гаяна нервно засмеялась.

— Я уйду, но заберу и это, — постучала себя по груди.

— Не заберешь, — выдохнул Тимир.

Гаяна глянула на него раздраженно.

— Ты помешаешь?

— Я! — Тимир прошел и остановился между Гаяной и Никой. — Именем жреца тьмы я подтверждаю договор, осуществленный между навьей и духом.

Гаяна растерянно смотрела на Тимира. На сорвавшиеся с его рук нити, опутывающие Нику, тянущиеся к ней. Глаза вмиг округлились.

— Жрец! Ты не мог… Когда ты успел? Ты… — Она еще не верила.

Тимир стоял между навьей и бывшей жрицей. Темная сила кружилась, полностью подвластная хозяину и готовая высвободиться только по его приказу. Гаяна перевела взгляд на Аглаю. Тогда та беззвучно шепнула, и свет тонкой поземкой опутал ее.

— Тьма и свет! — губы Гаяны побледнели.

Ника улыбнулась, глубоко вздохнула. Все так просто. Шаг.

Гаяна стояла рядом с Никой. Призрачное тело сотрясла дрожь.

— Твое время закончено.

— Нет! — Гаяна кинулась к выходу. Но там стояла поглощенная. Гаяна взвизгнула, пытаясь выскользнуть.

— Хватит, Гаяна! Прошло наше время. Давно уж. И злоба наша в землю въелась, грызет наш народ, землю нашу. Я по миру следом шла, видела, что наша ненависть делает. Я боль видела, я, поглощенная, сама ее приносила. Слезы мертвых ведьм. — Она посмотрела на Нику, та отвела взгляд. — Не изменим мы уж ничего, Гаяна. Разреши это сделать другим…

— А Китар? — всхлипнула Гаяна. — Он войдет в Обитель.

Поглощенная пожала плечами.

— Ему не позволят. — И пристально посмотрела на Тимира.

Он сузил глаза.

— Не позволят.

Гаяна опустила голову. Тяжелый надрывный всхлип вырвался из груди.

— Десятки, тысячи таких, как я, ходят по миру. И навьи, сотни лет в ненависти к тебе, с ненавистью ко всем живым. Хватит, Гаяна, пора прекратить это!

Поглощенная кивнула Тимиру. Преклонилась.

— Я признаю власть нового Верховного жреца. Отпусти. Но сначала… — Она посмотрела на Гаяну. Та бросила полный жалости взгляд на жреца.

— Моим словом, силой темного жреца я запечатываю проклятие ведьм. — Огромный вихрь сорвался с ее рук, потянулся к Тимиру. Стены Обители задрожали. Тимир протянул руку, ловя проклятие, то крутанулось, сжалось, став размером с ладонь, и осыпалось прахом.

Тимир кивнул. Тьма мягкими лапами легла на плечи поглощенной, окутала.

— Простите меня! — шепнула Гаяна, с надеждой посмотрела на навью. И та кивнула.

— Прощаю, будет светел твой путь в ином мире.

Гаяна отвернулась и сама шагнула во тьму. В ее потухающем взгляде мелькнула благодарность.

— Спасибо, жрец!

И затихающий голос поглощенной.

— Вам за стены Обители нужно!

И обе пропали. Как и тьма. Ника повернулась к Аглае. Темные зрачки вспыхнули, она всхлипнула и кинулась в объятия Аглаи.

* * *

Сильная рука тьмы разметала соглядатаев. Бесы шарахнулись в сторону. Оскалили клыки.

Тьма, окутывающая Святозара и Радомира, пошла волнами, отступая перед другой, не менее сильной. Охотник и воин, хрипя, остановились с занесенными мечами у самого берега. Китар перевел взгляд. Встретился с выходящим на берег Тимиром.

— Жрец! Смотрю, силу охолонил. — Хлестанул черными нитями по клубящейся тьме. Она рванулась и тут же остановилась.

— Именем Верховной ведьмы я не допущу кровопролития на своей земле.

Китар изумленно перевел взгляд. Ника стояла скрестив руки.

— Это наша Обитель. И я в тебя не влюблена, чтобы жалеть. У тебя есть пара минут, чтобы убраться.

Китар усмехнулся, шагнул навстречу и снова изменился в лице. Теперь взгляд его был устремлен на Аглаю, помогающую подняться домовому.

— Ты! — тихо прошептал правитель. И отступил бледнея. Обвел всех взглядом и снова устремил взор на Аглаю.

— Вернулась! Ко мне!

Аглая в растерянности подняла взор на Китара. И нехорошо стало, в голове помутилось, болезненно сжалось сердце. Она смотрела в его глаза и чувствовала, как тоскливо и горько ей становится.

— Я вернусь. За тобой. — Он щелкнул пальцами. Один из соглядатаев подвел к правителю коня. Китар одним движением вспрыгнул в седло. Натянул перчатки. Ударил кнутом.

Конь тряхнул головой и скрылся в деревьях, унося всадника, а следом унеслись и соглядатаи. Аглая продолжала стоять, с необъяснимым отчаянием глядя вслед правителю Хлада, и на глаза навернулись слезы.

«Да что со мной!» — испуганно вытерла лицо ладонью, отворачиваясь от всех. Но успела поймать напряженный взгляд Тимира.

— Аглая! — голос Талы встревоженный, плаксивый заставил ее забыть о Китаре. Она кинулась к знахарке.

Грудь Нейлы тяжело вздымалась. Кровь сочилась не останавливаясь.

Аглая наклонилась к советнице. Приложила руку к груди и тут же ее отдернула. Разорвала верхнюю одежду, под ней переливалась серебром тонкая кольчуга, от которой так и несло древними заговорами.

Опустился рядом мрачный Святозар. С надеждой посмотрел на Аглаю.

— Выживет, — ответила на его взгляд ведьма.

— Я могу забрать ее?

Аглая кивнула.

— Отсюда портал только Верховная ведьма может сделать.

Посмотрела на Нику. Та взмахнула рукой. Серая воронка появилась между двух сосен, сверкнула, открывая вид на тронный зал дворца Нугора. Карах обернулся на легкий шорох и застыл, видя, как медленной поступью идет к нему Святозар, неся на руках Нейлу.

Радомир тяжко выдохнул. Тала все еще шептала молитвы. Аглая вцепилась в руку Тимира, смотря, как падает на колени перед уложенной на пол советницей правитель Нугора, целует бледное лицо.

— Лекаря! — последнее, что успели услышать, прежде чем закрылась воронка.

— Вот и сказочке конец. — Игнат подошел ближе, выжимая на себе мокрую рубаху. — Если я все правильно понимаю, Ника, ты можешь открыть грань, и мы уйдем отсюда.

— Особенно ты! — с презрением посмотрела на него ведьма. — Или ты думаешь, что можешь снова стать человеком?

Игнат нахмурился.

Ника развела руками.

— Нет, ты стал бесом, им и останешься. Тебе нет места в нашем мире.

Игнат побледнел, сцепил руки в кулаки. Минуту он с ненавистью смотрел в довольное лицо Верховной ведьмы, отвернулся и направился к берегу, где сел, уронил голову на руки.

— А ты? — Тимир спросил очень тихо, но Аглая услышала, бросила тоскливый взгляд на Нику. Та горестно покачала головой.

— Все, что мне было дорого, осталось здесь. Аглая, ты видела навий, сумеречных, мавок. Когда там, в храме ведьмы, открывали мне слово, когда провозглашали Верховной, я точно знала, что не брошу их. Я найду жрецов и зажгу Трисвет. Проклятие спадет с этой земли. Они в это верят… — Она отвела взгляд, смотря на Обитель, и выдавила тихо: — Я в это верю.

Аглая отступила от Тимира. Сердце сжимала тоска.

— А как же те, кто там? Они ждут нас, ищут…

Ника подошла к Аглае, обняла за плечи.

— Ждут и ищут… И мы когда — нибудь обязательно вернемся. Но не сейчас.

* * *

В кухне малогабаритной квартиры горел свет.

Аглая стояла у окна, с грустью смотрела в окно своей квартиры, своего

дома, своего мира. В комнате, убаюканные ведовством Ники, спали родители. Прощальный взгляд, ласковая улыбка.

— Я вернусь, я обязательно вернусь, мама!

— Что ты так долго?.. — вошел Тимир. Аглая с трудом проглотила вставшие в горле слезы.

Ника едва коснулась висков Аглаиных родителей руками. Спокойный, хороший сон. Они будут думать, что она уехала. Надолго, далеко. Но обязательно вернется. Они даже не будут переживать, только ждать. А вот тетушка Ники никогда не вспомнит о ней. Никогда не аукнется в памяти у родных русоволосый парень Стас. Родители Риты навсегда забудут, что у них была дочь. Игнат… Он пошел к своему дому, долго стоял у двери, так и не решился войти и сказать последнее слово. Отныне для родителей его никогда не было в этом мире.

Аглая всхлипывала кусая губы. Игнат обнял и прижал к себе. Перепончатые крылья плащом свисали позади.

— Вот и все, — вошла в кухню Ника. Усмехнулась, завидев Игната, обнимающего Аглаю. — Тимир тебе уши бесовские оторвет. Будешь бес рыжий безухий — новый подвид.

Аглая отпрянула от Игната. Растерла слезы по щекам.

— Ведьмы, — беззлобно оскалился Игнат, вырисовывая в стене портал.

Громко зашипела входящая в кухню кошка. Бес шикнул и, подхватив двух ведьм, скрылся в серой воронке. А кошка так и осталась, смотря ошалело на пустое место, где был вход в портал, выгибая спину и вращая глазами.

* * *

Кони хрипели у моста. Псы рычали, но сделать шаг не смели. Стражи преклонили головы, когда две ведьмы переходили грань, а следом за ними, распахнув огромные крылья, парил рыжий бес. На другой стороне их уже поджидал хранитель вязи. Он стоял, оскаливая радостно жуткую пасть. За великое множество лет он наконец снова встречал у грани ведьм Велимира.